

ХРАМЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

**СОБОР
НА ВЛАДИМИРСКОЙ**

Е. В. Исакова, М. В. Шкаровский

СОБОР НА ВЛАДИМИРСКОЙ И ХРАМЫ ПРИДВОРНОЙ СЛОБОДЫ

Санкт-Петербург
«Паритет»
2004

Все права на данное издание принадлежат издательству «Паритет». Воспроизведение материала в любой его форме возможно только с письменного разрешения правообладателя. Попытки нарушения будут преследоваться по Закону РФ об авторском праве.

Издательство благодарит за помощь в подготовке издания, за предоставленные фотоматериалы старосту храма И. С. РАЕВСКОГО, архитектора Ю. В. КИРСА, автора книги Е. В. ИСАКОВУ, а также А. П. МАКЛОВА

Исакова Е. В., Шкаровский М. В.
И85 Собор на Владимирской и храмы Придворной слободы.— СПб.: «Паритет», 2004.— 256 с., ил.— (Серия «Храмы Санкт-Петербурга»).

ISBN 5-93437-184-3

Ансамбль собора Владимирской иконы Божией Матери — один из немногих сохранившихся замечательных памятников второй трети XVIII века. С Владимирской церковью связаны имена многих известных деятелей русской культуры, здесь отпевали няню А. С. Пушкина Арину Родионовну, прихожанами храма были Ф. М. Достоевский, Н. А. Римский-Корсаков, А. И. Куприн, Л. Н. Гумилев.

Книга рассказывает о том, как строился и украшался старинный храм, чьи судьбы с ним связаны, какую роль играл он в жизни северной столицы. Авторы знакомят читателя также с домовыми и дворцовыми церквями, храмами, находившимися в учебных заведениях, и монастырскими подворьями на территории Владимирского прихода. На страницах книги нашла отражение и активная духовная жизнь, центром которой стал возрожденный храм.

Книга рассчитана на массового читателя.

УДК 72

© Е. В. Исакова, 2004
© М. В. Шкаровский, 2004
© А. С. Андреев. Оформление обложки, 2004
© Редакционная подготовка. Издательство «Паритет», 2004

Удивительный по красоте и изяществу архитектурный ансамбль Владимирской церкви — один из немногих сохранившихся замечательных памятников второй трети XVIII века. Он находится в самом центре Санкт-Петербурга, близ Невского проспекта, являясь доминантой Владимирской площади. В давние времена Владимирская церковь была одним из богатейших храмов столицы. Великолепный иконостас, иконы и утварь работы талантливых мастеров XVIII столетия привлекали внимание любителей искусства и старины. Предметы из Владимирской церкви экспонировались на художественных выставках начала XX века. В приходе храма жили многие известные деятели русской культуры. Здесь отпевали няню Александра Сергеевича Пушкина Арину Родионовну и друга поэта Антона Антоновича Дельвига. Прихожанами храма были Федор Михайлович Достоевский, Николай Андреевич Римский-Корсаков, Александр Иванович Куприн.

Несмотря на свое историческое прошлое, красоту и расположение, долгие годы Владимирская церковь была незаслуженно забыта. В 1932–1988 годах здание использовалось не по назначению. Только в 1960 году оно было принято под государственную охрану как памятник архитектуры. И лишь в 1989 году возвращено верующим.

В настоящее время мало кто знает, как строился и украшался старинный храм, чьи судьбы с ним связаны, какую роль играл он в жизни северной столицы. Нет ни одного подробного описания истории храма и прихода. Единственный очерк о храме был написан в 1873 году священником Николаем Вирославским и включен в сборник Историко-статистических сведений по Санкт-Петербургской епархии (т. 8). Но он уже давно стал библиографической редкостью. Даже в архитектурных путеводителях Владимирская цер-

ковь упоминается редко и лишь вскользь. Что же касается истории прихода в советский период, то до недавнего времени подобные сведения были недоступны для широкой публики.

В настоящей работе авторы рассказывают о том, что представлял собой храм в старые годы, чем жили его прихожане, какова была судьба храма и духовенства в годы гонений. Также малоизвестна история близлежащих небольших домовых и дворцовых церквей, существовавших порой совсем недолго, но своей молитвой преображавших пусть небольшой, но особый мир. Авторам представляется важным рассказать и о церквях, бывших в учебных заведениях, и монастырских подворьях на территории Владимирского прихода, радовавших взгляд своими золочеными главками и крестами и улаждавших слух «малиновым» колокольным звоном. В то же время описания таких важных и интересных храмов, как церковь Святой Троицы при Обществе распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви на Стремянной улице и подворье Троице-Сергиевой лавры на Фонтанке, равно как и единовременческой церкви Святителя Николая на Николаевской (Марата) улице, требуют особого разговора, поэтому в этой книге мы о них не рассказываем.

В работе использованы современные исследования искусствоведов, литературоведов и историков, а также материалы Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного архива Санкт-Петербурга (РГА СПб.), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.), Архива Государственного Эрмитажа (Архив ГЭ), материалы периодической печати и другие опубликованные и неопубликованные источники.

Авторы приносят благодарность ключарю церкви Владимирской иконы Божией Матери протоиерею Владимиру Фоменко, старосте этого же храма Ивану Сергеевичу Равескому, архитектору Юрию Викторовичу Кирсу, предоставившим интересные материалы по современной жизни храма.

Часть I

**СОБОР ВЛАДИМИРСКОЙ ИКОНЫ
БОЖИЕЙ МАТЕРИ**

В Придворных слободах

Местность, в которой ныне расположена Владимирская церковь, ранее называлась Придворными слободами. В XVIII веке граница города проходила по реке Фонтанке. Въезд в город находился у моста на Невской «перспективе». Здесь стоял шлагбаум и застава, называвшаяся Аничковой, а перед ней — Московское предместье. Территория по правую сторону от Невской перспективы долго оставалась незастроенной. Только вдоль Фонтанки стояли загородные дома и по самой «перспективной дороге» возникали небольшие поселения.

После страшных пожаров 11 августа 1736 и 24 июня 1737 года, опустошивших весь центр столицы, когда тысячи людей оказались без крова, власти вынуждены были принять решительные меры для урегулирования городской застройки, предотвращения пожаров и обеспечении людей жильем. Город был разделен на пять частей, проведена срочная перепись населения. Вскоре руководство всей застройкой и благоустройством города было передано специально созданной в 1737 году Комиссии о Санкт-Петербургском строении.

Уже через четыре дня после пожара, 28 июня 1737 года императрица Анна Иоанновна повелела

никому из придворных служителей квартир при дворцах не давать, а «тем, которым наперед сего квартиры по указам даваны, ныне от тех квартир отказать и впредь не давать». Это должно было заставить людей строить свои дома, тем более, что придворные служители были в привилегированном положении: их дома освобождались от постоя. Имея в виду бедственное положение многих горожан, пострадавших от пожаров, императрица распорядилась в случае необходимости для постройки домов выдавать специальные ссуды. Высочайшими указами от 9 и 10 июля 1737 года придворным служащим было отведено место в Московском предместье, где вскоре и возникло целое поселение.

Комиссией о Петербургском строении был разработан проект планировки и застройки столицы, главным автором которого был П. М. Еропкин. Ему помогали архитекторы И. К. Коробов и М. Г. Земцов. На плане города, составленном в том же 1737 году геодезистом инженер-майором Зихгеймом, место будущей Придворной слободы показано еще пустующим.

Проект и доклад об устройстве Московской стороны был подготовлен Комиссией и Высочайше утвержден 20 августа 1739 года. В докладе говорилось: «...для поселения Вашего Императорского Величества как Придворных, так и Коношенных, так и дворцовых служителей, в правой стороне оной [Невской] Проспективы, в том месте, где Аничкова и Астраханские слободы, и за теми слободами, от Литейной улицы до болота, на котором построен господина Генерал-Фельдмаршала и Кавалера Графа фон Миниха двор, назначены места...» [двор Миниха находился близ Лиговского канала, на месте нынешней Пушкинской улицы]. «...А кроме тех Придвор-

ной, Конюшенной и Дворцовой команд в тех назначенных им местах под строение дворов места другим постронним никому не отдавать, а быть тем местам за теми командами вечно»¹. За землями, отведенными придворным, ближе к Лиговскому каналу, были поселены свечные промышленники.

Внутри самих слобод участки также распределялись в зависимости от положения, достатка, профессии. «Наличные» места, то есть выходящие лицевым фасадом на Невскую перспективу, Литейную и «к прочим знатым улицам», отдавались «первым чинам». Они должны были строить «наличные дома на каменном фундаменте, по показанию архитекторскому». Места в глубине участков отдавались «тех же команд подлым служителям». Среди «первых чинов» в приходе будущей Владимирской церкви были жившие на Фонтанке шталмейстер Р. М. Кошелев, князь Путятин, гофмейстер Д. А. Шепелев, придворный живописец Екатерины II граф Головин, князя Шаховские и многие видные царедворцы. На Фонтанке, близ основанного духовником императрицы Анны Иоанновны иеромонахом Варлаамом (Васоцким) подворья Троице-Сергиевой лавры, находилась загородная дача отца Федора Дубянского, духовника императрицы Елизаветы Петровны. С именами некоторых из богатых царедворцев связано основание и благоустройство Владимирской церкви в XVIII веке.

О профессиях «подлых служителей» Придворной слободы до сих пор напоминают названия многих улиц — Поварской, Кузнечный и Свечной переулки, Стремянная улица, а были еще Басманная, Гребецкая, Парусная, Скатертная, Столовая улицы, Хлебный переулок. Граница Придворной слободы проходила примерно по ны-

нешней улице Марата, в XVIII веке называвшейся Грязной.

Планом 1737 года в Придворной слободе предусматривалось устроить торговую площадь, окруженную каменными двухэтажными домами, первые этажи которых должны были представлять открытые галереи с продуктовыми и мелочными лавками. Там же было отведено место и для церкви: «Посреди тех Придворной и Дворцовой команд, в месте, где Литейная и позади набережных по Фонтанке дворов перспективная улица [Загородный проспект] сойдутся вместе, сделать торговую площадь, на которой против обеих тех улиц построить церковь»².

Однако, к устройению церкви приступили только в 1745 году. Инициатором строительства храма и одним из первых жертвователей был начальник Придворных слобод, управляющий Кабинетом Ея Императорского Величества барон Иван Антонович Черкасов — личность, несомненно, выдающаяся. Начиная свою карьеру он простым подьячим. С 1712 года молодым человеком попал в новую столицу и поступил на должность копииста в Кабинет Петра Великого. Своей правдивостью и способностью бесстрашно говорить правду в глаза он заслужил уважение императора, но в то же время нажил себе немало врагов среди придворной знати, и в первую очередь его невзлюбил светлейший князь Александр Данилович Меншиков. В конце жизни Петр Великий пожаловал Черкасову несколько деревень, чем упрочил его положение при дворе. Екатерина I назначила его тайным кабинет-секретарем Ея Величества.

Однако, уже в царствование Петра II Черкасов попал в опалу, примкнув к кружку, враждебному Меншикову, и в мае 1727 года был отстранен от дел и отправлен в почетную ссылку в Москву

со следующей формулировкой: «быть в Синоде обер-секретарем [...], в Москве в доме патриаршем также во всех соборах и монастырях ризницы и протчую всякую церковную утварь переписать и с прежними описными книгами освидетельствовать, все ли в целости или где что из чего убыло, и для того отправить его в Москву из Сената»³. Из Москвы он был выслан в Казань, затем в Астрахань.

Елизавета Петровна по вступлении своем на престол вспомнила о бывшем сподвижнике своих родителей, подвергшемся гонениям в те же времена, когда и самой ей пришлось несладко. Указом от 29 ноября 1741 года Черкасову был пожалован чин действительного тайного советника, и он получил место при дворе Ея Императорского Величества «для отправления комнатных письменных дел». После учреждения в декабре 1741 года нового Кабинета именно Черкасову она поручила вести в нем все дела, и с этого времени Черкасов начал играть важную роль при дворе. В 1742 году он был возведен в баронское достоинство, а в 1747 году получил чин тайного советника и одну из высших наград России — орден святого князя Александра Невского.

Именно барону Черкасову императрица Елизавета Петровна в начале своего царствования дала «изустный» указ о строительстве в Петербурге пятиглавых храмов в традициях древнерусского зодчества. Этот указ имел важное политическое значение, ведь строившиеся до елизаветинского времени в столице одноглавые храмы со шпильями, напоминавшие больше лютеранские кирхи, ассоциировались с тяжелыми временами бироновщины и немецкого засилья. Пятиглавие же символизировало возвращение к русской традиции православного храма. Однако, деревянная

Владимирская церковь была выстроена одноглавой и только уже каменная изначально строилась с пятиглавым завершением.

Петербургскую кафедру в те годы возглавлял архиепископ Феодосий (Янковский). К нему и обратились жители Придворной слободы с прошением разрешить им выстроить церковь, поскольку нет от их жилищ церкви «ближе, как в двух верстах, да и те церкви состоят в великом числе прихода, и за множеством тех и старых приходов» священослужители «требами справиться не могут»⁴. Ближайшими к Придворной слободе в 1740-х годах было подворье Троице-Сергиевой лавры на набережной Фонтанки, значительно дальше отстояли церковь Святых Симеона и Анны (тоже на Фонтанке, но по другую сторону Невского проспекта) и церковь Семеновского полка на Семеновском плацу (близ того места, где ныне находится Театр юного зрителя). Была еще церковь Преображения Господня в доме священника отца Федора Дубянского, но прихожане туда не допускались.

Преосвященный запросил Полицмейстерскую канцелярию о том, отведено ли место под церковь, — поскольку город строился по утвержденному плану, нарушать его было нельзя. Получив положительный ответ, он запросил самих просителей о количестве дворов в будущем приходе, о средствах на сооружение храма и его наименовании. На что получил ответ, что к 1746 году в Придворных слободах уже построено 274 двора, что домовладельцы вышли «из приходов Сергиевского, Вознесенского и Симеоновского в расстоянии полуторы версты» и что жители хотят «святой церкви именование иметь Владимирской Пресвятой Богородицы с приделом Иоанна Дамаскина».

К этому времени уже была собрана значительная сумма, а все необходимое для богослужения прихожане предполагали устроить на общие пожертвования. Просители заявили, что «будущий при той церкви священник с причетники безъоскудно довольствоваться имеют подаянием от нас, приходских людей». Даже священника они уже себе подыскали: просили перевести к ним «священника церкви Живоначальных Троицы, что на Охте, Григория Матфеева, который человек состояния добраго, во исправлении священнослужения искусен и для рачения к строению Святыя церкви весьма потребен».

При этом на время сооружения церкви прихожане просили дать им оставшуюся без употребления полотняную церковь (то есть, по сути, иконостас, написанный на плотной ткани) из храма преподобного Сергия Радонежского с тем, чтобы поставить ее «в приисканом приличном доме».

Для устройства церкви предложил помещение в своем собственном доме комиссар ведомства главной дворцовой канцелярии Федор Якимович Якимов. Его дом находился в Придворных слободах на углу улиц Басманной (ныне Колокольная) и Грязной (ныне Марата). Предварительно, по поручению Духовной консистории, дом осмотрел священник церкви преподобного Сергия Радонежского (Сергиевской) в Артиллерийских слободах отец Игнатий Васильев. Он нашел здание пригодным: «Олтарем суть на восток и пространством доволен». Священник с Охты, отец Григорий 26 февраля дал подписку в том, что он желает служить в Придворных слободах и содержание от прихода его устраивает.

28 февраля 1746 года преосвященный Феодосий подписал определение, разрешавшее выпол-

нить желание просителей⁵. Указом Духовной консистории от 4 марта 1746 года священник Георгий Матвеев назначался на новое место. Его стараниями в дом Якимова был перенесен и установлен походный иконостас из Сергиевской церкви и новая церковь вскоре была освящена. Она просуществовала всего около года. До настоящего времени дом Якимова не сохранился, он был снесен, вероятно, в начале XX века.

Домовая церковь была временной и действовала до сооружения для нее отдельного здания. Для экономии средств было решено не строить новую церковь, а приобрести и перенести на новое место старую, предназначавшуюся на слом. Это широко практиковалось в столице в XVIII веке в связи с дороговизной строительных материалов. Известно, к примеру, что первоначальный деревянный Петропавловский собор в крепости при строительстве каменного был разобран, перенесен в Батальонную слободу на Городской остров, освящен во имя святого апостола Матфея и просуществовал до 1801 года. Было и немало других подобных случаев. Прихожане же Владимирской церкви вновь обратились в Артиллерийскую слободу.

Большое усердие в поиске и приобретении здания проявил обер-гофмаршал императорского двора Дмитрий Андреевич Шепелев. В отличие от барона Черкасова Шепелев — представитель древнего рода, известного еще со времен святого Димитрия Донского. Он был ближайшим сподвижником Петра Великого, сопровождал его в первой заграничной поездке в 1716–1717 годах, был с ним в Дании, Голландии, Франции. Супруга Шепелева — Дарья Ивановна, урожденная Глюк, была родственницей пастора Иоганна Эрнеста Глюка, в доме которого жила будущая императ-

рица Екатерина I до ее прибытия в Россию. Честность и порядочность Шепелева неизменно вызывала всеобщее уважение. Он благополучно пережил царствования пяти государей, все также не теряя влияния при дворе. Известно, что, несмотря на преданность Петру Великому, он не пошел против своей совести и уклонился от подписания смертного приговора царевичу Алексею Петровичу.

Особое благоволение Шепелеву оказывала императрица Елизавета Петровна. В день ее коронации он был произведен в полные генералы, вскоре, в 1743 году, награжден орденом святого Андрея Первозванного, а в 1744 году стал обер-гофмаршалом.

Дом Шепелева находился в приходе Владимирской церкви, на Фонтанке, на углу Чернышева переулка (ныне ул. Ломоносова) и считался в те времена одним из самых богатых в Петербурге. При Екатерине II он был куплен в казну. Ныне на этом месте — здания постройки конца XIX века.

Д. А. Шепелев отличался набожностью и благочестием и не жалел средств на построение и украшение церквей. Он считается возобновителем Козельской Введенской Оптиной пустыни, на его средства в 1740 году там выстроена Никольская соборная церковь, в которой он впоследствии был погребен. В описаниях Оптиной пустыни Шепелев характеризуется как «царедворец, [который] при своем богатстве отличаясь духом благочестия и усердия к вере построил в разных местах по городам, монастырям и своим вотчинам до 70 церквей, а на окончание недостроенных завещал значительный капитал»⁶. Немалые средства он выделил и на устройство Владимирской церкви в Придворных слободах.

Помощником в его хлопотах был уже упоминавшийся Федор Якимович Якимов.

В известном путеводителе по Петербургу Богданова и Рубана, изданном в 1779 году, говорится: «Сея церковь и все ее деревянное здание куплено от церкви Сергия Чудотворца, которая осталась после каменного строения»⁷.

Сергиевская церковь связана с возникшим в 1713 году Литейным двором, где отливали пушки для русской армии. Неподалеку от него в 1729 году Синод разрешил выстроить деревянную церковь, освященную 13 мая 1731 года во имя небесного покровителя русского воинства преподобного Сергия Радонежского. Через шесть лет церковь сгорела и была вновь отстроена по проекту Иоганна Якоба Шумахера, строившего в 1733–1735 годах Старый Арсенал и Литейный двор. Из церковных его построек известны Крестовоздвиженская церковь на Лиговском проспекте, впоследствии перестроенная, и его работы совместно с М. Г. Земцовым в Александро-Невском монастыре. Позднее, когда по проекту того же Шумахера на средства артиллерийского управления началось сооружение нового каменного храма, деревянная церковь была разобрана и перенесена в Придворные слободы. На новом месте церковь была выстроена очень быстро. Уже 25 августа 1747 года преосвященный Феодосий торжественно освятил престол в честь Владимирской иконы, а на следующий день, в храмовый праздник, на литургии в новоосвященной церкви присутствовала императрица Елизавета Петровна, пожертвовавшая в пользу храма 300 рублей. Через год в трапезной церкви был устроен придел во имя преподобного Иоанна Дамаскина.

Изображение деревянной Владимирской церкви есть на плане Санкт-Петербурга, гравирован-

Фрагмент плана И. А. Соколова
1753

ном в Императорской Академии наук в 1753 году под руководством И. А. Соколова⁸. Она мало отличалась от большинства петербургских храмов, построенных в доелизаветинские времена. Это было небольшое одноэтажное и одноглавое сооружение, к которому с запада примыкала трехъярусная колокольня, увенчанная шпилем.

Глава 2

Тщанием иерея Иоанна Кирикова

Уже в начале 1750-х годов деревянная церковь пришла в ветхость, «к тому же по многолюдству прихожан зело тесна» стала¹. Поэтому в Духовную консисторию в 1756 году было подано прошение о дозволении строить «близ той же церкви вновь каменную церковь в то же именование Владимирской Пресвятой Богородицы с приделом Иоанна Дамаскина на оставленном по плану

от Главной полицмейстерской канцелярии месте, из имеющихся во оной же церкви в наличии денег пятисот рублей. ...многие той церкви знатные прихожане и простые люди на строение оной церкви помощь вкладом своим чинить усердно обещают»².

Императрица Елизавета Петровна, уступив просьбам прихожан, дала разрешение на сбор средств для строительства каменного храма. В те годы в храме служил священник Иоанн Кириков. Он и взял на себя основной труд по сбору пожертвований и привлечению богатых дарителей. Отец Иоанн происходил из священнической семьи, его родной брат Петр Кириков был протоиереем и служил в петербургском Троице-Петровском соборе на Городском острове, считавшимся одним из главных соборов столицы.

Отец Иоанн с усердием принялся за устройство храма и уже к 1760 году собрал достаточно средств для начала строительства. К этому времени был готов и проект церкви. По мнению большинства исследователей, автором его был архитектор Пьетро Антонио Трезини. С 1742 года он занимал должность городского архитектора при Петербургской полицмейстерской канцелярии, куда были переданы все дела расформированной Канцелярии о строении. Он построил в Петербурге немало храмов, среди которых Федоровская церковь в Александро-Невской лавре, участвовал в реконструкции второго Исаакиевского собора, вместе с М. Г. Земцовым принимал участие в строительстве Успенского (ныне Князь-Владимирского) и первого полкового Спасо-Преображенского (впоследствии перестроенного В. П. Стасовым) соборов. Его считают одним из инициаторов восстановления пятиглавия при строительстве храмов.

Церковь Владимирской иконы Божией Матери
Фото К. Буллы. 1910–1913

Вероятно, проект Владимирской церкви был разработан им еще в 1745 году, но, поскольку в то время средств для каменного строительства было недостаточно, проект был отложен, как говорится, «до лучших времен». В 1755 году Пьетро Трезини покинул Петербург, и Владимирская церковь строилась уже без него. Этим может быть объяснено отсутствие документов об авторстве и проектных чертежей³.

В 1760 году жители Придворной слободы подали новое прошение в Духовную консисторию: «...к надлежащему той [Владимирской] церкви строением начатию материалы у нас уже заготовлены, сего ради мы с прихожими людьми желаем в нынешнее время оную и заложить, а каким фасоном она церковь построена быть имеет, тому приобщаем при сем план и фасад. [...] Про-

сим, дабы позволено было означенную церковь против приобщенного у нас плана заложить позволить, и на котором месте по генеральному плану быть оной церкви, об отведении места сообщить в Главную Полицмейстерскую канцелярию»⁴.

Вновь, как и при строительстве деревянной церкви, была запрошена Полицмейстерская канцелярия, откуда на письмо Духовной консистории от 15 июня 1760 года уже на следующий день был направлен ответ: «по справке Главной полицмейстерской канцелярии под строение той каменной церкви еще в 1759 году поблизости объявленной деревянной церкви место архитектором Кнобелем той же церкви священникам с приходом показано, того ради по указу Ея Императорского Величества в Главной полицмейстерской канцелярии определено о вышеописанном»⁵. По именному указу императрицы Елизаветы Петровны 26 августа 1761 года состоялась закладка каменной Владимирской церкви.

Елизавета Петровна скончалась 25 декабря того же года, и строительство уже велось в царствование Екатерины II. Помощником отца Иоанна по всем хозяйственным вопросам оставался все тот же Ф. Я. Якимов. Его стараниями церковь получала поддержку и материалы от городских властей и государственных структур. Сократило расходы на строительство и то, что для нового храма в Придворных слободах были использованы строительные материалы, оставшиеся от разборки Летнего дворца. 21 июня 1766 года личный секретарь Екатерины II Иван Иванович Бецкой сообщил в Канцелярию строения Ея Императорского Величества домов и садов, о том, что государыня «изустно повелеть соизволила от разломанных на берегу Невы реки прежнего летнего

Цесаревна Елизавета Петровна
С гравированного портрета Вагнера

дома каменных покоев и казенной кладовой кровельное листовое такоже и связное железо отдать для употребления к строящейся Владимирския Пресвятыя Богородицы, что на Литейной части, находящемуся при том ведомстве титулярному советнику Федору Якимову»⁶.

Стараниями отца Иоанна и его помощников церковь быстро строилась и украшалась. Заботы о строительстве значительно подняли авторитет отца Иоанна среди прихожан, и они обратились в консисторию с просьбой: «Понеже за неимением настоятеля и состоит вся церковная утварь без описи; из чего, от неимения кому смотреть, могут учиниться утраты, и чтоб не все без разбора волочили церковную ризницу, желаем мы, чтобы всё в церкви нашей поручено было из оных

священников Иоанну Кирикову, яко старшему и леты и священством и рачительнейшему о церковном благочинии. Да в здешней Литейной части и благочиния надзирателя не имеется, а оный священник Иоанн и того достоин. И того ради, ваше преосвященство, всепокорно просим, дабы повелено было онаго священника Иоанна определить тоя церкви настоятелем, чтобы было не без благочинного и порядочного в церкви смотра»⁷. Согласно их желанию, 11 февраля 1763 года архиепископ Санкт-Петербургский Гавриил (Кременецкий) назначил отца Иоанна Кирикова настоятелем Владимирской церкви.

Пока строилась новая каменная церковь, богослужения продолжали совершаться в деревянной, но уже тогда стараниями отца Иоанна Кирикова поступали богатые вклады для новой церкви. В 1759 году были пожертвованы серебряные вызолоченные потир и дискос с принадлежностями художественной работы. Массивный потир на широком основании, подножка и стержень были украшены чеканным рельефом, а стенки — ажурным орнаментом. По борту потира помещался поясok из цветных стекол в виде тернового венца. Стенки украшали эмалевые медальоны с иконами: «Спаситель», «Распятие», «Божия Матерь», «Святой Иоанн Предтеча», «Тайная вечеря», а на подставке — три эмалевых образа «Страстей Господних». Надпись на потире гласила: «Тщанием иерея Иоанна К. подаянием мирских людей сооружен. 1759 год»⁸.

В том же году в храм поступила икона «Господа Вседержителя» в серебряной ризе с надписью: «Икона сия сооружена в 1759 году тщанием иерея Иоанна К., подаянием мирских людей». Богатая риза была украшена искусственными драгоценными камнями: алмазами и изумрудами

выложены буквы «а» и «о» на позолоченном венце, стразы и красный камень украшали одежды Спасителя. Позднее, в 1844 году, риза была вызолочена на пожертвования прихожан.

Можно предположить, что отец Иоанн имел давние, возможно, семейные, связи с Москвой, поскольку часто бывал там, и многие собранные им пожертвования привезены оттуда. Главная икона будущего храма также была им заказана в Москве и представляла список с чудотворной Владимирской иконы Божией Матери, хранившийся в Московском Сретенском монастыре. Она была привезена в Петербург в 1763–1764 годах. Размер иконы 70×52 см. Икона была украшена богатой серебряной вызолоченной ризой, украшенной жемчугом, алмазами, изумрудами, сапфирами, яхонтами, горным хрусталем и топазами. В образах из финифти, располагавшихся по краю ризы, были изображены события из жизни Божией Матери и истории прославления Владимирской иконы, а по бокам помещались иконы святителей московских Петра, Алексия и Ионы и небесного покровителя Петербурга святого князя Александра Невского. Вероятно, эти святые были соименны дарителям. Позднее эта икона была помещена в верхний храм в честь Владимирской иконы Божией Матери на ближайший к алтарю пилон. Следы ее после 1917 года теряются. В 1923 году она указана в составленном Музейным отделом Главнауки списке предметов, имеющих музейное значение, но местонахождение которых неизвестно⁹.

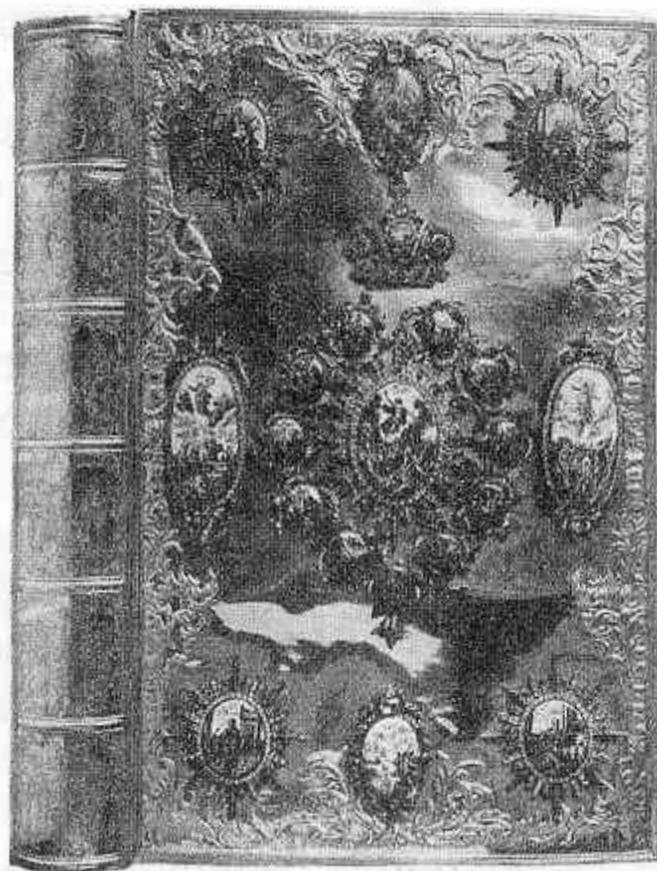
Среди пожертвований наиболее ценным было Евангелие, изданное в Москве в 1759 году при Елизавете Петровне и подаренное церкви в 1764 году. Высота его — 70 см и ширина — 46 см, а вес всей книги с окладом составлял 1 пуд

34 фунта 21 золотник (30,37 кг). Поэтому при богослужениях оно не использовалось, а стояло в алтаре в особом футляре. После освящения верхнего храма его перенесли в верхний алтарь.

Серебряный вызолоченный оклад Евангелия украшен чеканной орнаментальной каймой и девятью большими эмалевыми медальонами, окаймленными листьями. В центральном помещалась икона Воскресения Христова, в угловых — изображения евангелистов, в остальных — «Святая Троица», «Крещение Господне», «Преображение», «Вознесение». Вокруг центрального медальона — одиннадцать малых образов Страстей Господних, над ним — корона с крестиком. Оклад и корона украшены цветными стеклами, имитирующими драгоценные камни. Обратная сторона оклада чеканная, украшена перламутровыми вставками¹⁰.

В 1762 году в храм было пожертвовано печатное Евангелие 1760 года в дорогом окладе, с серебряными «дробницами». Надпись гласила: «Вклад усопших для поминовения Анны, Елены, Дарии, Феодора, Иоанна, Ирины — 1762»¹¹.

В 1768 году, через восемь лет со времени закладки, был, наконец, выстроен первый этаж, в котором разместилась теплая трехпрестольная церковь. 8 ноября архиепископ Гавриил освятил в ней центральный престол во имя преподобного Иоанна Дамаскина. С этого времени перестали проводить богослужения в деревянной церкви, просуществовавшей 23 года. Ее здание было разобрано, вероятно, в 1770 году. Боковые престолы были освящены также архиепископом, но только уже в следующем, 1769 году: южный — во имя священномученика Харлампия освящен 22 февраля, а северный — во имя пророка Илии, — 30 июня.

Оклад Евангелия
Серебро, позолота, эмаль. 1759

В уже упоминавшемся путеводителе по Петербургу Богданова и Рубана говорится: «1768 г. 8 ноября преосвященным Гавриилом (Кременецким) архиепископом Санкт-Петербургским зимняя церковь Иоанна Дамаскина освящена, там же преосвященным освящены и два придела: мученика Харлампия и пророка Илии в 1769 г., в бытность при той церквн священников Иоанна Кирикова сына Ивановского, Романа Михайлова сына Косовского, Якова Иоаннова сына Граевского. При помянутых же священниках заложена и ныне верхняя церковь настоящей Владимирской Богородицы, которая снаружи отделана, а внутри теперь приводится к окончанию. Все же означенное строение происходило и происходит коштом доброхотных дателей»¹².

К освящению нижней теплой церкви императрица Екатерина II пожертвовала богато украшен-

ное на престольное Евангелие с надписью: «Сия книга церкви Владимирския Пресвятыя Богородицы, что в Придворных слободах, жалованная от Всемилостивейшей Государыни Императрицы Екатерины Алексевны. В 1768 году. Ноября 15 дня». Это Евангелие в лист напечатано в Москве в 1744 году. Тяжелый оклад покоился на больших серебряных вызолоченных ножках. На верхней доске было помещено пять литых серебряных вызолоченных образов: в центре образ Воскресения Христова в сиянии, с головками херувимов, а по углам четыре евангелиста. Тогда же вместе с Евангелием Екатерина пожертвовала в храм и богослужебные книги, и среди них «Служба на Страстную Седмицу».

Вероятно, ко времени освящения нижней церкви относится и богатый дар одной из дочерей графа Петра Борисовича Шереметева — большой воздух с двумя малыми покровцами. (Покровцы, которые иногда называют малыми воздухами, имеют крестообразную форму и служат для того, чтобы ими покрывали дискос и потир каждый в отдельности, а затем оба вместе покрываются большим прямоугольным воздухом, или покровом.) Покровцы и воздух были сделаны из малинового бархата с каймой из золотой бахромы и позумента, украшены золотым рельефным шитьем, унизаны жемчугом. На большом воздухе в центре было помещено живописное изображение положения Спасителя во гроб, по краям золотом вышит текст тропаря: «Благообразный Иосиф...». На покровцах также были живописные изображения. На первом — агнец в купели, по сторонам которой два ангела с рипидами, а вокруг каймы вышитый золотыми буквами текст молитвы «Верую Господи и...». На втором — живописное Воскресение Христово и вышитые

Вид церкви Владимирской Богоматери
Раскрашенная гравюра И. А. Иванова. 1815

золотом шесть херувимов. Воздухами очень дорожили, они хранились в ризнице и употреблялись только два раза в год, по большим праздникам.

Шереметевы с 1740-х годов жили на набережной реки Фонтанки, близ церкви Святых Симеона и Анны. В 1750–1755 годах архитектором С. И. Чевакинским для них был выстроен дворец, сохранившийся до наших дней. Граф Петр Борисович был товарищем детства Петра II, с которым вместе рос и учился. Впоследствии, при Анне Леопольдовне и Елизавете Петровне, он был действительным камергером императорского двора. Петр Борисович Шереметев известен как создатель крепостного театра в своем имении Кусково. Его супруга, Варвара Алексеевна, урожденная княжна Черкасская, была камер-фрейлиной Елизаветы Петровны и статс-дамой. В семье был сын Николай, впоследствии женатый на известной крепостной актрисе Прасковье Жемчуго-

вой, и две дочери — Анна и Варвара. В 1767 и 1768 годах семья понесла тяжелую утрату: сначала скончалась мать, Варвара Алексеевна, а на следующий год — дочь, Анна Петровна. Можно предположить, что дарительницей была вторая дочь Шереметева, Варвара Петровна, сделавшая пожертвования в память матери и сестры.

Тогда же, вероятно, появилась в храме и еще одна Владимирская икона Божией Матери, поставленная в иконостасе нижнего храма по левую сторону от Царских врат. Размеры иконы 60×48 см. Она отличалась богатством украшений: серебряная вызолоченная риза унизана жемчугом и драгоценными камнями, на венце Спасителя буквы «α» и «ω», выложенные из алмазов, сам венец украшен бриллиантовой звездой.

Верхний храм с престолом Владимирской Божией Матери был окончательно устроен только через пятнадцать лет после освящения нижней церкви и 9 апреля 1783 года освящен митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Гавриилом (Петровым).

Главный строитель храма, отец Иоанн Кириков, не дожидаясь этого радостного события. В октябре 1770 года он был злодейски убит в собственном деревянном доме, находившемся близ церкви. Грабители, зная о богатых пожертвованиях, которые священник принимал и собирал для церкви, надеялись найти в его доме много денег, но, по преданию, нашли лишь сорок копеек. Отец Иоанн, постоянно имея дело с большими деньгами, сам оставался при этом бессребреником.

Отец Иоанн Кириков был погребен в ограде Владимирской церкви, близ алтарной апсиды. По случаю праздновавшегося в 1868 году 100-летия храма причт и прихожане Владимирской церкви решили почтить память устроителя

Могила отца Иоанна Кирикова
Восстановлена в 1998 г.

храма и к 100-летию со дня смерти Кирикова в 1870 году собрали по подписке средства и соорудили на его могиле мраморный памятник с надписью «Строителю Владимирской церкви священнику Иоанну Кирикову от священнослужителей, старосты и прихожан Владимирской церкви, 1870 г.». В советское время памятник был разрушен. В 1998 году во время ремонтных работ надгробная плита была найдена, отреставрирована, и ныне вновь можно поклониться могиле создателя храма.

Глава 3

**Один из старейших архитектурных ансамблей
Санкт-Петербурга**

Архитектурный ансамбль Владимирской церкви сложился к началу XIX века, когда была выстроена отдельно стоящая колокольня и участок был обнесен оградой. Церковь возвышалась над низкоэтажной рядовой застройкой Придворной слободы и производила впечатление праздничности и нарядности. Замыкая перспективу Загородного проспекта, она и поныне остается яркой архитектурной и смысловой доминантой района. По своему решению она представляет дальнейшее развитие идеи пятикупольных храмов и стоит в ряду таких замечательных произведений архитектуры середины XVIII века, как созданный Ф. Растрелли Воскресенский собор Смольного монастыря и выстроенный С. Чевакинским Николо-Богоявленский Морской собор.

Пятиглавие Владимирской церкви особенно удачно: группа куполов превосходна по пропорциям и красоте силуэта. Высокие барабаны словно уносят ввысь изящные луковичные главки. Вертикаль подчеркнута линией центрального барабана, превышающего боковые барабаны и увенчанного высоким колоколообразным куполом с главкой на высоком фонарике. Боковые барабаны завершены луковичными главками с глубокими перехватами по низу. Поверхности барабанов украшены широко разнесенными парными пилястрами ионического ордера. Между каждой парой помещены высокие окна с полуциркульным завершением, и над ними на центральном барабане — треугольные сандрики, а на боковых — круглые окошки. Небольшие главки помещены над трапезной и алтарной частью.

Загородный проспект
Открытка конца XIX в.

Церковь двухэтажная. Основной ее объем представляет в плане квадрат со скругленными углами. Прямоугольные в плане выступы на северном и южном фасадах и полуциркулярная апсида усложняют конфигурацию плана. С западной стороны к зданию примыкает трапезная.

В начале XIX века, до пристройки западной лестницы, общий силуэт здания был легче и стройнее. Поперечное членение здания подчеркнуто широким карнизом, проходящим на уровне второго этажа по всему периметру здания. Стены первого этажа обработаны рустованными лопатками. На уровне второго этажа стены прорезаны высокими полуциркулярными окнами с лепными наличниками, ликами херувимов и полукруглыми сандриками. Окна второго света круглые, также в лепных наличниках и с сандриками. Вертикали обозначены плоскими пилястрами коринфского ордера. Фасады западного входа и боковых лестничных пристроек были украшены ризалитами с коринфскими колоннами на уровне второго этажа и завершены лучковыми раскрепованными

фронтами со шпильками. В настоящее время сохранились только боковые ризалиты.

В 1786 году близ церкви, в северо-западном углу участка началось строительство отдельно стоящей колокольни. Средства и материалы собирались заранее, в течение нескольких лет. Проект был выполнен архитектором Джакомо Кваренги не позднее начала 1785 года. Чертежи сохранились и ныне находятся в фондах Музея истории Санкт-Петербурга¹. За строительством наблюдал итальянец, каменных дел мастер Иван (Йохан Иероним) Руска, приехавший в Россию по приглашению президента Академии художеств И. И. Бецкого в 1766 году. Работы закончились около 1791 года.

Колокольня первоначально была трехъярусной, массивной, приземистой, высота ее не превышала высоту боковых куполов церкви. Нижние ее два яруса представляют восьмерик, причем в первом ярусе использован тосканский ордер, русты и прямоугольные ниши, во втором — полуциркульные ниши чередуются с арочными пролетами, обрамленными дорическими портиками. Третий ярус, использовавшийся как ярус звона, представляет круглую ротонду, обрамленную парными колоннами ионического ордера. Венчал здание плоский купол на низком барабане. Эта колокольня изображена на известных гравюрах и рисунках начала XIX века.

В 1774–1793 годах вокруг церкви была устроена ограда. Она находилась на линии, соответствующей современной ограде, была деревянная, выкрашенная зеленой краской, на невысоком, облицованном каменными плитами цоколе, с четырехгранными столбами и воротами с трех сторон — западной, северной и южной. Главные ворота, расположенные по оси западного входа

Владимирская церковь в Придворной слободе
Литография XIX в.

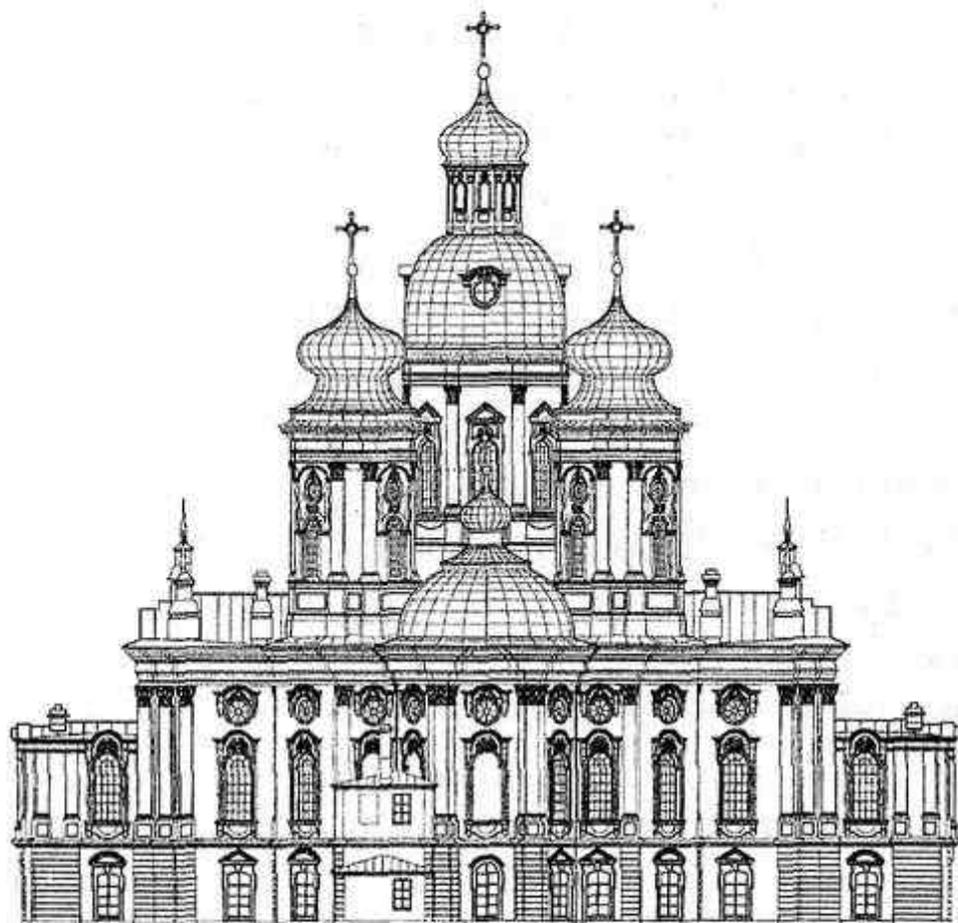
церкви, были обработаны двумя массивными пилонами с арочными пролетами. Четырехгранные столбы завершались точеными деревянными вазами, снятыми к началу 1840-х годов. Угловые столбы были сдвоенные, с закруглением. На территории были высажены деревья. Эта ограда, периодически обновляясь, простояла до середины XIX века. Такой видел церковь Пушкин и его современники.

В XIX веке ансамбль претерпел ряд изменений. Первые перестройки здания церкви относятся к 1811–1816 годам, когда к южной стене апсиды была пристроена лестница для входа в алтарь верхней церкви. По высоте пристройка достигает фрамуги окна верхней церкви. Ее фасады (восточный и южный) обработаны по углам лопатками и имеют окна в верхнем и нижнем ярусах. В 1879 году к алтарной лестнице был пристроен одноэтажный тамбур. Обе пристройки хотя

и нарушают цельность облика восточного фасада, но, поскольку он выходит во внутренний дворик, практически не привлекают к себе внимания.

Наиболее серьезной пристройкой, изменившей первоначальный облик храма, было возведение западной лестницы в верхний храм. Первоначально в верхний храм вела только боковая лестница из трапезной нижней церкви. В 1828 году прихожане получили разрешение на пристройку. В том же году проект выполнил архитектор Авраам Мельников, строивший в это время неподалеку, на Грязной улице, Никольскую церковь для единоверческой общины. Проект был Высочайше утвержден, но уже на следующий год последовал указ Духовной консистории о приостановке строительства с требованием доказательств, что на предполагаемую пристройку приход может собрать «25 тысяч рублей при начатии оной, кроме собственных своих сумм»². Окончательное разрешение последовало лишь в декабре 1829 года. Работы были завершены в течение 1830 года под наблюдением самого А. Мельникова и помощника архитектора П. П. Павлова³.

Массивная пристройка значительно исказила и утяжелила пропорции храма. Трапезная была увеличена в длину до трех окон вместо прежних двух. Ширина пристройки превышает ширину трапезной и своим объемом нарушает восприятие легкой изящной отделки боковых фасадов церкви. Западный фасад пристройки решен в формах позднего русского классицизма. Нижний ярус обработан рустами. Верхний представляет портик из четырех пар коринфских колонн с треугольным фронтоном. В тимпане — рельефное изображение креста в сиянии, во фризе надпись: «Поклонитесь Господеви водворе святем Его». Между колоннами помещены окна, аналогичные

Восточный фасад Владимирской церкви.
 Фиксационный чертеж
 Архитектор Ю. В. Курс. 2000

по оформлению окнам бокового фасада, с небольшими балкончиками. Сохранные от прежнего фасада тонкие шпильки не соответствуют громоздкому портику. Со стороны площади массивная пристройка подавляет и заслоняет собой композицию храма. В результате здание вышло на красную линию Владимирской площади, и была нарушена планировка церковного садика.

Значительно более тактичной была осуществленная в 1883–1885 годах архитектором А. Гольмом пристройка северной и южной лестниц для боковых входов в верхнюю церковь. Высота пристроек достигает лишь круглых окошек второго света, не заслоняя рустованного фронтона ризалита. Таким образом, общее впечатление от северного и южного фасадов сохранилось прежним.

Первоначально купола церкви были окрашены светло-зеленой масляной краской. Во время ремонта 1843–1846 годов главы церкви впервые были покрыты позолотой.

В 1840-е годы значительно изменился облик колокольни. Прихожан не устраивало то, что она ниже самого храма. В начале 1847 года они обратились в Духовную консисторию с прошением о разрешении надстройки. Однако, во времена Николая I все архитектурные проекты утверждались лично государем, и викарий Санкт-Петербургской епархии епископ Ревельский Нафанаил обратился в Святейший Синод: «Священно- и церковнослужители, церковный староста и прихожане Санкт-Петербургской Владимирской церкви в прошении, поданом 8 февраля 1847 года к епархиальному начальству, прописали, что колокольня их церкви имеет наружность красивую, но гораздо более имела бы она красоты и приятности, если бы доведена была до надлежащей высоты. Сей недостаток всегда был примечаем, но по позлащении глав на церкви сделался гораздо заметнее [...]».

Желая исправить этот недостаток возвышением колокольни и через это дать ей лучший вид и имея на то возможность, они просили дозволить наложить еще один ярус на колокольню и сверх купола под крестом, для симметрии со среднею главою на церкви, устроить таковую же главу с позлащением как главы, так и купола»⁴.

Автором проекта надстройки был архитектор Франц Иванович Руска, позднее построивший при церкви две часовни и каменную ограду. Прихожане представили чертеж надстройки, который 24 февраля 1847 года был препровожден на рассмотрение в Главное управление путей сообщения и публичных зданий графу П. А. Клейнмихелю. Летом специальная комиссия обследовала

Портик западного фасада
Фото 1970-х гг.

Южный фасад
Фото 2003 г.

здание колокольни, и архитектор Ефим Желязевич 17 июня выдал следующее заключение: «...здание колокольни было к сей надобности нами осмотрено и найдено, что фундамент и стены при надлежащих по своему назначению размерах сложены из хорошего материала, прочно и правильно. А потому без всякого опасения можно на оных надстроить предполагаемый четвертый ярус»⁵.

Проект был передан на рассмотрение Николая I и 17 августа возвращен с уведомлением, что «Государь Император Высочайше соизволил утвердить означенный проект». После чего Духовная консистория определила:

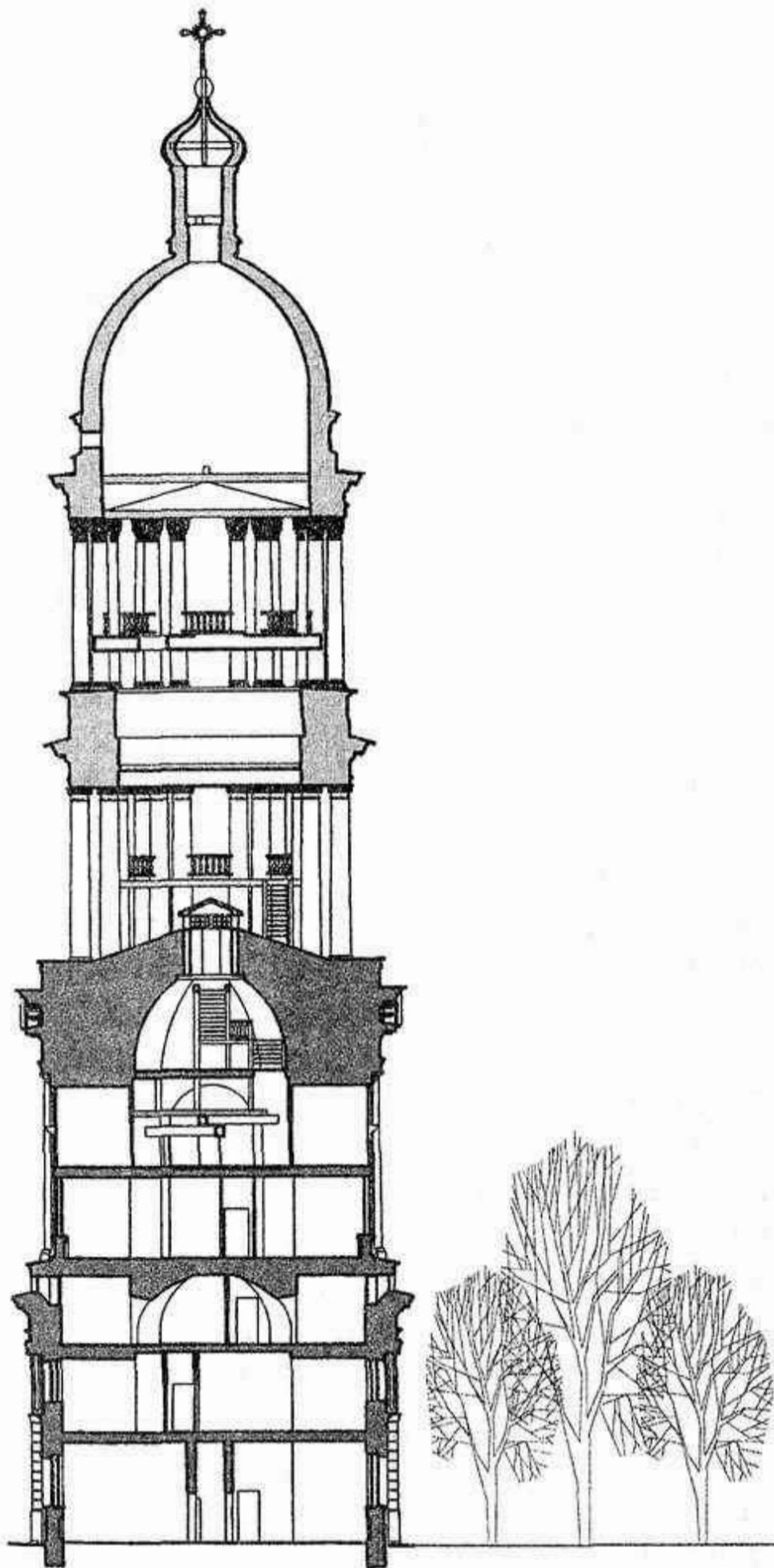
«1. Причту Владимирской церкви дозволить произвести надстройку колокольни на церковную кошелековую сумму, по Высочайше утвержденному проекту, и поновление оной во всех частях согласно предположению.

2. Для сей цели учредить Строительную Комиссию, в которую назначить членами местных священников, церковного старосту и 2-х из почетных прихожан сей церкви.

3. Комиссию снабдить надлежащею инструкцией и книгою для записи прихода и расхода строительной суммы»⁶.

Работы по надстройке колокольни были закончены в 1849 году, и она приобрела современный вид. Новый, четвертый ярус аналогичен третьему, обрамлен парными колоннами коринфского ордера. Завершение колокольни высоким куполом с главкой и крестом созвучно оформлению центральной главы церкви.

Вскоре после надстройки колокольни, в 1850-е годы, по проекту Ф. Руска вокруг храма была сделана новая металлическая на каменном фундаменте ограда, сохранившаяся до наших дней.

Разрез колокольни. Фиксационный чертеж
Архитектор Ю. В. Кирс. 2000

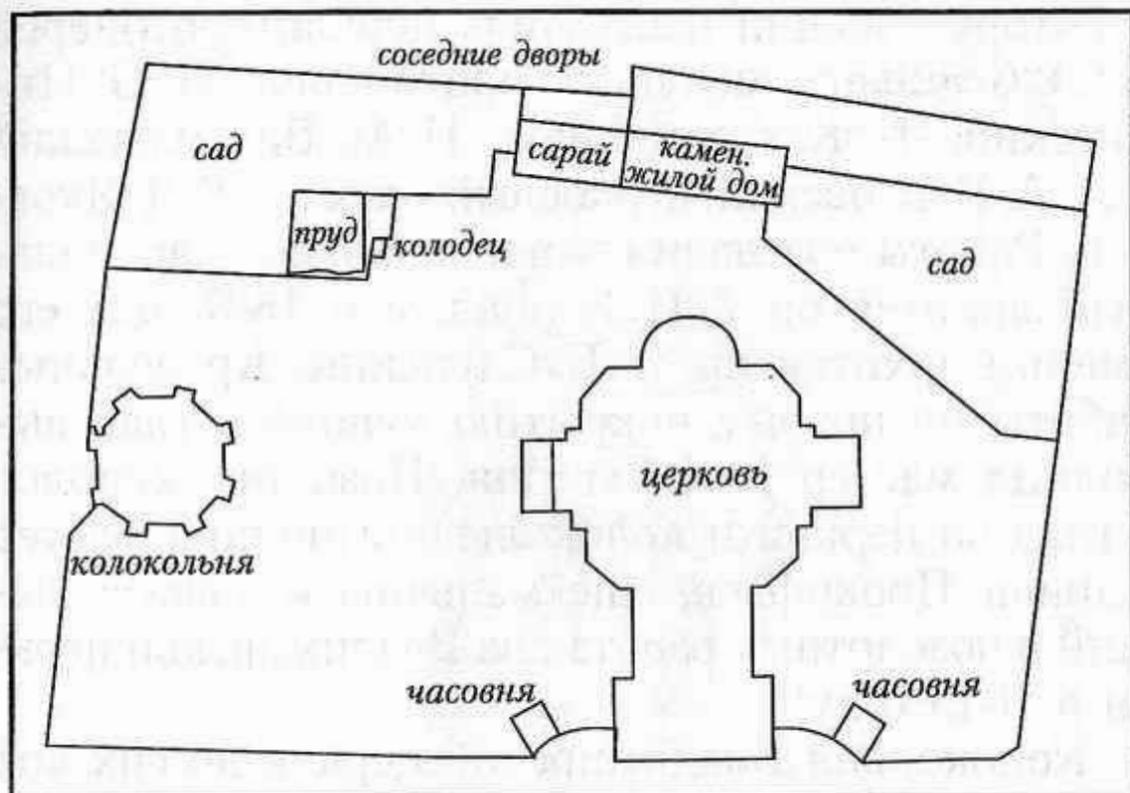
- — первоначальное здание 1786–1791 гг. Дж. Кваренги;
■ — надстройка 1847–1849 гг. Ф. Руска

На северном и южном углах участка построены две каменные часовни с вызолоченными главками. Проект перепланировки участка, где две каменные часовни показаны вблизи западного входа в храм, был составлен одновременно с надстройкой колокольни. При этом линия ограды должна была измениться: слегка отступая от красной линии по бокам пристройки, образовать небольшие сегменты круга, в который вписывались часовни. Однако этот план не был утвержден и на нем карандашом показано современное положение часовен⁷. Обе они расположены симметрично относительно главного входа в церковь и совершенно идентичны. Они восьмигранны в плане, средний диаметр около 5 м, двери выходят на углы улиц. Наружная отделка гармонирует с архитектурой церкви и колокольни, купол и главка на обеих часовнях были вызолочены.

В целом, в начале 1850-х годов архитектурный ансамбль Владимирской церкви окончательно сформировался в том виде, как он сохранился до наших дней. Последующие ремонты не внесли существенных изменений.

В 1886–1889 годах был произведен крупный ремонт храма. Первоначально предполагалось отремонтировать храм и вызолотить главы к 1883 году, когда состоялось празднование 100-летнего юбилея освящения верхней церкви. Расчитывали произвести работы на пожертвования прихожан, однако собранная сумма оказалась недостаточной⁹.

В 1886 году старостой церкви был избран Г. Д. Яковлев. Первой его заботой стало приведение церкви в более благолепный вид. Его стараниями был произведен крупный внутренний и наружный ремонт и перекрытие и позолота куполов. Он обратился в Духовную консисторию за разрешением использовать на ремонт церков-

План церковного участка с предполагаемым местом
строительства часовен
1847

ные деньги. Для экономии было предложено два варианта — новое покрытие куполов с окраской французским суриком или с покрытием позолотой.

В изданном в ответ на прошение указе Духовной консистории от 29 мая 1887 года говорилось:

«а) Для Владимирской церкви, как одной из лучших петербургских церквей по архитектуре и нахождению в населеннейшей и чистой части города, вовсе неизлишен сравнительно с другими церквями и лучший внешний вид.

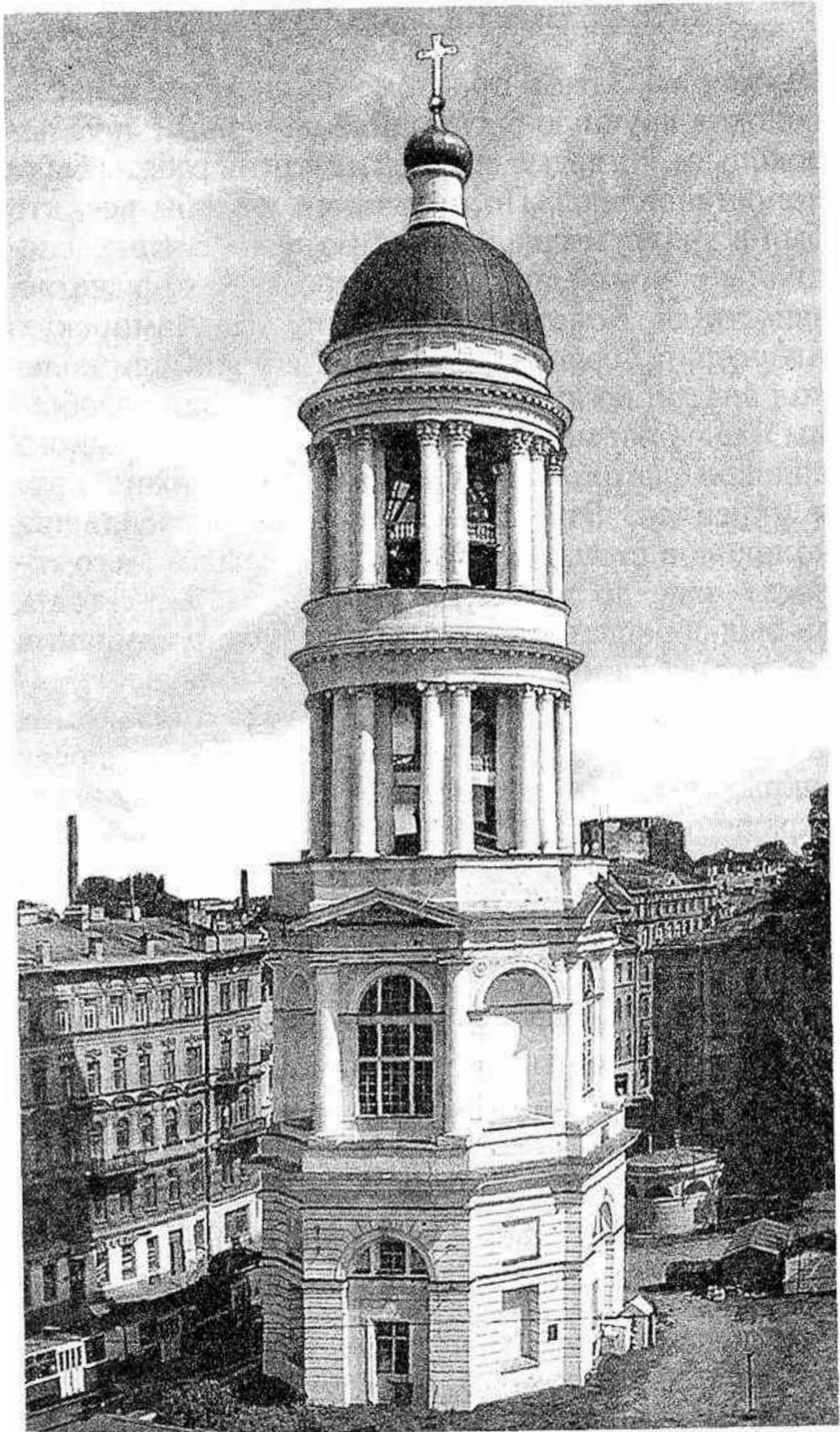
б) Церковь сия по своей доходности также одна из первых в Петербурге [...]: посему, если в прежнее время, когда не было у нее такой как ныне доходности, она была украшена с 1845 года золотыми главами, то в настоящее время обыкновенное окрашивание глав вместо золочения ничем существенным не могло быть оправдано»¹⁰. Была создана специальная Строительная комиссия по перекрытию и позлащению глав Владимирской церкви,

в которую вошли настоятель церкви протоиерей А. Н. Соколов, местные протоиереи П. О. Никитский, И. К. Гратинский, Н. М. Вирославский и Л. А. Павловский, церковный староста Г. Д. Яковлев. Работы возглавил первоначально епархиальный архитектор Г. И. Карпов, а с 1887 года его сменил архитектор И. Б. Слупский. Кровельные работы по новому покрытию купола и глав выполнил мастер Г. К. Березин. Позолоту куполов и глав на церкви и колокольне выполнил мастер Адриан Прокофьев, еще мальчиком участвовавший в позолотных работах на Владимирской церкви в 1845 году¹¹.

Колокольня Владимирской церкви до сих пор является одним из самых высоких зданий центра города. Она видна даже с Троицкого моста через Неву. Колокольный звон с нее был слышен издали и доносился едва ли не до Александроневской лавры. В 1888 году колокола были перенесены на верхний ярус.

В 1890 году на колокольню был поднят новый колокол, отлитый взамен разбившегося старого, 475-пудового. Новый был отлит на Охте на известном столичном колоколотейном заводе Орлова и весил 665,5 пудов. Он был украшен литыми, инкрустированными золотом, иконами Спасителя, Владимирской Божией Матери, святителя Николая Чудотворца, святого пророка Илии и священномученика Харлампия — по наименованиям престолов¹².

Торжества освящения и поднятия колокола состоялись 22 апреля. За два дня до события колокол был поставлен перед колокольней для обозрения. В назначенный день, а это было воскресенье, по окончании ранней литургии, в сослужении трех протоиереев, настоятель, отец Александр Соколов отслужил молебен «по чину освящения

Колокольня
Фото конца 1990-х гг.

колокола». Затем, при помощи системы канатов, колокол вручную был поднят на первый ярус колокольни. На время поздней литургии работы были приостановлены. По окончании службы все, кто был в храме, и еще множество любопытных, специально пришедших посмотреть на торжество, заполнили Колокольную улицу, Владимирскую площадь и церковный участок. Поднимали колокол внутри колокольни. Для этого были разобраны площадки между ярусами. При чтении канона колокол благополучно был поднят на верхний ярус и укреплен. Это был один из самых больших колоколов столицы. Но нам не услышать его голоса — еще до закрытия церкви, в 1920-е годы, он был сброшен вниз и разбит в разгар кампании «колокола на индустриализацию».

В советское время, в 1925–1927 годах была обновлена позолота куполов, а в 1933 году, после закрытия церкви, изменен цвет стен: они были окрашены в светло-зеленый тон с белыми деталями. В 1950-е годы возобновлена прежняя окраска в охристые тона. За годы, когда здание принадлежало различным учреждениям, наружная отделка обветшала, и только после передачи в 1991 году храма епархии он был отреставрирован и вновь приобрел нарядный и праздничный вид.

Глава 4

Интерьеры и убранство Владимирской церкви

Внутреннее архитектурное оформление здания дошло до нашего времени в хорошей сохранности и представляет большой историко-художественный интерес. Удивительным является то, что несмотря на годы запустения и гонений,

Подъем большого колокола на колокольню
Владимирской церкви

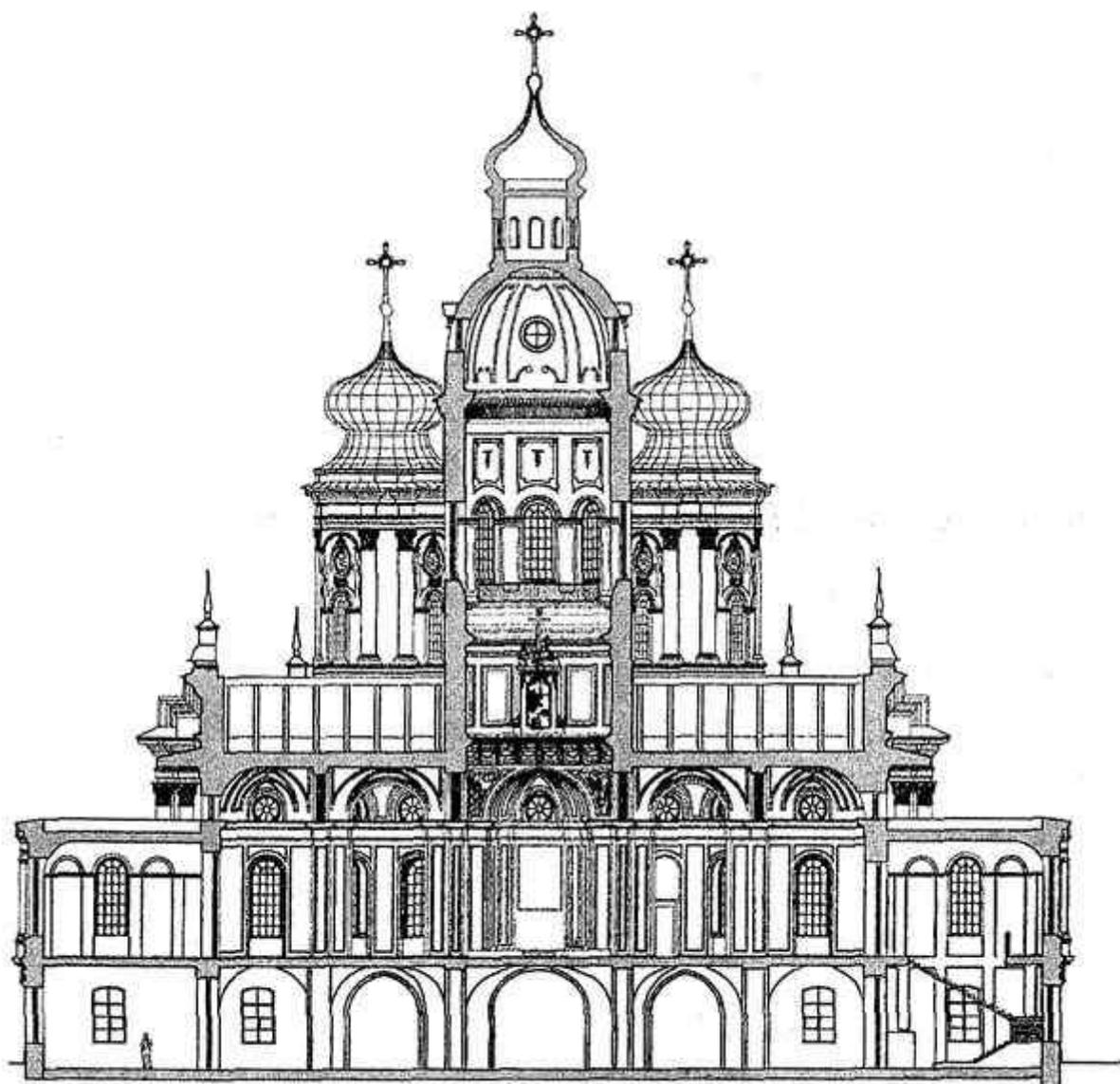
Рисунок с фото А. А. Насветевича. 1890

в церкви сохранились два уникальных иконостаса середины XVIII века — первоначальный, изготовленный для каменной Владимирской церкви, стоящий ныне лицевой стороной к алтарю, и переданный в храм иконостас церкви Аничкова дворца, выполненный по рисунку выдающегося зодчего Ф. Растрелли. Во время обследования здания и интерьеров в 1922 году Экспертная

комиссия Главмузея во главе с заведующим отделом музеев и охраны памятников искусства и старины Г. Ятманом постановила: «Признать церковь иконы Владимирской Божией Матери [...] как представляющую первоклассный памятник, подлежащий охранению наравне с памятниками, имеющими мировое значение, как, например, Казанский собор и некоторые другие»¹. Сотрудник Главнауки Л. А. Ильин в своем заключении отметил цельность ансамбля внутреннего убранства храма.

Нижняя церковь Святого Иоанна Дамаскина, помещавшаяся в первом этаже каменной церкви, более древняя, чем верхняя. При всей простоте своего архитектурного убранства она поражала множеством старинных икон в богатых серебряных и золоченых окладах, в потемневших от времени резных киотах. План церковного зала идентичен плану действующего ныне верхнего храма. Он также представляет квадрат с закругленными углами, разделенный на три части четырьмя массивными восьмигранными пилонами. С севера и с юга примыкают прямоугольные притворы с закругленными внутренними углами. Потолки невысокие, сводчатые. За восточными пилонами начиналась солея и находились три (центральный и придельные) резных золоченых иконостаса с живописными иконами. Они схематично изображены на разрезе Владимирской церкви, изданном в 1826 году Обществом поощрения художеств².

Нижняя церковь была теплой. Здесь уже при постройке были установлены печи, и богослужения совершались круглый год. Лестница в верхнюю церковь первоначально находилась в северной части обширной трапезной. При перестройке в 1830 году трапезная была увеличена в длину,

Поперечный разрез Владимирской церкви.

Фиксационный чертеж

Архитектор Ю. В. Кирс. 2000

столбы заменены двумя рядами греко-дорических колонн, лестница устроена в западной пристройке. Единственное подробное описание церкви Святого Иоанна Дамаскина сделано в 1922 году Л. Ильиным. «Трапезная архитектуры „ампир“, два прекрасных киота белых с золотом того же характера у концов, ближе к средней части храма — Голгофа того же времени, киоты в виде крестов того же времени. Средняя часть [церковного зала] совершенно простая, без обработки формами и скульптурой, гладкие столбы и своды довольно низкие.

Иконостас (трехпридельный) и киоты позолоченные рококо-николаевского времени, но, очевидно, с напоминанием ранее бывшего.

Иконы почти все в ризах и разных эпох следующих групп:

1. до-елизаветы (мало)

2. елизаветинского характера, но с деталями Екатерины и екатерининского характера (этих подавляющее большинство) — отдельных не иконостасных икон

3. александровского времени (весь иконостас 10–20 гг. XIX в.)

4. конца 1840-х гг.

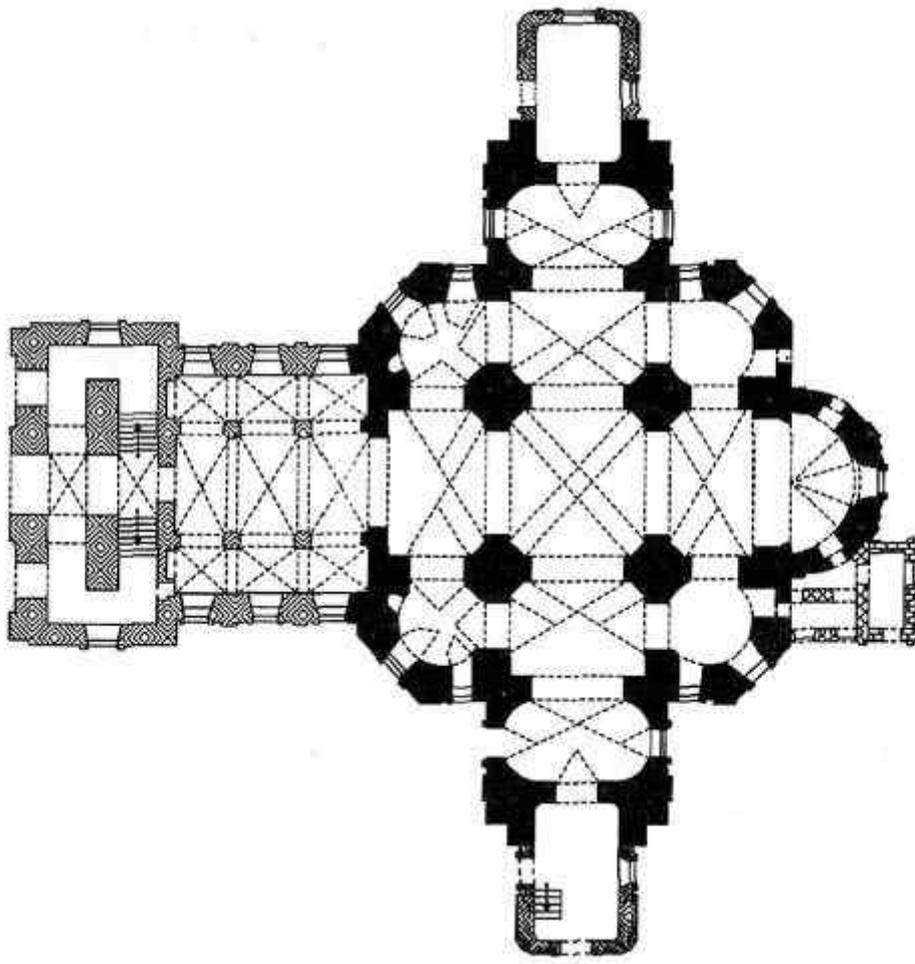
5. начало 1860-х гг. и немногие из них совсем исключительные позднего времени.

Многие иконы украшены кроме серебряных или позолоченных риз венчиками и другими частями с простыми камнями, есть немного и бриллиантовых.

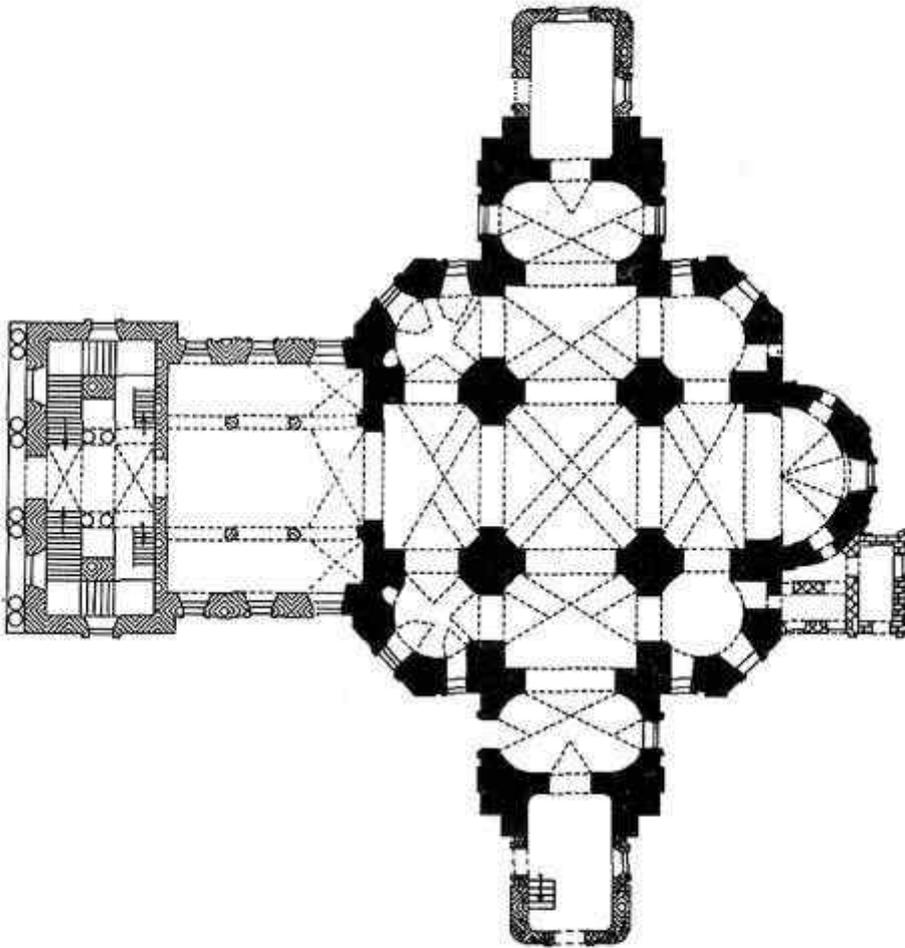
Весь ансамбль чрезвычайно цельный — нового почти нет»³.

Из икон, находившихся в нижней церкви, Л. Ильин особо отметил высокую художественную ценность икон XVIII века Божией Матери, Федоровской и Казанской, в убрусе и ризе с бусами и стразами, «Всех Скорбящих Радость» в жемчужном хитоне времени Екатерины II, а также панагии 1849–1841 годов с иконы святого Митрофания Воронежского. В алтаре на стене находился запрестольный образ XVIII века «Коронование Божией Матери». Из старинных икон здесь были примечательны образа XVIII века: Божией Матери Боголюбской, Тихвинской, Казанской, Архангела Михаила, Трех Святителей, «Живоносный источник», «Неопалимая Купина» — всего более 30, и немало поздних ценных икон XIX века. В притворе нижнего храма нахо-

a)

б)

План церкви с показом этапов строительства: а — нижний этаж; б — верхний этаж

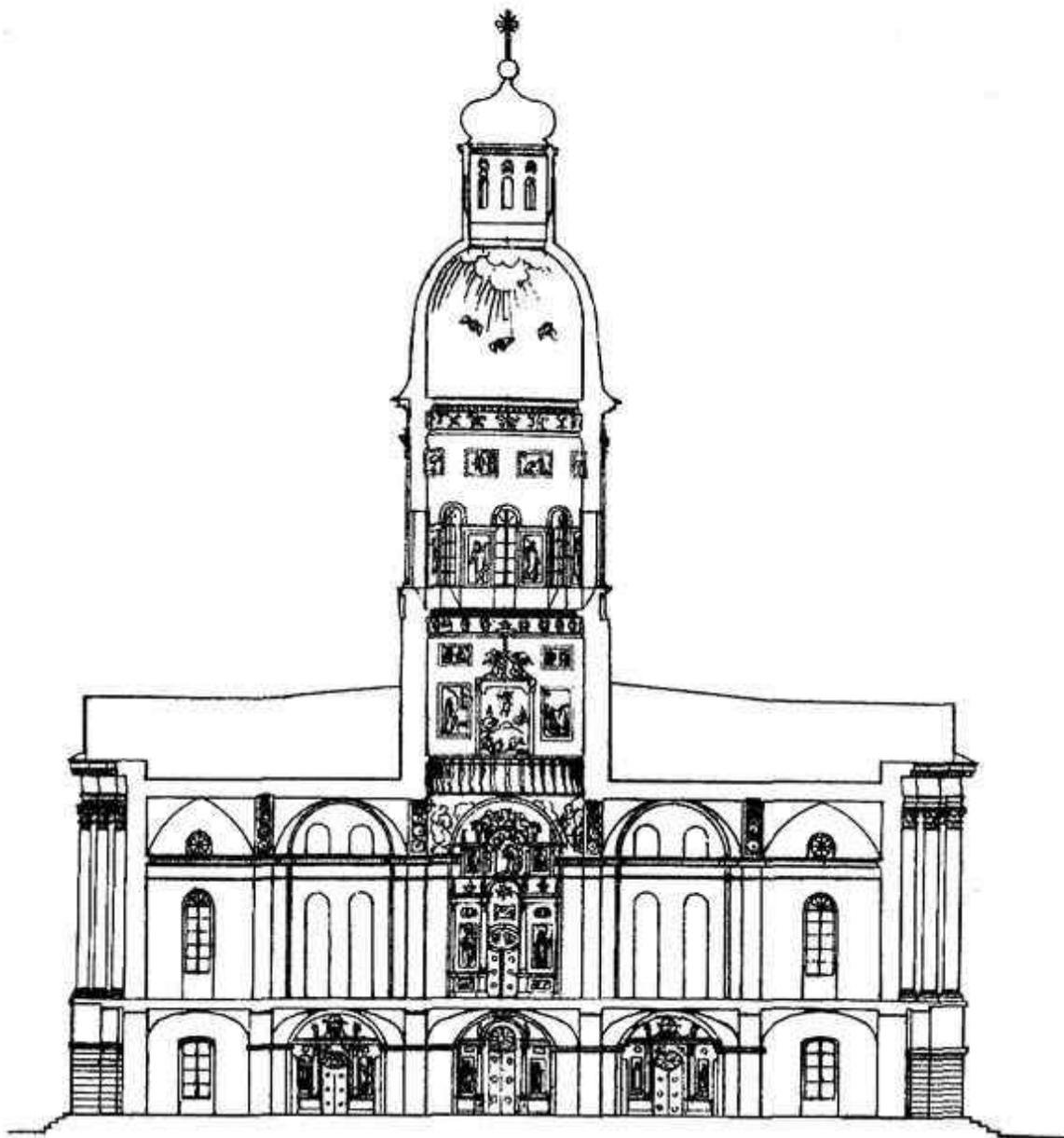
■ — 1761–1783; ▨ — 1811–1816; ▩ — 1829–1830; ▧ — 1879;
▦ — 1883–1885

дились уникальные иконы времен Екатерины II: «Двенадцать праздников» — в деревянном переплете в виде иконостаса, также «Двенадцать праздников» — в киоте в виде креста, а на левой стене — иконы-святцы на весь год тоже в киоте в виде креста⁴.

Верхняя церковь богаче по архитектурной отделке и за счет высокого потолка кажется гораздо просторнее. Главный церковный зал представляет в плане квадрат с закругленными углами, осложненный с северной и южной сторон боковыми прямоугольными притворами, с запада — трапезной, а с востока — алтарной апсидой. Пространство зала разделено на три придела четырьмя массивными восьмигранными пилонами, обработанными парными пилястрами и филенками. По всему периметру зала и на пилонах вытянут карниз с большим выносом. Л. Ильин пишет: «Пропорции между пилонами центра и главного купола прекрасны [...]. Вертикальные пропорции преобладают. Очень хорош план — компактен, прекрасны угловые закругленные части под малыми куполами»⁵.

Центральный барабан — световой, он прорезан восемью полуциркульными и четырьмя круглыми окнами. Простенки оформлены тягами и филенками. В восточном простенке помещена скульптурная композиция, изображающая трубящего ангела. Карниз у основания барабана исполнен в виде массивного венка, лежащего на консолях, соединенных гирляндами. На парусах помещены скульптурные изображения евангелистов: на северо-восточном — Иоанна, на юго-восточном — Матфея, северо-западном — Луки, и юго-западном — Марка.

Боковые барабаны первоначально также были световыми, но около 1900-х годов перекрыты

Продольный разрез Владимирской церкви
1826

в основаниях фальшивыми пологими сводами. Стены и своды обработаны тягами и филенками. На арках помещены лепные декоративные розетки.

На уже упоминавшемся разрезе, на стенах в центральном барабане показаны различные изображения⁶. Купол украшен облаками с сиянием и головками херувимов. Прямоугольные филенки над окнами и в простенках заполнены изображениями святых. В нижней, глухой, части барабана на уровне скульптурного рельефа также показаны сюжеты Священного Писания. Можно предположить, что в филенках первоначально

помещалась живопись на холсте, по обветшании она была уничтожена, и филенки остались не заполненными. В основной части храма отделка изначально была простой, характерной для памятников середины XVIII века. В целом она сохранила до наших дней свой прежний облик. Стены, пояски карнизов, обрамления филенок и поверхности подпружных арок выкрашены бледно-розовым цветом со светло-зеленым обрамлением, а поверхности филенок, гирлянды, декоративные розетки — белым.

В 1911 году лепные украшения и скульптура были выкрашены масляной краской. «Эта белая скульптура, так подходившая к богатому убранству церкви, вмещающей старый иконостас Аничкова дворца, теперь раскрашена „колерами“. Евангелистам сделаны темные бороды, розовые щеки и цветные одеяния, гирлянда цветов раскрашена в зеленое, розовое, голубое», — писал журнал «Старые годы» в мае 1912 года⁷. В настоящее время интерьеры отреставрированы и лепные украшения расчищены от поздних красочных наслоений.

Трапезная имеет прямоугольный план и разделена на три части рядами греко-дорических колонн, поставленных по внутренней линии пилонов. Высота трапезной значительно ниже, чем церковного зала. Над ней помещается дополнительный этаж, на котором размещены служебные помещения и хоры, освещавшиеся за счет светового барабана малой главки. Пологие перекрытия трапезной и хоров были сделаны архитектором А. Мельниковым во время пристройки западной лестницы и считались последним словом строительной техники того времени.

Помещение притвора, сооруженного А. Мельниковым в 1830–1831 годах, носит типичный для русского позднего классицизма характер. В его

Интерьер верхнего храма
Фото 2000 г.

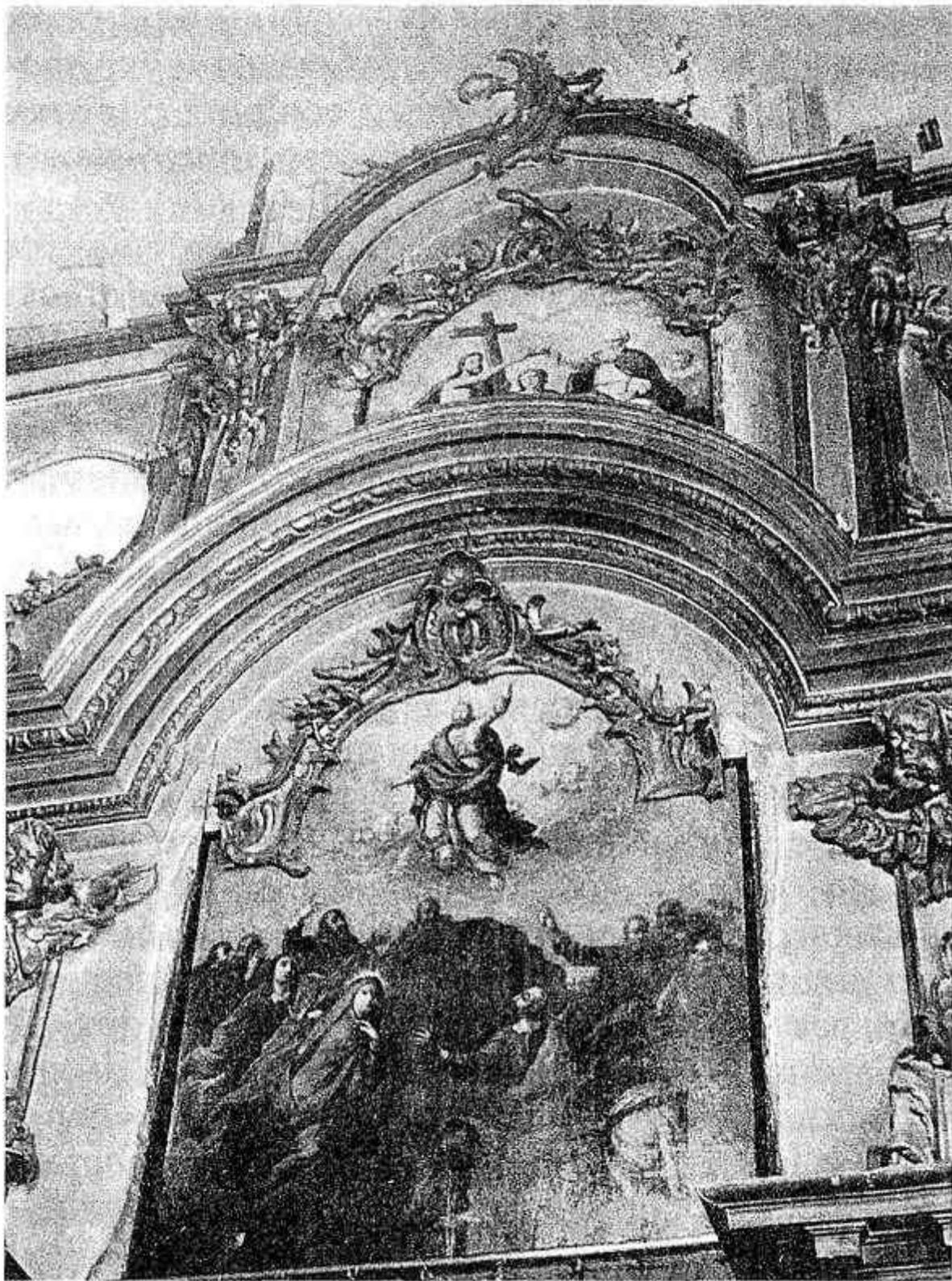
декоративном оформлении использован мотив тяжелых греко-дорических колонн, несущих кессонированные арки, служащие опорой для свода.

Внутреннее убранство храма уже в первые годы после его постройки поражало великолепием

ем. Первоначальный деревянный золоченый резной иконостас, сделанный петербургскими мастерами в XVIII веке ко времени освящения храма, был трехъярусный в центральной и двухъярусный в боковых частях. Иконостас центральной части — один из немногих, сохранившихся до наших дней. В настоящее время резная отделка и иконы нижнего яруса утрачены, но в верхних сохранились первоначальные иконы XVIII века: над Царскими воротами — «Вознесение Господне» и «Коронование Божией Матери», в праздничном ряду — «Сретение Господне», «Моление о чаше», «Поклонение волхвов», «Сошествие Святого Духа на Апостолов», «Троица ветхозаветная», «Уверение Фомы». В пророческом ряду на иконах в резных картушах святые пророки Захарий, Исайя, Сафоний, Моисей, Аввакум, Даниил. По описи 1922 года, на диаконских дверях были иконы редкой иконографии: на северных — «Ветхозаветная благодать», на южных — «Новозаветная благодать».

Этот иконостас в 1809–1810 годах, при настоятеле протоиерее Иоанне Никитиче Голубеве, был перевернут лицевой стороной в алтарь, а на его место был установлен новый, полученный из церкви Воскресения Словущего (Воскресенской) Аничкова дворца.

Воскресенская церковь занимала второй и третий этажи северного крыла Аничкова дворца, выходящего на Невский проспект, и была освящена 1 августа 1751 года. Автором ее интерьеров был Ф. Растрелли, выполнивший также эскиз иконостаса. Императрица Елизавета Петровна лично интересовалась строительством дворца. В 1747 году Высочайшим указом она повелела дворцовую церковь всеми «столярными, золотарными и живописными и другими работами

Верхняя часть первоначального иконостаса.

Икона «Вознесение Господне»

Фото А. П. Маклова. 1991

исправить в незамедленном времени дабы ко дню Святой Пасхи, то есть апреля к десятому числу 1748 года как строением, так и украшением исправлена была совершенно». Придворная гоф-интендантская контора 6 октября 1747 года приказала

обер-архитектору Растрелли, чтобы он «в оной церкви по надлежащему исправлению и украшению всеми принадлежностями сочинил рисунок и расписал каждой работе реестр и что каких мастеров потребно»⁸.

10 января 1748 года Растрелли уже доносил в контору, что 2 декабря 1747 года императрица «сочиненный им чертеж иконостасу в церковь в новостроющемся дворце, что у Аничкова моста, Высочайше изустно соизволила апробировать и велеть по тому чертежу показанный иконостас делать»⁹. Сметы на работы были исполнены мастерами: столярным — Готлиб-Эйлером, резных дел — Дункером, позолотных дел — Лепренцем и иконописных дел — Вишняковым. 10 августа 1748 года гоф-интендантская контора распорядилась «о исправлении означенного иконостаса подряд охочих людей, через Главную полицмейстерскую канцелярию с барабанным боем публиковать». Однако «охочих людей» на эту работу не нашлось, и пришлось пригласить итальянского столярного мастера Иоганна Шмидта, выполнявшего резные работы в «итальянских палатах» — небольшом домике в дворцовом саду. Шмидт выполнил работы, по отзыву Растрелли, «порядочно и как быть должно»¹⁰. Иконы в иконостасе написаны известными живописцами И. Я. Вишняковым, А. П. Антроповым, И. И. Бельским и другими мастерами.

Дворец принадлежал графу А. Г. Разумовскому, а после его смерти 6 июля 1771 года перешел к его брату, Кириллу Григорьевичу. В 1777 году он был куплен в казну, и императрица Екатерина II подарила его князю Г. А. Потемкину. В 1785 году дворец вновь был приобретен в казну и с тех пор принадлежал членам царской семьи. В 1794–1796 годах здание было перестроено

для помещения в нем Императорского Кабинета, ранее находившегося в приходе Владимирской церкви на Кабинетской улице (ныне ул. Правды). Барочный храм был переделан Е. Т. Соколовым в духе классицизма. В этот период церковь стали называть Капитульской или Кабинетной.

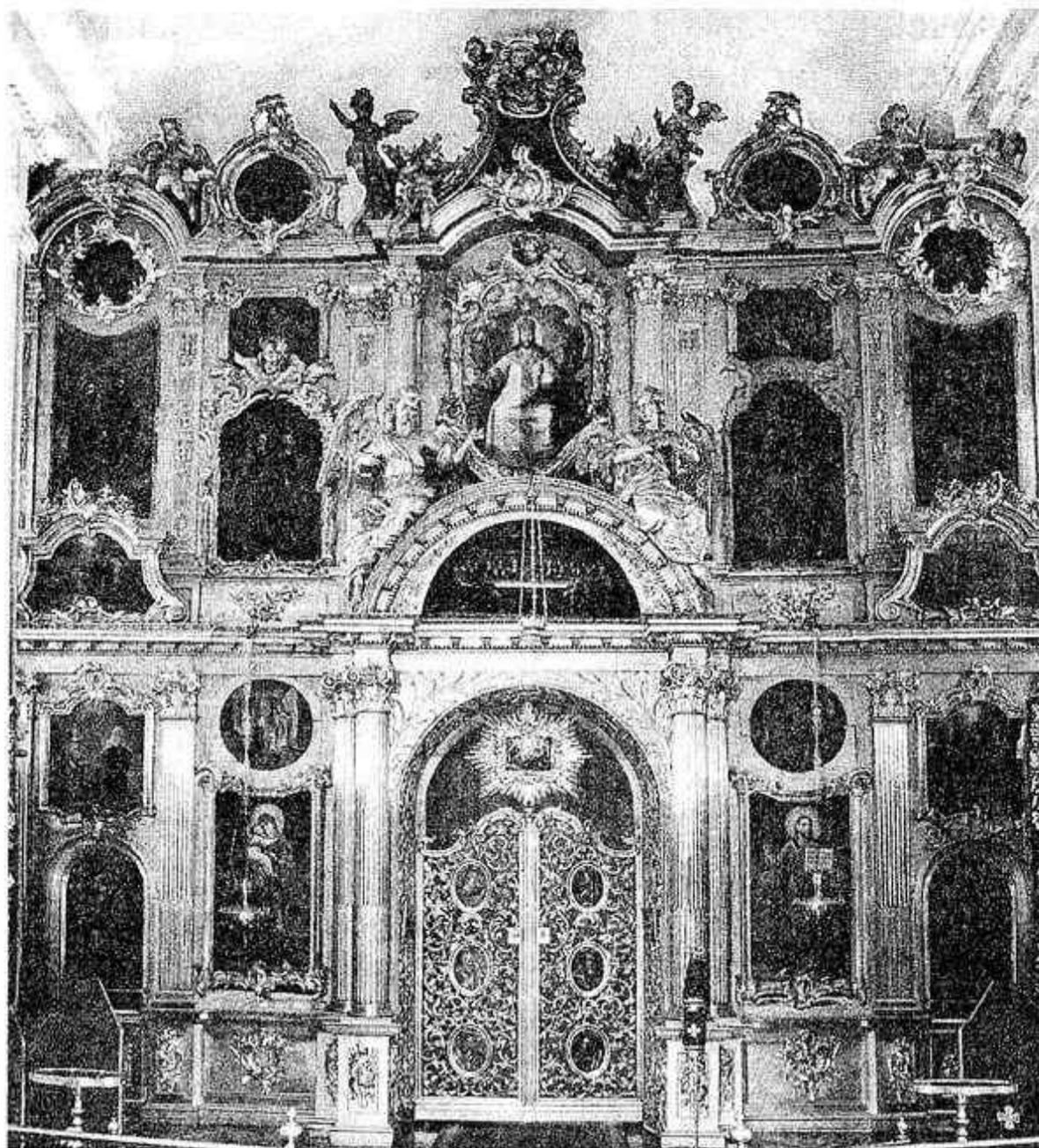
После брака с принцем Георгом Ольденбургским в апреле 1809 года во дворец въехала великая княгиня Екатерина Павловна, сестра императора Александра I. Луиджи Руска в 1809–1810 годах заново отделал дворец вместе с церковью, которая была освящена 12 апреля 1811 года во имя священномученика Георгия, небесного покровителя мужа владелицы. Для обновленного храма был исполнен новый иконостас и образа, а старый передан во Владимирскую церковь.

Этот иконостас, и ныне находящийся во Владимирском храме, — единственное, что сохранилось от первоначальной, растреллиевской Воскресенской церкви. Правда, уже при его установке неизбежно были внесены некоторые изменения. Так, в центральной части был утрачен венчающий крест, не поместившийся по высоте на новом месте. В первой половине XIX века были заменены Царские врата и икона «Тайная вечеря» над ними, в 1880–1890-х годах «поновлена» живопись. Но тем не менее, до наших дней сохранилось довольно много, и мы можем считать этот иконостас единственным иконостасом Растрелли, дошедшим до нас почти без изменений и с минимальными утратами.

Иконостас — трехъярусный, вызолоченный, с богатой резьбой. Ярусы разделены резными профилированными карнизами, поддерживаемыми каннелированными колоннами коринфского ордера. Над резными Царскими вратами — высокий лучковый фронтон с иконой «Тайная вечеря»

и резными фигурами ангелов. Над ними — икона Господа Вседержителя в резном картуше. Венчает центральную часть сложный фронтон, украшенный богатой резьбой. Третий ярус представлен иконами в круглых картушах.

Иконы в иконостасе помещались в соответствии с определенным замыслом. Здесь были образа святых, соименных членам семьи устроительницы храма императрицы Елизаветы Петровны: святых Захария и Елизаветы, святого апостола Петра (в память отца, Петра Великого), святой мученицы Екатерины (в память матери, Екатерины I), святой пророчицы Анны (в память сестры, Анны Петровны, герцогини Голштинской), святого Алексия человека Божия (в память супруга Елизаветы Петровны графа Алексея Григорьевича Разумовского, которому в 1757 году был подарен дворец). Позднее, когда дворцом владел уже князь Г. А. Потемкин, образ святого Алексия, вероятно, был заменен другим, привезенным в столицу графом А. Г. Орловым. Алексей Орлов был инициатором переворота 1762 года, приведшем к власти Екатерину II. Во время русско-турецкой войны он руководил военными действиями в Греческом архипелаге, за знаменитую морскую победу при Чесме в 1770 году получил почетное добавление к фамилии — Чесменский. После 1775 года Орлов ушел с государственной службы и преимущественно жил в Москве. Его дочь, Анна Алексеевна Орлова-Чесменская, духовное чадо видного церковного деятеля архимандрита Фотия (Спасского), стала известной благотворительницей и, по преданию, тайно приняла монашеский постриг в Новгороде. На оборотной стороне подаренного Орловым образа имелась надпись: «1782 года июня 17 дня сей образ Алексия человека Божия прибыл в град св. Петра

Главный иконостас собора

иждивением его сиятельства графа Алексея Григорьевича Орлова и поставлен в иконостас церкви Аничкова дворца». Образ находился около северных диаконских дверей и был утрачен в советское время.

Первоначально иконостас насчитывал 30 икон, в настоящее время из них осталось 24. Богатая золоченая резьба сохранилась примерно на 70%. Наибольшие потери произошли, конечно, в нижнем ярусе — немало «любителей старины» поживились здесь, пока храм был закрыт: отламывали

золоченую резьбу, картуши, полностью сломали Царские врата. Из икон в нижнем ярусе сохранились: на северных диаконских дверях «Архангел Гавриил» и над ними «Святая великомученица Екатерина» и «Пророчица Анна», и на южных дверях — «Архангел Михаил» и над ними — «Святые Захарий и Елисавета»; справа от северных дверей внизу — «Воскресение Христово», и слева от северных врат вверху — «Рождество Богородицы».

Во втором ярусе сохранились все иконы. На вертикали диаконских дверей — две праздничные иконы: «Воздвижение Креста Господня» (на северных) и «Крещение Господне» (на южных), в остальной части — иконы двенадцати апостолов, четырех пророков и двух святых. В третьем ярусе — круглые иконы «Снятие с креста» (слева) и «Положение во гроб» (справа).

К сожалению, не сохранился до наших дней запрестольный образ «Пресвятой Троицы» живописной работы в огромной великолепной ризе, установленный в главном алтаре в 1849 году, который эксперт Главнауки Л. Ильин считал «наиболее ценным для ансамбля». Утрачена и бывшая в алтаре левого придела замечательная икона Спасителя, работы XVIII века, признанная им также особо ценной.

Боковые приделы были устроены уже в середине XIX века, после установки в верхнем храме калориферного отопления. В 1868 году был освящен северный придел в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость», а в 1872 году южный — во имя святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Иконостасы в них поздние.

Стены храма украшали живописные полотна на религиозные сюжеты, иконы, пожертвованные

Первоначальный иконостас.
Икона «Коронавание Божией Матери»
Фото А. П. Маклова. 1991

Современный иконостас. Икона «Положение во гроб»
Фото А. П. Маклова. 1991

в храм богатыми дарителями. Среди них — Тихвинская икона, написанная тихвинскими мастерами в 1659 году, в богатом окладе из чеканного золоченого серебра с венцами, выполненном в 1787 году, и много икон XVIII века. Особенно почиталась икона «Животворящий Крест» с частицами мощей 27 святых, датируемая 1828 годом.

На первых пилонах были иконы святых апостолов Петра и Павла, «Поклонение вохвов», «Тайная вечеря», «Спаситель»; на вторых — святых Бориса и Глеба и две иконы Владимирской Божией Матери.

Из живописных полотен обращали на себя внимание большие картины на холсте, преимущественно копии итальянской и фламандской школы, появившиеся в храме в 1810-е годы. Среди них «Снятие с креста», размерами 3,4×2,3 м, отличавшаяся мастерством исполнения, и почти таких же размеров «Святое семейство», также хорошей художественной работы. Особо ценилась картина «Тайная вечеря», размерами 1,5×2,2 м, принадлежавшая школе Рубенса. В описи 1922 года числится 13 картин «иностранный школы», представляющих значительный художественный интерес и подлежащих передаче в Эрмитаж.

Происхождение этих картин доподлинно не известно, но существует предание, что они были привезены из Дрезденской картинной галереи нашими маркитантами, сопровождавшими русскую армию во время заграничного похода 1813–1814 годов. Впрочем, не исключено, что какие-то из них поступили с прочими предметами из церкви Аничкова дворца.

Из картин русских мастеров наибольший интерес представляли работы академика живописи Евтихия Васильевича Мошкова (1748–1828). Это «Мельхиседек, царь Салимский» (холст, масло),

«Святой пророк Илия» (дерево, масло), «Святой князь Александр Невский» (дерево, масло), «Царь Давид» (дерево, масло). Также была высоко оценена картина неизвестного русского мастера XVIII века «Страдания апостола Варфоломея».

В интерьер храма прекрасно вписывались старинные паникадила позолоченной бронзы в стиле XVI века и люстры с хрустальными «слезками» работы XVIII века.

Значительную ценность представляла утварь Владимирской церкви, в большинстве своем поступившая в храм при его строительстве и освящении, среди которой было много старинных и драгоценных предметов.

Возможно, еще со времени освящения деревянного храма хранились брачные венцы чеканного непробного серебра работы первой половины XVIII века. Не одна тысяча семей начиналась с этих венцов. Со старинным жестяным выносным фонарем без малого 200 лет ходили крестные ходы. Серебряные потиры, диски, звезды работы 1771, 1785 годов служили для причастия многих поколений прихожан.

Вместе с иконостасом из Кабинетной церкви Аничкова дворца в 1809 году поступило богато украшенное напрестольное Евангелие московской печати 1759 года. Его размер около 70×46 см; вес вместе с окладом 21,5 кг. Оклад, вероятно, выполнен в Петербурге — на нем петербургский штампель 176(1?) года. Верхняя доска оклада серебряная с чеканными изображениями. В центре — «Воскресение Христово» с короной, украшенной цветными стеклами — имитацией драгоценных камней: горного хрусталя, топазов, яхонтов, изумрудов и алмазов. По краям оклада вычеканены «Благовещение», «Возложение тернового венца на главу Спасителя», «Моление

о чаше», «Тайная вечеря» и четыре евангелиста¹¹. Из-за больших размеров и веса это Евангелие не употреблялось в богослужениях, а так же как и второе такое же, упоминавшееся выше, помещалось в особом футляре в алтаре верхнего храма.

В 1810 году по рисунку протоиерея Иоанна Голубева выдающимся столичным ювелиром А. Помо была сделана великолепная дарохранильница. Сложная многофигурная композиция изображала сад Иосифа Аримафейского, в котором было погребено тело Спасителя, а также Воскресение Христово и ближайшие к нему события.

Основание дарохранильницы представляло собой бронзовую плиту, имеющую с четырех сторон по 12 ступеней. Центральная часть композиции — сад с отлитыми из серебра деревьями, травой, кустарником и цветами. В центре сада — гора с пещерой, в которой находился гроб с пеленами. Рядом с горой — ангел, отваливший камень от входа в пещеру. Здесь же стража из четырех воинов: одни из них в ужасе упали, а другие бегут, закрываясь щитами. Над горою — воскресший Спаситель.

По углам сада были поставлены четыре четырехколонных беседки с коринфскими капителями и золочеными куполами, на каждом из которых — фигура евангелиста с его символом. Каждая беседка представляла самостоятельную композицию. Беседка с евангелистом Иоанном — Распятие с предстоящими Матерью Божией, Марией Клеоповой и Марией Магдалиной; с евангелистом Матфеем — Снятие с Креста; с евангелистом Марком — явление воскресшего Спасителя Марии Магдалине; с евангелистом Лукой — путешествие в Еммаус.

Беседки служили опорами для бронзового золоченого купола, перекрывающего все пространство серебряного сада. В центре купола, над пещерой помещалось изображение восьмиколонного храма, окруженного серебряными облаками и херувимами. В золоченых лучах сияния, принизывающих весь храм, были изображения Господа Саваофа и Всевидящего Ока¹².

В 1853 году при настоятеле протоиерее Михаиле Малейне к дарохранительнице была сделана подставка из кипарисовой доски и стеклянный футляр с медными вызолоченными рамками.

Говоря о новых приобретениях храма в начале XIX века, нельзя не упомянуть об устройстве ковчега для частиц мощей около 150 святых угодников. Эти святыни были пожертвованы в храм в разное время и разными людьми и находились на иконах, в крестах-мощевиках, в специальных ларцах, помещенных в разных частях храма. Это было неудобно прихожанам, и настоятель храма протоиерей Симеон Платонов решил поместить все святыни в один специальный ковчег, который и был сделан по его заказу в 1827 году.

Священник Николай Вирославский пишет: «Ковчег этот сделан из серебра 84 пробы наподобие рамы, покрытой стеклом, мерою в $14\frac{3}{4}$ верш. в длину и ширину (59×59 см), ребра шириною в 2 верш. во все стороны (16 см). Св. мощи расположены в нем между двух листов из серебра, вычеканенных наподобие звезды. В середине второй позолоченный крест с надписью, в которой означены имена святых, части мощей которых хранятся под крестом. Прочие части расположены в двух кругах около креста и в 8 лучах звезды. Места частей св. мощей обозначены небольшими кругами, на которых означено имя святого. Поверх

всего изображена виноградная ветвь из серебра. На поле, в четырех углах ковчега по три херувима в облаках»¹³. Ковчег стоял на аналое в верхней церкви. Во время крестных ходов он выносился из церкви вместе с иконами.

При постройке часовен в 1850-е годы часть старинных икон была перенесена туда. В часовнях были устроены резные золоченые иконостасы, а иконы помещены на стенах. В северной часовне, на углу Колокольной улицы, особо ценными были образа (XVIII век) святого Иоанна Дамаскина, святого Димитрия Ростовского, Казанской Божией Матери в серебряных золоченых ризах, интересной иконографии икона святой Варвары в окружении других святых — на центральном образе имелась отдельная серебряная рамочка. В южной часовне ценились иконы Благовещения в серебряной ризе XVIII века, святого Иоанна Богослова, Владимирской Божией Матери и образ Божией Матери в серебряной ризе начала XIX века, украшенной бисером и золотым шнуром.

В конце XIX — начале XX века в России усилился интерес к истории и изучению и сохранению предметов старины. В 1854 году для сбора сведений о церквях и хранящихся в них древностях был создан Санкт-Петербургский епархиальный историко-статистический комитет. Исторический очерк о Владимирской церкви, составленный священником Николаем Вирославским, включает подробное описание святынь храма. В конце XIX века для охраны и изучения древностей была создана Археологическая комиссия. Она давала разрешения и рекомендации для реставрации зданий и утвари. В комиссии работали видные ученые: Д. Репников, Н. К. Григорьев, А. П. Аплаксин, Д. Милеев.

Оклад Евангелия
Серебро, литье. 1768

В начале XX века в Петербурге прошло несколько выставок, на которых были представлены предметы церковной утвари. Владимирская церковь также приняла в них участие. На выставку «Ломоносов и елизаветинское время», проходившую в 1912 году, были представлены Евангелия елизаветинского времени, Владимирская икона Божией Матери в серебряном окладе 1749 года, серебряный, вызолоченный потир 1775 года с чеканными изображениями Благовещения, Тайной вечери и Распятия, упоминавшийся выше серебряный потир 1759 года, шереметевские покровцы¹⁴.

В 1915 году Владимирская церковь приняла участие в проходившей в музее Училища технического рисования барона Штиглица выставке

церковной старины, куда были представлены Евангелия и ризы XVIII века¹⁵.

После революции 1917 года и национализации церковных ценностей функции охраны древностей взял на себя созданный при Главнауке музейный отдел. В 1922 году представителями музейного отдела было проведено обследование и экспертиза архитектуры, убранства и утвари Владимирской церкви. При этом более 60 предметов были взяты на учет как особо ценные в историческом и художественном отношении, но, чтобы не нарушать цельность ансамбля, было решено многое оставить на своих местах. Часть икон, подлежащих изъятию, в том числе запрестольный образ Спасителя в серебряной ризе и Владимирскую и Тихвинскую иконы Божией Матери, прихожане выкупили. Однако, вскоре многие ценности все же были изъяты и переданы в музей, лишь некоторые предметы, как не имеющие художественной ценности, были сданы в Помгол (Комитет помощи голодающим Поволжья). После закрытия церкви значительная часть икон и риз поступила в Эрмитаж и Русский музей. В настоящее время о прежнем убранстве церкви напоминает только иконостас верхнего храма.

Глава 5

Приходская жизнь

Причт и настоятели храма

Заселение Придворной слободы началось после 1737 года. К 1746 году здесь был уже 181 двор. До освящения в 1746 году Владимирской церкви жители преимущественно посещали храмы, расположенные по другую сторону Невской перс-

пективы — Святых Симеона и Анны на Фонтанке, Преподобного Сергия Радонежского в Артиллерийской слободе или Крестовоздвиженскую церковь на Лиговском канале (ныне Лиговский проспект) в Ямской слободе. Церкви в это время в столице были небольшие, и их недоставало. В начале 1740-х годов в Петербурге было 19 приходских церквей, из них только 4 каменные.

С петровского времени, после указов 1724 года о введении штатов при церквях, все они имели штат причта, и причетники получали жалованье от казны. На каждую сотню приходских дворов полагался один священник. Только в елизаветинское время вновь стали появляться церкви с причтом, существующим исключительно за счет прихода. Среди первых таких церквей была и Владимирская.

Владимирская церковь все время своего существования состояла в ведении Санкт-Петербургской епархии. Причт содержался за счет церковных доходов: содержания от прихода, средств от исполнения треб, позднее он получал проценты с капитала, завещаного на поминовение разными жертвователями в пользу причта. В 1895 году этот капитал составлял 40 596 рублей.

Деревянная церковь была двухпрестольной. Каменная, освященная в 1768 году, с 1769 года стала трехпрестольной, в 1783 году добавился престол в верхнем храме, в 1868 году в верхнем храме освящен северный придел в честь Божией Матери «Всех Скорбящих Радость», а в 1872 году южный придел во имя святых Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, и церковь стала шестипрестольной.

До 1868 года теплой была только нижняя церковь, а в верхней богослужения совершались только в летнее время. В 1868 году стараниями

церковного старосты Петра Абрамовича Беляева прежние шесть печей, отапливавших только нижнюю церковь, были заменены пятью чугунными амосовскими калориферами, спроектированными Русским техническим обществом. Тогда это было редким нововведением. С этого времени богослужения совершались круглогодично на обоих этажах.

Большая церковь требовала и большого состава причта. С 1761 года при церкви состояли уже три священника, один диакон, три дьячка и пономарь. В 1826 году был добавлен четвертый священник, в 1849 году — пятый причетник, а в 1860 году — пятый священник. Таким образом, к 1917 году при храме служили пять священников и пять диаконов.

Сведений о причте Владимирской церкви сохранилось немного. Первым священником Владимирской церкви был, как уже говорилось, иерей Григорий Матвеев, переведенный в 1746 году в Придворную слободу по просьбе прихожан из Охтинской Троицкой церкви. Он служил в домово́й, а затем в деревянной церкви.

Ко времени освящения каменной церкви в 1768 году при Владимирской церкви упоминаются священники — Иоанн Кириков, бывший с 1763 по 1770 год настоятелем храма, а также иереи Роман Михайлович Косовский и Иаков Иоаннович Граевский. Они упоминаются в путеводителе Богданова и Рубана. Причем настоятель назван «Иоанн Кириков сын Ивановский». Вероятно, правильнее было бы назвать отца Иоанна Иоанном Кириковичем Ивановским, но во всех прежних работах, в частности у отца Николая Вирославского, а также на надписи, сделанной в 1870 году на надгробном памятнике, он назван Иоанном Кириковым, поэтому и мы

будем придерживаться того же. Об отце Иоанне Кирикове подробно говорилось в рассказе о строительстве каменной нижней церкви Святого Иоанна Дамаскина.

После трагической смерти отца Иоанна место настоятеля занял отец И. И. Граевский. Ко времени освящения верхнего храма в 1783 году значение Владимирской церкви возросло настолько, что ее настоятелем был назначен не простой священник, а протоиерей — отец Иаков Илларионов, прослуживший здесь до своей кончины в 1789 году. Это была одна из немногих каменных и одна из самых больших церквей столицы. Здесь часто служили члены Святейшего Синода. При церкви действовало приходское училище. Основными предметами был Закон Божий, чтение и церковное пение¹.

Во времена царствования Екатерины II большое внимание в столичной епархии стали уделять проповедованию. В 1769 году архиепископ Петербургский Гавриил (Кременецкий) распорядился, чтобы все священнослужители, обучавшиеся в школах, говорили проповеди. Преимущества при назначении на места в столичных храмах получали образованные священники, способные произносить проповеди. Те же, кто не обучен, должны были читать в церквях поучения ученых проповедников, специально печатавшиеся Святейшим Синодом.

В 1770 году Владыка Гавриил (Петров) составил для такого чтения «Краткое христианское нравоучение». 11 марта 1771 года он распорядился разослать по экземпляру по всем церквям епархии и, наклеив их на доски, «в С.-Петербургских церквях повесить на стенах, чтоб всякий читать мог, а в прочих приказать во всякий воскресный день читать народу священникам на литургии»².

Было такое «нравоучение» и во Владимирской церкви.

Указом от 5 октября 1785 года в Петербурге было введено чередное проповедничество всех получивших школьное образование священников и диаконов. Таких проповедей назначалось каждому по две в год, при этом выдавался особый билетик с указанием, когда и в какой церкви предстоит читать проповедь. Таким образом, в каждой столичной церкви хоть изредка, но обязательно проходили проповеди. Владимирская церковь, как одна из крупнейших в столице, стояла в ряду первых. В ней проповеди совершались чаще обыкновенного³.

После смерти отца Иакова некоторое время настоятельствовали вновь простые иереи отец Филипп Васильев и отец Иоанн Федоров. Только в 1808 году был назначен протоиерей отец Иоанн Никитич Голубев. С этого времени в церкви настоятельствуют только протоиереи.

Н. Голубев получил образование в Александро-Невской академии и некоторое время занимался преподавательской деятельностью. С 1784 года был учителем латинского языка в академии, с 1786 по 1788 год преподавал риторику в Новгородской семинарии. За красноречие и способности к проповедованию вновь был вызван в столицу для преподавания, но уже в 1789 году поступил во Владимирский приход священником⁴.

Отец Иоанн настоятельствовал во Владимирской церкви всего два года, до 1810 года, но и за этот короткий срок успел немало сделать для украшения храма. Старые академические связи и авторитет образованного священника во многом способствовали его новой деятельности. Именно стараниями отца Иоанна во Владимирскую церковь поступили из бывшей Кабинетной церкви Аничкова дворца растреллиевский

иконостас, Евангелие елизаветинских времен, некоторая утварь. По его заказу и эскизу была изготовлена новая дорогая великолепная дарохранительница, ставшая украшением алтаря. При нем улучшилось положение духовенства Владимирской церкви, был выстроен новый каменный дом для причта.

С 1810 года настоятелем назначили протоиерея Павла Свиязева, служившего во Владимирской церкви всю свою жизнь: сначала, с 1797 года, диаконом, затем священником, скончался он в должности настоятеля в 1825 году. На период его настоятельства пришлись сложные времена Отечественной войны 1812 года. Из его приобретений для храма необходимо отметить уже упоминавшуюся картину школы Рубенса.

С 1826 года настоятелем церкви стал протоиерей Симеон Яковлевич Платонов, известный как духовный писатель и переводчик.

С. Я. Платонов воспитывался в Троицкой семинарии при Троице-Сергиевой лавре, затем обучался в Московской славяно-греко-латинской академии. С 1804 года параллельно с учебой в академии прошел курс современных иностранных языков в Московском университете. По окончании учебы был рукоположен во священники и получил должность законоучителя в Санкт-Петербургском педагогическом институте, а с 1811 года поступил священником во Владимирскую церковь. Уже здесь, в 1814 году, получил магистерскую степень и магистерский крест. Один из наиболее известных его переводов — сочинение греческого архиепископа Евгения Булгариса «Рассуждения против ужасов смерти» — был издан в Москве еще во время его учебы в 1805 году.

Во Владимирской церкви отец Симеон оставил по себе память, устроив ковчег для частиц святых мощей. Его же стараниями была выстроена западная лестничная пристройка. В 1831 году

отец Симеон скончался и похоронен на Смоленском кладбище. Его могила не сохранилась⁵.

При отце Симеоне, в 1826 году, в состав причта был введен четвертый священник. На новую вакансию был назначен отец Алексей Нарбеков, известный тем, что совершал отпевания няни А. С. Пушкина Арины Родионовны и друга поэта Антона Дельвига.

В 1831 году в России свирепствовала эпидемия холеры. Несмотря на принятые правительством меры эпидемия охватила даже столицу империи. Тысячи жителей умирали от страшной болезни. Не хватало больниц, врачей, фельдшеров. Во многих местах вспыхивали недовольства. 22 июня столицу потряс так называемый «Сенной бунт». Среди простого люда возник слух, что врачи специально заражают людей, а больных отравляют. На Сенной площади взбунтовавшимся народом была захвачена больница и убиты врачи. Сам государь Николай I лично приезжал на площадь, чтобы успокоить народ. Подобные недовольства вспыхивали во многих местах.

Очень тяжело приходилось в это лето священнослужителям. Каждый день приходилось причащать и отпевать по нескольку умерших, всякий раз рискуя заразиться. Не обошла болезнь и Владимирскую церковь. Первым от холеры скончался настоятель собора отец Симеон Платонов. Вскоре умер священник Алексей Нарбеков, вслед за ними дьячок Михаил Травлинский. При церкви остался только один священник Василий Тихонравов, которому приходилось совершать требы, отпевать умерших и совершать богослужения.

В том же 1831 году, 5 июля, на место настоятеля был переведен протоиерей Михаил Никитич Малеин.

М. Н. Малейн закончил Санкт-Петербургскую духовную академию, служил в Екатерининской церкви на Васильевском острове, затем, с 1824 года, был ключарем Николо-Богоявленского собора.

По описанию Н. Вирославского, служившего четыре года под его настоятельством, «всегда тихий, скромный, молчаливый, он умел находить средства для церковных построек и улучшений всякого рода». М. Малейн пробыл настоятелем Владимирской церкви 33 года, с 1831 по 1864 год. За это время был надстроен четвертый ярус колокольни, выстроена новая ограда с часовнями, разбит церковный сквер, впервые вызолочены главы церкви и колокольни, выстроен каменный четырехэтажный дом для причта. Отец Михаил заслужил уважение и среди прихожан, и среди епархиального начальства. Скончался он 22 января 1864 года. Отпевание в нижней церкви совершил vikарий Санкт-Петербургской епархии епископ Ревельский Герасим в сослужении духовенства многих церквей столицы.

В 1864–1892 годах настоятелем Владимирской церкви был протоиерей Александр Николаевич Соколов, также выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии со степенью магистра. Основным направлением его деятельности в храме стала благотворительность. Его стараниями было создано Владимирское приходское благотворительное общество с дневным приютом и богадельней. Он лично вникал во все проблемы общества, прихожан и причта.

В 1883 году Владимирская церковь торжественно отметила свой 100-летний юбилей. Освящение верхней церкви Владимирской иконы Божией Матери состоялось, как говорилось выше, 9 апреля 1783 года, но в 1883 году на эту дату выпали дни Великого Поста. Поэтому было ре-

шено перенести празднование на Светлую Седмицу. Торжества состоялись в четверг, 21 апреля. В праздничном богослужении в храме приняло участие все высшее духовенство столицы⁶.

Яркой, выдающейся личностью был протоиерей Николай Михайлович Вирославский, прослуживший в храме с 1860 по 1910 год, в том числе с 1895 года настоятелем.

В 1857 году Н. М. Вирославский закончил Санкт-Петербургскую Духовную академию, был назначен профессором Тамбовской семинарии; в 1859 году, после утверждения в звании магистра, переведен в Санкт-Петербургскую Духовную семинарию профессором по церковной истории; в 1860 году рукоположен в священнический сан и причислен к Владимирской церкви, где и прослужил всю свою жизнь.

Отец Николай был первым историографом Владимирской церкви. На основании документов не сохранившегося до наших дней церковного архива он составил для Историко-статистической комиссии первое и единственное подробное описание церкви и ее святынь. Блестяще образованный, умный, интересный человек, отец Николай был духовником великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского. С самого основания при приходском благотворительном обществе детского приюта отец Николай руководил ходом обучения детей и преподавал им Закон Божий. С 1895 года он был избран товарищем [заместителем] председателя правления общества. В 1902 году по старости лет он оставил настоятельскую должность и служил простым протоиереем до 1910 года, продолжая работать в правлении благотворительного общества до самой смерти⁷.

Трижды исполнял настоятельскую должность протоиерей Дмитрий Александрович Приселков.

В первый раз после смерти отца Александра Соколова, с 1892 по 1893 год, затем, после того как отец Николай Вирославский отказался от должности, в 1900 и 1902–1903 годах. После 1903 года его имя в числе причта не упоминается.

Д. А. Приселков был моложе отца Николая, закончил Санкт-Петербургскую Духовную академию в 1873 году со степенью кандидата богословия, преподавал в Псковской семинарии, с 1875 года служил на Большой Охте в церквях Святого Георгия и Святого Духа, с 1880 года при Пантелеймоновской церкви, а с 1888 — при Владимирской, уже протоиереем.

Последним настоятелем церкви перед революцией был протоиерей Александр Алексеевич Владимирский.

А. А. Владимирский закончил в 1880 году Санкт-Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия, был рукоположен во священники и приписан Сампсониевской церкви на Выборгской стороне и уже через четыре года, в 1884 году, назначен ее настоятелем. В 1892 году переведен во Владимирскую церковь на священническую вакансию. В 1899 году возведен в сан протоиерея. С 1904 года стал настоятелем церкви, а после смерти отца Николая Вирославского занял также должность товарища председателя правления благотворительного общества.

Настоятелем отец Александр был до 1917 года, когда на его место был избран отец Павел Кедринский, но продолжал служить во Владимирской церкви до лета 1922 года.

Владимирская церковь была довольно богата. Она владела большим участком земли в Кузнечном переулке, между Ямской [Достоевского] и Большой Московской. Указом Елизаветы Петровны от 16 мая 1752 года Главной полицмейстерской канцелярией на имя отца Иоанна Кирикова была выдана «данная» на землю, в которой

говорилось: «По имянному блаженной памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны 1739 года августа 20 дня указу, повелено: у имеющейся в московской части, посреди отведенных придворной и дворцовой команд служителем мест, торговой площади, отдать под строение церковных дворов шесть мест...». Позднее настоятелем протоиерем Голубевым был докуплен еще один участок, на углу Большой Московской и Кузнечного.

До постройки в 1863 году каменного дома для причта причетники на церковной земле строили себе деревянные дома на собственные средства. После переселения их в каменный дом деревянные были снесены, а освободившееся место стали сдавать частным лицам под склады дров. Первый каменный причтовый дом находился на Большой Московской, 4. Он был четырехэтажный, «на подвальном жилом этаже», «фасад оштукатурен, с карнизом, наличниками у окон, поясками и тягами, украшен балконами с отметками и железным подъездом на чугунных колоннах». К дому примыкали два таких же четырехэтажных флигеля. В подвальном этаже помещались мелочная и табачная лавки, гладильня. Дом первоначально использовался для причта, но позднее квартиры в нем стали сдаваться внаем.

В 1878 году на углу Большой Московской и Кузнечного, на том месте, где ныне здание Метрополитена, был выстроен каменный четырехэтажный дом с оштукатуренным фасадом «с карнизом и поясками, окна с наличниками и сандриками, с лепною работою»⁸, а во дворе — двухэтажный каменный флигель и одноэтажная каменная служба. Дом предназначался для проживания церковного духовенства, а в первом этаже находилась аптека. Во флигеле же квартиры

частью сдавались внаем, а часть занимали «свои сироты». В 1905 году во дворе дома № 4 по Большой Московской был выстроен новый пятиэтажный флигель, квартиры в котором также сдавались внаем, и при нем четырехэтажная прачечная. Оставшееся место на Кузнечном переулке продолжали сдавать под дровяные склады. Позднее здесь были устроены торговые ряды, а затем вырос рынок.

Планировка церковного участка почти не изменилась с начала XIX века. В восточной его части еще во времена отца Иоанна Кирикова был деревянный дом для причта, пруд и колодец. В 1891 году на его месте выстроили каменный двухэтажный флигель, в котором жили церковные сторожа и просфорня. К часовням с восточной стороны в 1888 году были сделаны небольшие жилые пристройки на два окна.

Доходы от домов и участка были немалыми, все они поступали на церковные нужды и, частично, на содержание причта. В настоящее время в сохранившихся церковных зданиях находятся жилые квартиры горожан.

Приходское благотворительное общество

Манифест 19 февраля 1861 года, освободивший крестьян от крепостной зависимости, и последовавшие за ним реформы в области местного управления, суда, образования, финансов всколыхнули общественное движение в России. Всеобъемлющим стало стремление послужить для общего блага, для улучшения жизни народа. В 60-е годы XIX века развилось движение народничества. Сотни врачей, учителей, оставив город, уезжали в деревню, чтобы приносить пользу народу. Это настроение не миновало и церковный мир.

В среде духовенства и религиозно настроенных людей оно проявилось в широком росте церковно-приходской благотворительности, сосредоточившейся преимущественно в появившихся тогда во множестве религиозных братствах и обществах.

Благотворительные учреждения при столичных церквях устраивались еще с петровских времен. Указом от 28 февраля 1721 года предписывалось, «чтобы на деньги от продажи свечей построить при каждой церкви богадельни, ради нищенствующих и больных, которых тамо кормить, по пропорции каждой церкви доходов». Так, при соседнем к Владимирскому приходе Крестовоздвиженской церкви в Ямской слободе уже в 1720-е годы существовала небольшая богадельня для престарелых прихожан. В церквях ставились кружки для бедных. Однако широкого масштаба эта деятельность не достигла, поскольку до 1860-х годов не имела никакой правовой базы.

В 1864 году был принят ряд законодательных актов, в их числе «Устав об общественном призрении», определивших положение благотворительных обществ. Дела благотворительности были переданы в ведение Церкви, но общий надзор за ними был вверен Министерству внутренних дел, а на местах — губернаторам. Собственно церквям поручался сбор пожертвований, поскольку это предполагает религиозные и моральные мотивы, но собранные средства при этом поступали в ведение местных властей. Вместе с тем церкви получали право организовывать свою собственную благотворительность. Для этого могли быть созданы церковные братства и приходские общества.

8 мая 1864 года были Высочайше утверждены основные «Правила для учреждения православ-

ных церковных братств». Каждое братство имело свой устав. Открывались братства при церквях и монастырях с благословения и утверждения епархиального архиерея и с разрешения губернского начальства. В Петербурге братства начали возникать, в основном, в благотворительных целях. Первым из них можно назвать Христорожественское Александро-Иосифовское братство, начало деятельности которого относится еще к 1863 году. Инициатором его создания был протоиерей Александр Гумилевский.

Небольшие общества при храмах создавались по типу попечительств в соответствии с Высочайше утвержденным 2 августа 1864 года «Положением о приходских попечительствах». Задачи последних были не столь широки, как у братств, и деятельность ограничена пределами своего прихода. Они учреждались из лиц, «отличающихся благочестием и преданностью вере православной, для попечения о благоустройстве приходской церкви и причта и для благотворительных действий в пределах прихода».

Одним из первых приходских благотворительных обществ Петербурга было общество, созданное при церкви Владимирской Божией Матери в 1865 году. Границы церковного прихода в те времена определялись очень четко. Приход Владимирской церкви согласно «Распределению церковных приходов по полицейским частям и кварталам столичного города С.-Петербурга» в 1866 году составляли: «Московской части: а) часть 1-го квартала с набережной Фонтанки, Невским проспектом, между Аничковым мостом и Владимирским проспектом, правою стороною Николаевской [Марата] улицы между Стремяною улицею и Кузнечным переулком, левою стороною Кузнечного переулка с переулками Дмитровским, Поварским,

Колокольною улицею и правою стороною Графского переулка; б) часть 2-го квартала, между наб. Фонтанки, Чернышевым [Ломоносова] переулком, Разъезжею улицею до Мясных рядов, частью Николаевской улицы до Кузнечного переулка, Кузнечным и Графским переулками; в) часть 3-го квартала, между наб. Фонтанки, Гороховой улицею, Звенигородскою улицею, частью Николаевской улицы до Мясных рядов, Разъезжею улицею и Чернышевым переулком»⁹.

Учредителями Владимирского приходского благотворительного общества стали настоятель храма протоиерей А. Соколов, священники П. Никитский, И. Гратинский, Н. Вирославский и церковный староста коммерции советник С. Кудрявцев. В апреле был утвержден устав общества и получены все необходимые разрешения. Открытие общества состоялось в храмовый праздник Владимирской иконы Божией Матери.

В предисловии к уставу говорилось: «Мы обращаемся к вам, наши благочестивые и добрые прихожане, и просим вас, от имени Бога и Его святой Церкви принять живое участие в начатом нами добром деле. [...] Конечно, за это дело, как дело христианское, нет ни внешних отличий, ни наград на земле, но есть награды в душе каждого — в отрадном сознании того, что совершаемое дело есть истинно доброе, христианское дело, эта лепта, приносимая в общество, будет употреблена на удовлетворение не мнимой и кажущейся нищеты, но действительной нужды и несчастья. За нее нет награды на земле, но есть награда в молитвах церкви и лиц благодетельствованных, которые восходя к престолу Всевышнего, низведут благословение Божие на наши земные труды и занятия и смягчат гнев Божий в день праведного воздаяния. „Блажен разуме-

ваяй на нища и убога, в день лют избавит его Господь“ (Пс. 40)»¹⁰.

Устав предусматривал три разряда членов: 1) благотворители — те, кто вносит в фонд общества ежегодные денежные пожертвования; 2) сотрудники — те, кто вносит в дела общества свой трудовой вклад и личное участие в его делах. К этому разряду относились врачи, бесплатно оказывавшие помощь нуждающимся больным, учителя, безвозмездно преподававшие в училище общества, содержатели ремесленных мастерских, безвозмездно принимавшие на обучение призреваемых обществом детей, и другие люди, своим трудом помогающие деятельности общества; 3) попечители — те, кто наблюдая за жизнью прихожан, определяют, кто из них действительно нуждается в помощи. Первыми попечителями назначались священники и староста Владимирской церкви, позднее в их число вошли и миряне. С 1886 года территория прихода была разделена на четыре участка, каждым из которых заведовал один из протоиереев Владимирской церкви. Попечители составляли совет, который собирался раз в месяц и распоряжался практически всеми делами общества.

В члены общества принимались лица обоего пола, всех сословий и состояний. Первоначально принимались даже дети от семи лет, чтобы приучать их к благой деятельности, но при изменении устава в 1889 году это не было подтверждено и по новому уставу принимались уже только совершеннолетние.

Все члены общества ежегодно поминались в храмовый праздник Владимирской иконы Божией Матери на литургии и молебне, а после устройства приюта и на обязательной общей молитве в приюте.

Бедные были разделены на три категории:

1. «Истинно нищие» — это престарелые, больные, увечные люди, которые не в состоянии заработать себе на кусок хлеба и вынуждены просить милостыню. Этим людям общество оказывало материальную поддержку в виде ежемесячного пособия.

2. Беспомощные вдовы, сироты, бедняки с большими семействами, то есть те, кто в состоянии трудиться, но по какой-либо причине не может найти работу по своим силам и возможностям. Им общество предполагало оказывать помощь в отыскании посильной работы и давало единовременные пособия. Впоследствии предполагалось устроить при обществе Дом трудолюбия, но это так и не было осуществлено.

3. «Промышленники-нищие», то есть те, для кого нищенство — своего рода профессия, кто может работать, но предпочитает просить, вводя тем самым в соблазн подающих. Общество поставило своей целью искоренить эту категорию.

Больным оказывали бесплатную помощь врачи — сотрудники общества, лекарства выдавались по специальным билетикам в близлежащей аптеке, с которой общество расплачивалось в конце года со значительной скидкой. С 1882 года нуждающимся зимой раздавались дрова, жертвуемые в распоряжение общества городской думой.

Устав предусматривал меры против тех, кто мог бы злоупотребить поддержкой общества. Так, если человек без уважительной причины отказывался от предлагаемой ему посильной работы, он лишался права на покровительство общества. Если нищий, получающий ежемесячное пособие, вел себя предосудительно, он также лишался пособия. Таким образом, общество принуждало призреваемых к благонравному поведению. В ре-

зультате принятых обществом мер нищих на паперти церкви стало значительно меньше, причем остались преимущественно бродяги или проходящие к богатой церкви жители других приходов.

В 1868 году, в память 100-летия освящения нижней церкви, обществом был открыт приют для пожилых женщин. Для приюта были отведены помещения в старом причтовом доме. В первые годы его существования в приюте призревало в среднем до 15 человек. В 1880-е годы общество выстроило свой дом на Ямской улице (ул. Достоевского, дом № 1), в который был переведен приют, и с этого времени число призреваемых возросло до 30–40 человек. Они получали кров, кровать с постельными принадлежностями, три перемены постельного белья и три перемены «комнатного платья», бесплатный обед и ужин.

С конца 1860-х годов общество стало предоставлять бесплатные квартиры и единовременное пособие для бедных вдов с детьми, а с 1880 года они получали и бесплатное питание. В среднем так обеспечивалось около 12 человек, включая детей.

По благословению митрополита Петербургского Исидора (Никольского) 24 января 1873 года при обществе был открыт дневной приют для детей на 30 человек. Дети находились в нем с 10 утра до 16 часов вечера. В приюте они обучались Закону Божию, грамоте, арифметике, истории и географии, а с 1886 года было введено преподавание церковного пения. С самого основания приюта наблюдение за обучением детей взял на себя отец Николай Вирославский, он же преподавал Закон Божий. С 1886 года в приюте были введены публичные экзамены, а лучшие ученики проходили экзаменационные испытания в город-

ской думе и получали соответствующие документы¹¹.

Благотворительное общество оказывало большую помощь бедным жителям своего прихода. Его заботами многие были спасены от нищенского полуголодного существования, многие дети получили образование и ремесло, пожилые люди — кров и еду. Сама деятельность общества имела большое воспитательное значение для прихожан, пробуждала в людях милосердие и сострадание.

Храмовые праздники и крестные ходы

Основным престольным праздником в храме является день Сретения Владимирской иконы Божией Матери, празднуемый 26 августа по старому стилю, или 8 сентября по новому. Этот праздник связан с событиями 1395 года, когда хан Тамерлан наступал на Москву. Уже пали Елец и Рязань. Москвичи еще не оправились от страшных разрушений и бедствий, принесенных нашествием Тохтамыша в 1382 году. По повелению великого князя Василия Дмитриевича, сына святого Димитрия Донского, и с благословения митрополита Московского Киприана для поддержания духа горожан из Владимира в Москву была перенесена чудотворная Владимирская икона Божией Матери. Москвичи встретили ее на подступах к городу, на Кучковом поле, где впоследствии был основан Сретенский монастырь. Тамерлан, простояв под Москвой две недели, именно в этот день внезапно развернулся и ушел в степи, оставив пределы Руси. Этот день, как день нового прославления иконы, был утвержден как общецерковный праздник.

Для храма Владимирской иконы Божией Матери этот праздник является также и днем

Владимирская икона Божией Матери
в окладе из резной кости мамонта.

Резчик О. Б. Милицин

Фото А. П. Маклова. Середина 1990-х гг.

освящения главного престола еще деревянной церкви. Он всегда отмечается с особой торжественностью.

Северный придел верхнего храма освящен, как указывалось выше, в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость», прославившейся в 1688 году в Москве исцелением сестры патриарха Иоакима Евфимии. Престольный праздник отмечается 6 ноября (24 октября по старому стилю).

Южный придел верхнего храма освящен во имя святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, прославившихся во II веке в Италии. Во времена гонений императора Адриана девочки были замучены и убиты на глазах матери, но не отступили от Христовой веры. Престольный праздник южного придела отмечается 30 сентября (17 сентября по старому стилю).

В нижней церкви престольный праздник — день преподобного Иоанна Дамаскина, празднуется 17 декабря (4 декабря по старому стилю). Святой Иоанн — один из выдающихся деятелей греческой церкви VIII века, ученый-богослов, защитник иконопочитания. Его главные произведения «Источник знания» и «Точное изложение православной веры» остаются непревзойденным курсом догматического богословия.

В нижнем южном приделе священномученика Харлампия престольный праздник отмечается 23 февраля (10 февраля по старому стилю). Епископ греческого города Магнезии, святой Харлампий за проповедь веры Христовой и отказ от поклонения идолам был жестоко замучен язычниками в первые годы III века.

Северный придел — придел святого Илии, одного из величайших пророков Ветхого Завета, жившего за 900 лет до Рождества Христова, при израильском царе Ахаве. Он был пламенным рев-

Крестный ход вокруг собора
Середина 1990-х гг.

нителем истинной веры и благочестия, за что был взят на небо живым в огненной колеснице. Праздник святого пророка Илии — 2 августа (20 июля по старому стилю). В Ильин день во Владимирскую церковь ежегодно совершался крест-

ный ход. Из кафедрального Казанского собора выносилась одна из главных святынь столицы — чудотворная Казанская икона Божией Матери. В сопровождении высшего столичного духовенства и множества народа святыня по Невскому проспекту переносилась к Владимирской церкви, где она находилась в продолжение всей литургии. Перед иконой служился молебен, затем она тем же порядком возвращалась в Казанский собор. Крестный ход первоначально был установлен в память избавления города и окрестностей от сильной засухи в 1730 году и был совершен из столицы в церковь святого Ильи на Пороховых заводах. В 1774 году Екатерина II учредила ежегодное совершение такого крестного хода, но вскоре, из-за отдаленности Ильинской церкви, он стал совершаться до Владимирской, поскольку в ней был придел святого пророка Ильи. В этом крестном ходе принимала участие сама императрица Екатерина II¹². В настоящее время Ильинская Пятница в церкви также празднуется с особой торжественностью.

Глава 6

Деятели русской культуры в приходе храма

К концу XVIII — началу XIX веков состав населения Придворной слободы значительно изменился. Участки и дома продавались и перепродавались, их владельцами оказывались уже не только придворные и дворцовые служители. Постепенно население слободы составили преимущественно мещане и купечество. Большинство квартир сдавалось внаем. Здесь можно было снять и недорогие комнаты для мелкопоместного дво-

рянина, и богатую квартиру для государственного чиновника. Позднее, примерно с середины XIX века, Придворная слобода становится популярной в кругах интеллигенции. Здесь нередко селятся не имеющие большого достатка начинающие литераторы, критики, публицисты.

Эти люди, как правило, не отличались особенной набожностью, не принимали активного участия в приходской жизни, но все они с детства были воспитаны в духе православия и посещение церкви было для них обычным, не требующим особого упоминания, делом. Русская литература, русское искусство, сама русская жизнь немыслимы без православной традиции. Они всегда были пронизаны церковностью и религиозным содержанием. Сам факт проживания вблизи церкви, ежедневный звук церковных колоколов, зовущих к утрени или вечерне, толпы богомольцев, заполняющих площадь во время больших праздников, — все это органически входило в жизнь и отражалось в творчестве.

В 1823 году в приходе Владимирской церкви на Грязной улице в доме Комаровой (не сохранился, ныне участок домов № 16–18) жил барон Модест Андреевич Корф, воспитанник первого выпуска Царскосельского лицея. Он учился вместе с А. С. Пушкиным, но дружны они не были. Корф после лицея поступил на государственную службу сначала в Министерство юстиции, а с 1823 года в Министерство финансов, где был начальником отделения в департаменте податей и сборов. Позднее, с 1849 года, он стал директором Императорской Публичной библиотеки. Он и раньше занимался переводами, а в библиотеке продолжил изучение иностранных источников, и под его руководством был напечатан первый каталог собрания Россики — иностранных изданий о России.

Модест Корф воспитывался в патриархальной семье, отец его был сенатором, из курляндских помещиков, а мать русская дворянка. Семья и сам Модест Андреевич отличались благочестием¹.

С приходом Владимирской церкви связана история семьи Пушкиных. Здесь, в Свечном переулке, в доме Касторского (дом № 5, перестроен) жили родители А. С. Пушкина — Сергей Львович и Надежда Осиповна. По возвращении из Михайловского в 1826 году у них останавливался Александр Сергеевич.

Часто бывал Пушкин в гостях у своей сестры, Ольги Сергеевны Павлицевой, жившей на Грязной улице в доме М. Мордатовой (ныне улица Марата, дом № 25). Здесь же, у Павлицевых прожила последние месяцы своей жизни няня поэта Арина Родионовна. Раньше считалось, что сразу после замужества Павлицевы поселились в приходе Троицкого Измайловского собора в Казачьем переулке. Только недавние исследования установили действительный адрес.

Ольга Сергеевна вышла замуж за Николая Ивановича Павлицева в январе 1828 года. Венчание было совершено в Троицком соборе Лейбгвардии Измайловского полка. Пушкины не одобрили этот брак, и Надежда Осиповна даже отказалась сама благословить дочь. Вместо нее встречала новобрачных Анна Петровна Керн. Она вспоминает: «Мать Пушкиных, Надежда Осиповна, вручая мне икону и хлеб, сказала: „Замените меня, пожалуйста. Вот я вам вручаю и образ, чтобы благословить мою дочь“. Я с любовью приняла это трогательное поручение и, расспросив о порядке обряда, отправилась вместе с Александром Сергеевичем в старой фамильной карете его родителей на квартиру Дельвига, которая была приготовлена для новобрачных»².

Арина Родионовна, няня А. С. Пушкина
Неизвестный художник

Первое время Павлицевы жили в квартире А. А. Дельвига, а потом переехали на Грязную улицу. Сюда в начале марта 1828 года из Михайловского, еще по зимнему пути, к своей любимице Ольге приехала Арина Родионовна. Но, вероятно, тяжелая дорога подорвала здоровье пожилой женщины. Ольга Сергеевна вспоминает: «Умерла она у нас в доме в 1828 году, 70 с лишним лет от роду, после кратковременной болезни». По мнению Н. И. Грановской, А. С. Пушкин приходил проститься с няней, видел ее в гробу и известный портрет, сделанный поэтом, относится именно к этому времени³.

Возможно, он был на отпевании Арины Родионовны 31 июля 1828 года во Владимирской церкви. В метрической книге есть запись о скончавшейся «старостию, в возрасте 76 лет, 5 класса

чиновника Сергея Пушкина крепостной женщи-
не Ирине Родионовне». Отпевание совершил свя-
щенник Алексей Нарбеков. Погребена Арина Ро-
дионовна была на Смоленском кладбище в тот
же день. Хоронил ее Н. С. Павлищев⁴. Бедные
могилы в те времена сохранялись недолго, и уже
в ближайшие после смерти годы могила няни
Пушкина была потеряна. В 1991 году на доме, где
жили Павлищевы, установлена мемориальная
доска в память Арины Родионовны

В приходе Владимирской церкви жил близкий
товарищ А. С. Пушкина и его соученик по Цар-
скосельскому лицее Антон Антонович Дельви-
г. Он родился в 1798 году в семье лифляндского
дворянина, но мать его была русской и весь
уклад семьи был русский, православный. В Пе-
тербурге А. Дельви-г был известен не только как
поэт, но и как знаток и исполнитель русских
народных песен.

Двоюродный брат поэта Е. А. Баратынского,
дружный с Дельвигом, так его описывает: «Это
был молодой человек [...] довольно полный, в ко-
ричневом сюртуке. Большие, осененные густыми
темными бровями глаза блестели сквозь очки
в черной оправе. Довольно полное, но бледное
лицо его было задумчиво, и вообще вся наруж-
ность выражала несвойственное летам равнодушие
[...]. Я не понимал, как могли согласовываться
глубокое чувство, веселое добродушие и непод-
дельная русская оригинальность, которые так при-
влекали меня в его стихотворениях, с его холод-
ною наружностью и германским именем. Потом,
когда я узнал его ближе, какое неистощимое
сокровище благородных стремлений, добродушия,
человеколюбия до самопожертвования и посто-
янной веселости нашел я в этом прекрасном
человеке»⁵.

А. А. Дельвиг
Литография В. П. Лангера. 1830

Дельвиг был женат на Софье Михайловне Салтыковой, дочери образованнейшего человека своего времени, Михаила Александровича Салтыкова. Пушкин писал в связи с предстоящей свадьбой: «Целую руку твоей невесте и заочно люблю ее, как дочь Салтыкова и жену Дельвига». Свадьба состоялась 30 октября 1825 года. Около года молодые жили на Миллионной улице, а затем переехали в дом Кувшинникова близ Владимирской церкви (ныне участок дома № 9 на Загородном проспекте)⁶.

Квартира Дельвигов стала одним из литературных центров Петербурга. Дважды в неделю — по вечерам в среду и в воскресенье здесь собирались литераторы и музыканты, сотрудники альманаха «Северные цветы» и лицейские друзья. Здесь часто бывали П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, Н. И. Гнедич, И. А. Крылов, позднее,

с 1830 года, у Дельвигов стал часто бывать Н. В. Гоголь.

Постоянным и любимым гостем был А. С. Пушкин. А. П. Керн вспоминает, как по возвращении Дельвига из Харькова происходила их встреча: Пушкин, «узнавши о приезде Дельвига, тотчас приехал, быстро пробежал через двор и бросился в его объятия, они целовали друг у друга руки и, казалось, не могли наглядеться один на другого. Они всегда так встречались и прощались: была обаятельная прелесть в их встречах и расставаниях»⁷.

По приезде в Петербург в 1826 году Анна Петровна Керн жила сначала в квартире родителей Пушкина в Свечном переулке, а когда Дельвиг с женой уехал на некоторое время в Харьков, Анна Петровна с отцом и сестрами переехала на их квартиру. После отъезда родных она поселилась в небольшой квартире в том же доме, где жила в 1826–1827 годах.

С ноября 1829 года Дельвиг переехал в дом купца Тычинкина (ныне дом № 1 по Загородному проспекту). Из его окон открывался вид на Владимирскую церковь. Здесь, в этой же квартире, помещалась и редакция «Литературной газеты», издававшейся им совместно с Вяземским. Эта квартира стала последним пристанищем Дельвига. Он скончался 14 октября 1831 года.

Отпевал Дельвига 17 января во Владимирской церкви отец Алексей Нарбеков, тот же священник, который два с половиной года назад отпевал Арину Родионовну. В метрической книге Владимирской церкви, в графе «кто именно помер» записано: «января 17 числа надворный советник Антон Антонов Дельвиг, Барон, по свидетельству штаб-лекаря коллежского советника Федора Отсолич». В тот же день Дельвиг был

погребен на расположенном неподалеку Волковом кладбище⁸. Пушкин писал: «Никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изо всех связей детства он один оставался на виду, около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы осиротели». В середине 1930-х годов, при реконструкции городских кладбищ, прах А. Дельвига был перенесен на Тихвинское кладбище Александро-Невской лавры.

В приходе Владимирской церкви в эти же годы жил знакомый Пушкина, писатель и общественный деятель Дмитрий Максимович Княжевич и родственник поэта Семен Исаакович Ганнибал. Несколько позже, в 1840-е годы, в доме Фредерикса на углу Владимирского проспекта (дом № 13) и Графского переулка жил профессор русской словесности Александр Васильевич Никитенко. На Грязной улице в доме Тухолки (ныне улица Марата, дом № 23, перестроен) жил выдающийся зодчий Василий Петрович Стасов.

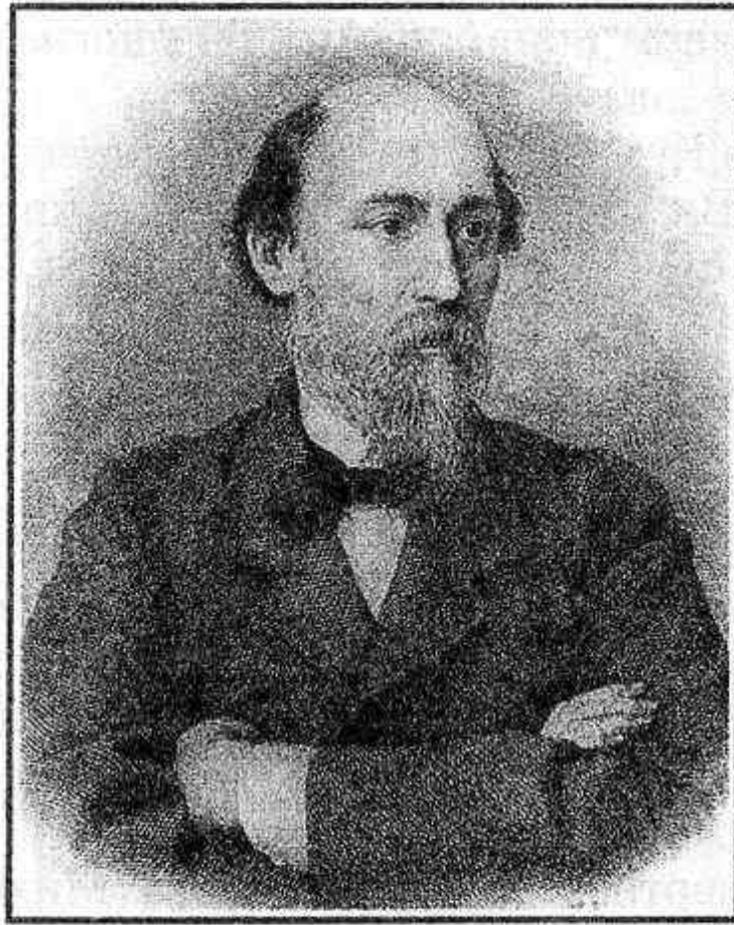
В середине XIX века, с осени 1839 года в приходе Владимирской церкви по разным адресам долгое время жил Николай Алексеевич Некрасов. Родом из Ярославской губернии, он с детства привык к патриархальной жизни, звону колоколов, воскресной службе. В 1850–1854 годах он жил в доме Трубникова, на углу Колокольной улицы и Поварского переулка, и каждый день проходил мимо Владимирского храма. Возможно, встречи у церкви, вид сборщиков, стоящих у входа с кружкой и собирающих деньги на строительство или украшение храма, навеяли стихотворение «Влас», рассказывающее о судьбе одного из таких людей, бывшего жестокого «кащей-мужика», после тяжелой болезни раскаявшегося в своих злодеяниях и давшего обет собрать средства на строительство храма Божиего:

В армяке с открытым воротом,
С обнаженной головой,
Медленно проходит городом
Дядя Влас — старик седой.
На груди икона медная;
Просит он на Божий храм,
Весь в веригах, обувь бедная,
На щеке глубокий шрам;
Да с железным наконечником
Палка длинная в руке.
Говорят, великим грешником
Был он прежде...

В том же, 1854 году, Некрасов написал небольшое стихотворение-зарисовку «Свадьба», в котором в несколько мрачноватых тонах описал церковь, в которой проходило венчание⁹. Это описание в общих чертах очень соответствует Владимирской церкви:

В сумерки в церковь вхожу. Малолюдно,
Светят лампы печально и скудно,
Темны просторного храма углы;
Длинные окна, то полные мглы,
То озаренные беглым мерцаньем,
Тихо колеблются с робким бряцаньем.
В куполе темень такая висит,
Что поглядеть туда — дрожь пробежит!
С каменных плит и со стен полутемных
Сыростью веет: на петлях огромных
Словно заплакана тяжкая дверь...
Нет богомольцев, не служба теперь —
Свадьба. Венчаются люди простые...

С Владимирской церковью связано многое в жизни православного писателя Федора Михайловича Достоевского. Недалеко от нее, на углу Владимирского проспекта (дом № 11) и Графского переулка, он жил в 1842–1846 годах. Здесь был написан его первый роман «Бедные люди», здесь начиналась его творческая биография. Квар-

Н. А. Некрасов
*Гравюра И. П. Пожалостина
с портрета И. Н. Крамского. 1878*

тира была угловая, и окна выходили как раз на колокольню Владимирской церкви.

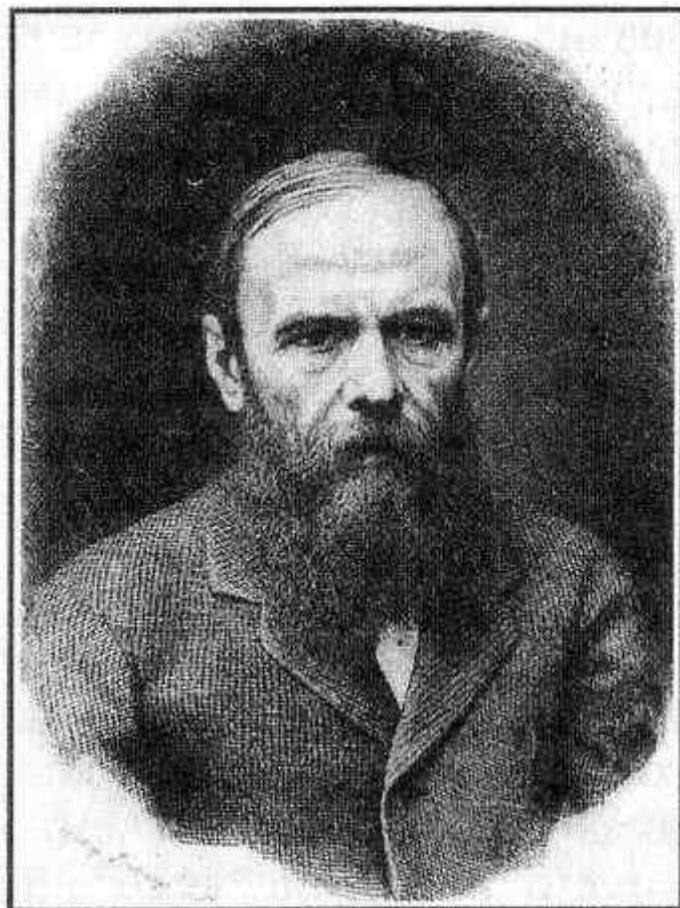
В приходе Владимирской церкви, в доме на Кузнечном переулке, великий писатель провел и последние годы своей жизни, с октября 1878 по 28 января 1881 года. Здесь он работал над одним из лучших своих произведений, романом «Братья Карамазовы», где с особой яркостью проявились основные принципы религиозного и философского мировосприятия писателя. Глава романа о Великом Инквизиторе признана вершиной его философского творчества. К ней обращались многие известные русские философы, такие как В. С. Соловьев, В. В. Розанов, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и др. Эта тема всегда остается актуальной и заставляет задумываться

о религиозном понимании мира многие и многие поколения людей.

Живя в Кузнечном переулке, Достоевский часто бывал во Владимирской церкви, был хорошо знаком с ее причтом. В перечне адресов знакомых Федора Михайловича, составленном сразу после его смерти вдовой писателя Анной Григорьевной Достоевской, упомянуты священники П. О. Никитский, И. К. Гратинский и Н. М. Вирославский. Отец Николай Вирославский был духовником Достоевского и присутствовал при последних минутах его жизни. Впервые имя отца Николая Вирославского как духовника Ф. М. Достоевского названо сотрудником музея-квартиры писателя Б. Н. Тихомировым в 1994 году¹⁰.

Предсмертная болезнь Федора Михайловича началась 26 января 1881 года. В тот же день по просьбе умирающего был приглашен священник из Владимирской церкви, который долго исповедовал его и причастил Святых Тайн. Болезнь продолжалась недолго. Рано утром 28 января Достоевскому стало хуже. М. Маркович пишет: «Священник и доктор пришли одновременно. [Жена] ринулась с детьми к умирающему, пала с ними на колена [...]. Все замерло мертвым молчанием. Его дыхания уже вовсе не слышалось. Вошел священник, шепотом начал отходную»¹¹. Несколько дней спустя Н. Лейкин писал, что отец Николай ему рассказывал, «что Достоевский испустил последний вздох именно в тот момент, когда были произнесены последние слова отходной»¹².

Отец Николай Вирославский служил панихиды на квартире Федора Михайловича. Проститься с писателем приходило очень много людей. «Все комнаты маленькой квартирки Достоевского были переполнены публикой. Люди толпились на лест-

Ф. М. Достоевский
Офорт В. А. Боброва. 1883

нице, стояли на улице, во дворе дома, старались проникнуть в квартиру через черный ход, но и тот был заполнен народом. Собрались люди всех званий, всех профессий, всех состояний, всех возрастов. [...] За панихидой пел хор певчих. Панихиду служил священник Владимирской церкви отец Николай»¹³.

Первоначально предполагалось вынести тело во Владимирскую церковь, а уже оттуда перевезти в Александро-Невскую лавру для отпевания и погребения. Однако накануне поздно вечером планы резко переменялись. Петербургский митрополит Исидор (Никольский) предложил поставить тело сразу в лавре, в церкви Святого Духа, что и было сделано. Из лавры безвозмездно был прислан парадный пунцовый балдахин для погребальной колесницы. При отпевании пел хор

лаврских певчих. Федор Михайлович Достоевский был погребен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.

В приходе Владимирской церкви в доме на Поварском переулке (дом № 5) в 1887–1888 годах жил известный писатель Всеволод Михайлович Гаршин. Это был самый трагичный период его жизни. В последние годы тяжкий психический недуг, которым он страдал, проявлялся все чаще. Депрессии длились все дольше.

За восемь лет до гибели, в 1880 году, в рассказе «Ночь» с поразительной точностью и глубиной Гаршин описал ужасное состояние человека, собиравшегося в результате депрессии покончить с собой. Однако, и мысли о никчемности существования, и его презрение к себе и людям, — все отступило при звуке церковного колокола: «На улице было тихо: никто не ехал и не шел мимо. И из этой тишины издали раздавался другой удар колокола; волны звука ворвались в открытое окно и дошли до Алексея Петровича. Они говорили чужим ему языком, но говорили что-то большое, важное и торжественное. Удар раздавался за ударом, и когда колокол прозвучал в последний раз и звук, дрожа, разошелся в пространстве, Алексей Петрович точно потерял что-то. Колокол сделал свое дело: он напомнил запутавшемуся человеку, что есть еще что-то, кроме своего собственного узкого мирка, который его измучил и довел до самоубийства»¹⁴. Сердце героя не выдержало потрясения от открывшейся ему радостной истины, и он умирает, но со счастливой улыбкой на устах.

Возможно, в этом рассказе отражено желание самого Гаршина, измученного безысходностью болезни, уйти из жизни, но уйти примиренным.

В. М. Гаршин

Гравюра В. В. Матэ. 1880-е гг.

Всеволода Гаршина нельзя назвать очень набожным человеком. В. П. Соколов, лично знавший писателя, пишет: «Не помню, чтобы приходилось слышать от Всеволода Михайловича упоминания о религии, о церкви, и чтобы он вел знакомство с духовными лицами,— и в этом отношении он был, к своему несчастью, сыном своего печального поколения, своего печального времени»¹⁵. В то же время мысль о Боге и Церкви, как единственном спасении в этом жестоком мире, нередко встречается в творчестве Гаршина. По воспоминаниям Л. Ф. Пантелеева, «его основная мысль была такова: действительное знание, органически связывающееся с таким перевоспитанием душевных инстинктов человека, что в силу этого само собой должно установиться взаимное понимание и признание за каждым права

жить по его усмотрению, не препятствуя и другим проявлять свою личность во всей полноте ее содержания»¹⁶. Иными словами — это христианская идея сострадания и духовного возрастания в любви к ближнему.

Зима 1887–1888 годов оказалась для Гаршина особенно тяжелой. Из-за болезни он вынужден был оставить работу. Только к весне наметилось улучшение. Но 19 марта случилась трагедия — под влиянием депрессивного состояния он бросился с третьего этажа в пролет лестницы. Смерть наступила не сразу. Он пришел в себя, горько переживал свой поступок, просил прощения у близких. Как и в рассказе «Ночь», примирение наступило и смерть принесла облегчение страданию. Скончался Всеволод Михайлович 24 марта в больнице Красного Креста на Бронницкой улице. Отпевали его в церкви на Волковом кладбище, на котором он и был погребен. Сохранился карандашный рисунок, сделанный И. Репиным в этот печальный день.

В сентябре 1883 года в доме Викторовой, на углу Владимирского проспекта и Колокольной улицы (дом № 18/2), в угловой квартире четвертого этажа поселился композитор Николай Андреевич Римский-Корсаков. Окна квартиры выходили прямо на колокольню, и старший сын композитора, Михаил Николаевич, вспоминал: «Первое время нас смущал колокольный перезвон, который был очень слышен в особенности в некоторых комнатах, находящихся прямо против колокольни Владимирской церкви, но в скором времени все к колокольному звону привыкли»¹⁷.

На Владимирском проспекте композитор жил с 1883 до конца 1889 года. Этот период связан у него со службой в капелле и увлечением духовной музыкой. В конце февраля 1883 года Рим-

ский-Корсаков был назначен помощником управляющего Придворной Певческой Капеллой. Возглавлял капеллу тогда его учитель, М. А. Балакирев. С первых же дней службы Николай Андреевич занялся организацией и разработкой программы для подготовки регентов. 17 марта 1884 года Положение о регентском классе было Высочайше утверждено.

В этот период Римским-Корсаковым написаны его основные духовные произведения. В 1883 году Капеллой было издано «Собрание духовных музыкальных сочинений» Римского-Корсакова (СПб., 1884), включающее 8 сочинений из литургии святого Иоанна Златоуста. Много времени он посвятил изучению древних музыкальных сочинений и к 1886 году подготовил изданный Капеллой «Сборник духовных музыкальных переложений» (СПб., 1886), включавший «Херувимскую песнь», «Да молчит всякая плоть», «Причастный стих», «Се Жених грядет», «Чертог Твой», «На реках Вавилонских». Тогда же была написана «Тебе Бога хвалим» греческого распева. Музыкальный критик Н. И. Компанейский писал, что эти сочинения «имеют громадное значение, так как положили основу современному направлению церковной музыки»¹⁸.

Летом 1888 года была создана пасхальная увертюра «Светлый праздник»¹⁹. «В увертюре соединились воспоминания о древнем пророчестве, о евангельском повествовании и общая картина пасхальной службы с ее „языческим весельем“», — писал сам Римский-Корсаков²⁰. Позднее он вспоминал один эпизод, рассказанный ему его учеником: «Н. А. Соколов — прекрасный, талантливый рассказчик, однажды впоследствии описывал мне сцену: „На Светлой неделе на Владимирской площади полупьяненький мужичонка остановился

перед колокольной, на которой трезвонили всю; сначала крестился, потом задумался, а потом вдруг пустился в пляс под звуки и ритм трезвона [...]»²¹.

Осенью 1889 года семья Римского-Корсакова переехала в квартиру в доме Капеллы на Большой Конюшенной, а в 1893 году вновь вернулась во Владимирский приход, но уже поселилась во флигеле дома Лавровой на Загородном проспекте (дом № 28). В январе 1894 года Николай Андреевич оставил службу в капелле и больше специально не возвращался к занятиям духовной музыкой. В 1906 году в письме Компанейскому он называет себя «уже много лет вполне отставным духовным сочинителем», находящимся «совершенно вне современных течений в русской музыке и даже почти не следя за ними»²². В этот период он увлечен народной музыкой, в его творчестве преобладают народные поэтические образы, предания, древнеславянские обряды, поэзия родной страны. Здесь им были написаны «Ночь перед Рождеством», «Садко», «Царская невеста», «Сказка о царе Салтане», «Золотой петушок». И все же увлечение древними церковными напевами получило продолжение. Вся музыка написанной в последние годы жизни оперы «Сказание о невидимом граде Китеже» сродни старинным церковным знаменным мелодиям. Скончался Римский-Корсаков в 1908 году и погребен на кладбище Новодевичьего монастыря на Московском проспекте. В 1936 году прах перенесен в Александро-Невскую лавру.

Близ Владимирской церкви прошли детские годы поэта Александра Блока. В 1885–1889 годах сначала на Ивановской улице (ныне Социалистическая), близ Загородного проспекта, потом на Большой Московской, напротив Свечного пе-

реулка, в квартире отца жила Александра Андреевна Блок с маленьким Сашей. В это время она окончательно рассталась с мужем. Саше в 1885 году исполнилось пять лет. Дед поэта, Андрей Николаевич Бекетов, оставил должность ректора университета и, продолжая читать в университете лекции, стал секретарем Вольно-экономического общества и редактором биологического отдела словаря Эфрона. В «Автобиографии» Александр Блок, вспоминая детские годы, писал: «Смутно помню я большие петербургские квартиры с массой людей, с няней, игрушками и елками»²³.

По воспоминаниям тети поэта, М. А. Бекетовой, ее сестра Александра Андреевна «была очень религиозна и еще с детства мечтала о детях, материнстве»²⁴. Живя рядом с Владимирской церковью, она несомненно часто бывала там сама и водила в храм своего маленького сына.

В приходе этого храма еще прапрадед поэта Александр Иванович Блок имел собственный дом, купленный в 1833 году у бывшей хозяйки, грузинской дворянки Магдалины Мордатовой. Это уже упоминавшийся дом на Грязной (Марата) улице, тот самый, в котором жили Павлицевы и скончалась няня А. С. Пушкина Арина Родионовна. Действительный статский советник А. И. Блок занимал в царствование Николая I различные придворные должности, заслужил несколько имений в Петербургской губернии. Впоследствии его значительное состояние было разделено между восемью детьми. Ко времени рождения будущего поэта, А. А. Блока, дом на Грязной был уже давно продан.

В конце XIX — начале XX века в округе Владимирской церкви работал известный епархиальный архитектор Николай Никитич Никонов.

В 1889–1891 годах он построил новую церковь на подворье Александро-Свирского монастыря, освященную во имя святого князя Александра Невского, в 1890–1895 годах — Троицкую церковь и зал для духовных бесед для Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви. В 1894 году он выстроил для себя доходный дом на Ямской улице (улице Достоевского), а в 1899–1900 годы — дом на Колокольной улице (дом № 11), в котором поселился.

В 1902–1907 годах недалеко от Владимирской церкви, на Разъезжей улице жил Александр Иванович Куприн. Сюда он переехал из гостиницы «Пале-Рояль» на Пушкинской улице после женитьбы на Марии Карловне Давыдовой. С будущей женой Куприн познакомился в издательстве журнала «Мир Божий», куда его, молодого литератора, привел И. А. Бунин. Издательница журнала, А. А. Давыдова, вдова директора Петербургской консерватории и видного виолончелиста К. Ю. Давыдова, была хозяйкой известного в столице литературного салона. Здесь Куприн и встретил приемную дочь издательницы, Марию. Свадьба состоялась очень скоро. 3 февраля 1902 года молодые обвенчались в церкви Михайловского артиллерийского училища. Венчание совершал близкий знакомый семьи священник Г. С. Петров, настоятель училищной церкви, преподававший в училище богословие, известный проповедник, очень популярный в те годы среди интеллигенции. Впоследствии он часто бывал у Куприных и в издательстве, и дома, он же крестил в 1903 году дочь Куприных Лидию.

Через три недели после свадьбы Куприных, 24 февраля, внезапно скончалась А. А. Давыдова, оставив М. К. Куприной с сонаследниками изда-

А. И. Куприн

Фото 1913 г.

тельство «Мир Божий». В апреле молодые поселились на новой квартире: «У пяти углов на Разъезжей мы нашли большую удобную квартиру. Внизу, в первом этаже помещалась аптека, во втором редакция, а третий занимал владелец аптеки».

Окна редакции выходили на Разъезжую улицу. В просторных комнатах всегда собиралось много народу. «Мир Божий» издавался ежемесячно как литературный и научно-популярный журнал для самообразования. В начале 1906 года он был реорганизован и стал называться «Современный мир». У Куприных часто бывали печатавшиеся в «Мире Божием» писатель И. А. Бунин, драматург А. М. Федоров, поэт и беллетрист В. Н. Лодыженский, рассказчик и ученый В. Г. Тан-Богорад, бывал беллетрист В. И. Немирович-Дан-

ченко, старший брат известного режиссера. Некоторое время сам А. И. Куприн входил в состав редакции журнала. Семейная жизнь Куприных складывалась неудачно, и уже в начале 1907 года квартира на Разъезжей перестала быть его домом²⁵.

Вновь оказался Куприн близ Владимирской церкви только в середине декабря 1938 года, когда, по возвращении из эмиграции, он некоторое время жил у своего старого знакомого А. И. Катуня на ул. Марата (дом № 10). Но к этому времени церковь уже давно была закрыта.

Память о выдающихся людях — прихожанах храма сохраняется. Уже через год после освящения возрожденного храма, 11 ноября 1991 года в день 170-летнего юбилея Федора Михайловича Достоевского при большом стечении народа настоятелем храма протоиерем Владимиром Фоменко была отслужена панихида по великому писателю. Теперь такие панихиды служатся ежегодно. При участии духовенства и старосты Владимирской церкви на площади близ храма был установлен памятник Достоевскому работы скульпторов Л. Хлопиной, Петра и Павла Игнатьевых. 30 мая 1997 года настоятель церкви отец Владимир торжественно освятил его. В церемонии открытия памятника приняли участие губернатор Санкт-Петербурга В. А. Яковлев и внук писателя Дмитрий Достоевский²⁶.

В наши дни жизнь Владимирской церкви вновь связана с именами выдающихся деятелей русской культуры. Многим памятливы телевизионные передачи конца 1980-х годов, в которых известный этнограф, основатель теории этногенеза, Лев Николаевич Гумилев выступал, ратуя за возрождение Владимирской церкви. Он жил близ храма, в доме на Большой Московской, а позднее на Ко-

ломенской. Немало сделал для храма выдающийся ученый и общественный деятель, потомственный почетный гражданин Санкт-Петербурга академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. Бывают в храме художники, литераторы, актеры, общественные и политические деятели, имена которых тоже станут достоянием истории.

Глава 7

Послереволюционные годы

Ленинский декрет в действии

Октябрьская революция 1917 года и первые декреты советской власти непосредственно затронули каждый православный приход, в том числе общину церкви Владимирской иконы Божией Матери. 23 января 1918 года в газетах был опубликован декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», первоначально называвшийся «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». В нем содержался целый ряд невиданных прежде в мировой истории запретов и ограничений: запрещение религиозным обществам владеть собственностью, лишение их прав юридического лица, национализация всего церковного имущества и т. п.¹

Еще более ужесточила требования властей инструкция Наркомата юстиции от 24 августа того же года «О порядке проведения в жизнь декрета „Об отделении церкви от государства и школы от церкви“», установившая порядок национализации церковного имущества, которое переходило в непосредственное ведение местных советов согласно описи, а те передавали их в бесплатное пользование местным жителям, числом «не менее

20 человек», по специальному соглашению. Все небогослужебное имущество и капиталы предписывалось «немедленно отобрать», метрические книги передать в губернские отделы загсов. Крестные ходы на улицах допускались лишь с письменного разрешения местных органов советской власти, о чем извещалось не позднее чем за два дня².

В Петрограде эти законы проводились в жизнь медленнее, чем в других городах. Несмотря на пребывание Патриарха в Москве, северная столица во многом оставалась центром церковной жизни страны, и епархиальное руководство имело реальную силу, с которой были вынуждены считаться городские власти. Это ярко проявилось при утверждении устава приходской общины церкви Владимирской иконы Божией Матери, составленного 22 октября 1918 года.

В уставе, сохранившемся в архиве, в частности говорилось:

«§ 1. Владимирская приходская община имеет своею целью духовную и материальную взаимопомощь членов, входящих в состав ее по свободному личному желанию.

§ 2. В состав ее имеют право входить все лица православного исповедания.

§ 3. Территория общины — 1, 2, 3 подрайоны Московской части.

§ 4. Для осуществления цели своего существования (§ 1) община имеет свои религиозные, культурно-просветительные, благотворительные и экономические учреждения, действующие по уставам, вырабатываемым самой общиной, в порядке же общегосударственной жизни подчиняющиеся гражданским законам на общем основании. В ведении Владимирской приходской общины находятся: храм Владимирской Божией Матери, что на Вла-

Демонстрация в Петрограде

Фото 1918 г.

димирской площади, как главный храм общины; храмы Троицкого подворья на Фонтанке, Александро-Свирского подворья на Разъезжей улице, угол Боровой и часовня Коневской Божией Матери на Загородном проспекте, 7.

§ 5. Все заботы о материальном обеспечении учреждений общины лежат на членах ее...

§ 21. Совет из своей среды выделяет хозяйственные комитеты в числе 5 человек для ближайшего заведования делами и имуществом монашеских подворий, принадлежащих общине и находящихся на территории общины...

§ 24. На общинный совет возлагается: ...г) устройство просветительных кружков, лекций

и беседований, ремесленных и общеобразовательных учебных заведений; д) устройство народного общинного дома с читальней и библиотекой; е) тщательное ознакомление с нуждами беднейших членов общины, организация бюро по отысканию труда для безработных членов общины; ж) устройство домов призрения для беспомощной старости и беспризорных детей; з) устройство кооперативов, потребительных лавок, пожарной дружины, похоронной кассы, погребального бюро и вообще организация экономических учреждений для экономического развития и укрепления общины»³.

Подворья, о которых шла речь в § 4 устава, не имели приходских общин и не могли сформировать требуемых по советским законам «двадцаток», поэтому их насельники добровольно вошли в состав Владимирской общины и оставались в ее ведении вплоть до 1922 года.

Главным органом управления общины согласно уставу было общее собрание прихожан, которое избирало исполнительный орган — приходской совет. Настоятеля церкви выбирали прихожане, и лишь затем утверждала епархиальная власть. Он же являлся и председателем приходского совета. Товарища председателя, казначея и секретаря избирали из числа мирян.

В 1917 году настоятелем храма, вместо бывшего с 1904 года отца Александра Владимирского, был избран протоиерей Павел Кедринский. В 1919–1922 годах являлся также благочинным 4-го городского округа.

П. А. Кедринский родился в 1863 году в погосте Пустородицы Череповецкого уезда Новгородской губернии в семье священника, получил образование в Санкт-Петербургской Духовной академии. В 1892 году был рукоположен во священники церкви Владимирской иконы Божией Матери.

В 1918 году товарищем председателя совета был избран преподаватель А. Н. Лебедев, а казначеем — пенсионер Н. А. Сыряков. В приходской совет вошли также 60 членов, в том числе члены причта Владимирской церкви: протоиерей А. А. Владимиров, священники В. М. Лебединский, А. Ф. Тихонравов, А. А. Акципетров, М. А. Смирнов, И. Я. Бельский, диаконы К. В. Васильев, И. Е. Лебединский, И. С. Прилепо, псаломщик А. Н. Коронатов и, кроме того, по два насельника от каждого из трех входящих в приход монастырских подворий. В представленный властям список членов общины в октябре 1918 года записалось 3424 человека. К августу 1919 года число членов превышало 5 000, и это была лишь часть мирян, фактически окормляемых во Владимирской церкви, так как по оценке властей в районе общины проживало 25 000 человек православного населения.

Права общины официально были оформлены в 1919 году. Прихожане, на основании декрета Совнаркома, обратились в Совет 1-го городского района с заявлением о желании взять в бесплатное пользование все храмы на территории прихода. К заявлению приложили описи имущества Владимирской церкви и трех монастырских подворий. И 8 апреля был заключен договор о передаче этих зданий верующим.

Несмотря на то, что устав Владимирской общины содержал множество пунктов, прямо нарушающих декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», он был 4 ноября 1918 года зарегистрирован на заседании исполкома Совета 1-го городского района. Петроградские власти спохватились лишь через 10 месяцев. 6 сентября 1919 года отдел юстиции Петросовета отправил в райисполком запрос о причине утверж-

дения устава, предусматривающего экономическую, благотворительную и тому подобную деятельность. От районных властей требовали объяснить: «1) на каком основании исполкомом утвержден устав Владимирской приходской общины вопреки п. 12 декрета [...]; 2) почему своевременно не были изъяты из ведения Владимирской приходской общины [...] недвижимости, что следовало сделать в силу п. 16 инструкции к декрету [...] и п. 3 обязательного постановления Совета комиссаров Союза коммун Северной области, опубликованного в „Северной Коммуне“ № 172 от 6 декабря 1918 г.»⁴. В последовавшем ответе указывалось, что декрет к ноябрю 1918 года, «как это отделу юстиции известно, не получил еще фактического повсеместного применения в районах Петроградской коммуны, в частности же и в 1-ом городском районе особый отдел по отделению церкви от государства образован был при исполкоме только с апреля месяца 1919 г.»⁵. Такая нерешительность и непоследовательность властей позволила Владимирской общине еще два года после Октябрьской революции сохранять в своей собственности значительную недвижимость, получать от нее доход и использовать часть его на благотворительные и культурно-просветительные цели.

Тем не менее приход все же вынужден был подчиниться указам государственных органов. Для регистрации в райсоветах Петрограда приходские общины с 20 декабря 1918 года обязаны были представлять свои уставы и протоколы собраний, на которых они были приняты, списки своих членов и состава приходского совета. От приходских общин под угрозой предания революционному суду требовалось предоставление в двухнедельный срок сведений о капиталах,

инвентарных описей богослужебного имущества, немедленная передача властям собственности, не предназначенной для богослужебных целей⁶. Совет Владимирской общины прислал в Комиссариат юстиции справки о своих капиталах только после повторного напоминания — 19 февраля 1919 года, ссылаясь на то, что капитала фактически нет.

Действительно, расходы и долги значительно превышали имеющиеся суммы. Капитал церкви состоял из государственных процентных бумаг и размещался в Петроградской конторе Народного банка. Из 238 905 рублей капитала 173 209 рублей были собраны прихожанами перед началом Первой мировой войны и предназначались на устройство культурно-просветительного приходского дома (из-за начала военных действий работы по его созданию были прекращены), а остальные 65 696 рублей составляли пожертвования мирян на «вечное поминовение»⁷.

В справке от 1 апреля 1919 года указывалось, что капитал в процентных бумагах составляет 244 405 рублей, а наличными 9343 рубля. Валовой доход от недвижимого имущества (трех домов, флигеля и территории Кузнечного рынка) составил в 1918 году 91 472 рубля. При этом «в связи с непомерным ростом цен на предметы жизненного обихода и наем служащих» на 1 января 1919 года дефицит бюджета составлял 71 000 рублей, сюда входили долги за дрова, за свечи епархиальному заводу и т. п.⁸

1919 год, как и предыдущий, был для прихода очень сложным в финансовом плане. Несмотря на это церковь продолжала заниматься благотворительной деятельностью. Для «оказания помощи беднейшему населению района приходской общины независимо от вероисповедания» дейст-

вовал особый выборный приходской благотворительный комитет из 14 человек — 4 членов причта, 7 мирян и 3 представителей монастырских подворий⁹.

Вскоре приход официально лишился своего основного капитала: 3 января 1920 года отдел юстиции Петросовета сообщил в Народный банк, что капитал Владимирской церкви в сумме 238 331 рубль аннулирован и попросил о его перечислении в доход государственной казны.

Осенью 1919 года началась конфискация недвижимой собственности прихода. Поводом стала появившаяся в «Красной газете» № 191 от 29 августа анонимная заметка некоего Д. «Божий рынок»: «Угол Кузнечного и Ямской есть рынок. Торгуют овощами, ситцем, из-под полы продают лепешки и масло, обсчитывают, ругаются. Торгуют чем можно и чем нельзя, ссорятся и сквернословят, — рынок как рынок. Торговцы снимают места у арендатора, который в свою очередь снимает рынок у находящейся напротив Владимирской церкви, являющейся хозяином этого базара. На то он и батюшка, чтобы за деньгой тянуться, это понятно, но что до сих пор от батюшек не отняли базара, этого никак нельзя понять»¹⁰.

Отдел юстиции Петроградского совета потребовал от причта Владимирской церкви объяснений по поводу газетного сообщения.

Настоятель протоиерей Павел Кедринский написал обстоятельный ответ: «Около десяти лет тому назад место уг. Кузнечного пер. и Ямской ул., принадлежащее приходу Владимирской церкви, было пустопорожним и сдавалось под склад дров за ничтожную плату, окупавшую лишь очистку улиц, прилегающих к нему. В то время назревала потребность для беднейшего населения Петрограда в открытии или организации таких

мест продажи съестных продуктов и других предметов жизненного обихода, которые не требовали бы особых затрат на их обстановку и тем самым искусственно не возвышали продажную цену, которая целиком ложилась на покупателей.

От группы мелких торговцев поступило предложение сдать им названное выше пустопорожнее место на арендных условиях при их обязательстве на собственный их счет выстроить на нем первоначально легкие деревянные ларьки для торговли, а впоследствии железобетонное здание с соблюдением архитектурных, санитарных и противопожарных требований. Это предложение было предметом обсуждения в собрании представителей прихода и, будучи принятым, доведено до сведения епархиального начальства и Св. Синода на предмет получения разрешения.

Когда таковое было получено, представителями прихода и причтом с предпринимателями заключено было долгосрочное условие, по которому группа предпринимателей обязалась за арендное пользование пустопорожним местом уг. Кузнечного и Ямской уплачивать первые три года по 5000 руб., а впоследствии через каждые три года увеличивать эту сумму на три тысячи рублей. Арендная плата идет в общеприходскую кассу.

За порядки на рынке перед гражданскими властями ответственность несут арендаторы рынка, причт же, а в настоящее время приходской совет, участия в этом не принимает, разумеется кроме тех случаев, когда арендаторами были бы допущены порядки, нетерпимые в религиозно-нравственном отношении...

Сумму арендной платы, получаемую приходом от этой арендной статьи, в настоящее время точно не припомню, по приблизительному расче-

ту она должна равняться 12–13 тысячам в год. С согласия приходского совета из этой суммы каждые три месяца в пользу причта отчисляется 1050 р.»¹¹.

Получив ответ, заведующий юридическим отделом Петросовета предложил центральному жилищному отделу срочно взять в свое ведение рынок, принадлежащий приходу Владимирской церкви и находящийся в арендном пользовании частных лиц¹².

Фактически национализация недвижимого имущества общины растянулась еще на год. Вплоть до осени 1920 года приход продолжал считать его своей собственностью¹³.

Правда, в это время приходской совет уже понимал, что его право собственности не соответствует действующим законам. Поэтому в другом заявлении в жилищный отдел от 6 сентября содержится просьба о разрешении, которое в принципе он мог бы и не запрашивать: «Совет общины Владимирского прихода нуждается в помещении для своих собраний и для канцелярии и поэтому просит дать разрешение на занятие им двух комнат в квартире № 6 д. № 1 по Кузнечному пер.»¹⁴.

Окончательную ясность внес ответ отдела юстиции Петросовета от 11 сентября 1920 года: «В силу п. 13 декрета об отделении церкви от государства и п. 16 инструкции о его выполнении все бывшие церковные имущества, не предназначенные специально для богослужебных целей, подлежат национализации и передаче в ведение соответствующих советских учреждений для распоряжения ими на общих основаниях. Ввиду этого удовлетворение просьб приходского совета Владимирской церкви о предоставлении ему материалов от предстоящей сломки Кузнечного рын-

ка и об отведении помещения для приходских собраний и канцелярии всецело зависит от жилищного отдела, принявшего в свое ведение имущество этой церкви»¹⁵.

В 1920 году была окончательно запрещена и всякая благотворительная деятельность. 21 мая приходской совет уведомил власти, что сняты и опечатаны все благотворительные кружки. Их насчитывалось 16: бедным Человеколюбивого общества, для Общества спасения на водах, две в пользу приютов арестантских детей, бедным детям ремесленного отдела, Христа ради нищих, в пользу попечительства о раненых и больных воинах, для больных детей Николаевской детской больницы, для чахоточных в лечебницах и санаториях, в пользу Белого Креста, для нищих и убогих, в пользу больницы Святой Ольги на неизлечимых, в пользу богоугодных заведений, для Императорского человеколюбивого общества, для Петроградского совета детских приютов и для попечения о питомцах Императорского Петроградского воспитательного дома Николаевской железной дороги. Все снятые благотворительные кружки были сданы в отдел юстиции Петросовета.

Некоторое время члены причта Владимирской церкви продолжали заниматься преподавательской деятельностью. Так, в 1921 году были организованы богословские курсы IV благочиннического округа (заведующий протоиерей В. Ф. Лебедев), среди преподавателей которых числился протоиерей П. А. Кедринский¹⁶. Просуществовали курсы до лета 1922 года.

До конца 1918 года преподавал пение в школе училищного совета на Кабинетской улице и в церковно-приходской школе Владимирского храма Владимир Иванович Колычев — бес-

сменный регент любительского хора церкви в 1905–1932 годах.

В. И. Колычев родился в 1876 году в селе Инаковка Кирсановского уезда Тамбовской губернии в семье священника, окончил Тамбовскую Духовную семинарию. С 1918 года, одновременно с исполнением обязанностей регента, преподавал пение в 53-й советской школе. В начале 1921 года был рукоположен во диаконы, а уже в июне — во священники Владимирской церкви. Это послужило причиной его увольнения из школы, в соответствии с постановлением Совнаркома от 21 января 1921 года «О порядке предоставления работы служителям религиозных культов», строго ограничивавшем возможность зачисления священников на службу в государственные организации.

В 1922 году произошло значительное изменение положения всей Русской Православной Церкви. Вскоре после окончания Гражданской войны советские власти стали разрабатывать планы кардинального «решения» проблемы существования религиозных организаций, которые по-прежнему расценивались как оппозиционная враждебная сила, к тому же располагавшая значительными материальными ценностями, каковые предполагалось изъять. Преследовалась также цель разрушить Православную Церковь как целостный организм со стройной организацией, иерархичностью, разбить ее на несколько враждующих между собой течений.

Подготовительная работа для решительного наступления на Церковь началась во второй половине 1921 года. Произошла коренная реорганизация органов контроля и надзора. В Петрограде соответствующие функции были переданы из отдела юстиции, не имевшего аппарата в районах и уездах, в созданный в ноябре при отделе управления церковный отдел. Через месяц подобные отделы (столы) появились в нижестоящих ин-

станциях. Они занялись перерегистрацией всех приходских общин, проверкой состава их «двадцаток» и регистрацией священнослужителей. Уже тогда проявилась тенденция ко всеобъемлющему контролю за церковной жизнью.

Приходской совет Владимирской церкви 1 сентября 1921 года представил в общий отдел Петросовета сведения об общине храма для ее перерегистрации. Товарищем председателя совета в то время был Е. М. Звинятский, секретарем — В. В. Дмитриева, казначеем — И. Н. Шумилов, а председателем — по-прежнему протоиерей П. Кедринский. А для проведения 5 марта 1922 года общего собрания прихожан уже потребовалось официальное разрешение районных властей.

В январе 1922 года на втором заседании заведующих районными церковными столами было принято постановление по поводу проповедей священников: «Разрешить по усмотрению районов с предоставлением конспектов проповедей». Протоиерей Павел Кедринский в соответствии с требованием властей известил церковный стол 1-го городского района, что во Владимирском храме ведутся следующие беседы: «1. По субботам на всенощном бдении на тему „Христос Спаситель, Его земная жизнь, учение и дела“. 2. По воскресеньям на всенощном бдении: „Текстуальное объяснение Богородичных догматов“. 3. По четвергам на всенощном бдении: „Литургические беседы“. 4. Во все воскресные и праздничные дни на литургиях говорятся проповеди на тему дневного Евангелия и празднуемых событий“»¹⁷.

Весной 1922 года на Русскую Церковь обрушилась кампания по изъятию церковных ценностей. Небольшая часть изъятого пошла, как декларировалось, на нужды голодающих Поволжья,

а основное — на Красную армию, внешнеполитическую деятельность, создание «твердой» советской валюты и т. п.

Во Владимирской церкви за несколько веков были накоплены огромные ценности, многие предметы имели большое художественно-историческое значение. Это понимали и власти. Изъятие началось 6 апреля передачей из храма в реставрационный отдел Русского музея трех икон в серебряных ризах: иконы Николая Чудотворца и двух икон Тихвинской Божией Матери. Через 3 дня в присутствии членов причта состоялось изъятие ценностей, подготовленных в 1917 году, когда городу угрожала опасность, для эвакуации. 57 серебряных предметов, в том числе пять Евангелий, 19 лампад и т. п. пошли в комиссию Помгола, а 27 предметов (из них — 7 старинных Евангелий в серебряных окладах, 3 дарохранильницы) были отобраны представительницей Главмузея. Кроме того, позднее 9 икон (Спасителя, Владимирской Божией Матери, Святого Георгия, Казанской Божией Матери и др.) и 24 ризы отправили в Эрмитаж. Была вывезена серебряная утварь общим весом 441 килограмм.

Изъятие ценностей произошло во Владимирской церкви относительно спокойно.

Откликнувшись на призыв настоятеля, прихожане собрали огромное количество различных серебряных предметов (в основном — столовых приборов) — на 288 кг, и в мае передали их представителям властей, выкупив таким образом главные святыни. Среди них — кипарисная доска с частицами мощей, вероятно из Рождественской церкви дворца Белосельских-Белозерских, и серебряный ковчег с мощами святых, сделанный в 1827 году по заказу протоиерея Симеона Платонова. Выкупили прихожане и старинную хра-

мовую икону Владимирской Божией Матери, но Государственный музейный фонд взял ее на свой учет как представлявшую историко-художественную ценность. По просьбе настоятеля в храм взамен вывезенных серебряных вещей районная комиссия по изъятию церковных ценностей передала 16 металлических предметов церковной утвари.

Казалось бы, цели властей по изъятию ценностей из Владимирской церкви были достигнуты и причин для репрессий нет. Но 10 июня 1922 года в Петрограде начался грандиозный судебный процесс над цветом городского православного духовенства и мирян во главе с митрополитом Петроградским и Гдовским святым новомучеником Вениамином (Казанским). Без всяких реальных оснований Владыка и другие священнослужители и миряне обвинялись в том, «что первый, состоя главой Православной Церкви в Петроградской губернии, а последние — членами правления общества церковных приходов, добивались изменения декрета об изъятии церковных ценностей, для чего использовали свою организацию, действуя тем самым... в целях возбуждения религиозного населения к волнениям в явный ущерб диктатуры рабочего класса и пролетарской революции, что содействовало той части международной буржуазии, которая стремится к свержению власти рабоче-крестьянского правительства»¹⁸.

В связи с процессом Владыки Вениамина был арестован и настоятель Владимирской церкви протоиерей Павел Кедринский. 5 июля Петроградский Губревтрибунал вынес жестокий приговор, хотя ни одно из обвинений на суде, по существу, доказать не удалось. Отец Павел был осужден на три года лишения свободы. Он провел в петроградской тюрьме 1 год и 2 месяца и был

освобожден по амнистии 14 июля 1923 года. Десять человек обвиняемых приговорили к смерти, затем шестерых из них помиловал ВЦИК, а четверых расстреляли в ночь с 12 на 13 августа 1922 года. Среди них вместе с митрополитом Вениамином был архимандрит Сергей (Шеин) — настоятель храмов подворья Троице-Сергиевой лавры, в 1918–1921 годах входивших в приход Владимирского храма. 4 апреля 1992 года Архиерейский Собор Московской Патриархии причислил Владыку Вениамина, а также расстрелянных с ним новомучеников, к лику святых¹⁹.

В условиях церковных нестроений

В начале 1922 года у советского руководства появились планы создать покорную себе церковную организацию. Назревавшее установление дипломатических отношений со странами Запада в перспективе требовало смягчения ситуации вокруг «религиозного вопроса». В результате дискуссии в ЦК РКП(б) и СНК пришли к выводу, что во главе Православной Церкви в довольно сжатые сроки нужно поставить духовенство, абсолютно лояльное советской власти и правительству.

В недавно рассекреченной докладной записке Л. Д. Троцкого от 30 марта 1922 года, без возражений утвержденной Политбюро, была практически сформулирована вся тактическая и стратегическая программа деятельности партийного и государственного руководства по проведению раскола в Русской Православной Церкви с помощью так называемого обновленческого, или сменовеховского, духовенства: «Мы должны, во-первых, заставить сменовеховских попов целиком и открыто связать свою судьбу с вопросом об изъ-

ятии ценностей; во-вторых, заставить довести эту кампанию внутри церкви до полного организационного разрыва с черносотенной иерархией, до собственного нового собора и новых выборов иерархии...»²⁰.

Таким образом, власти изначально планировали использовать обновленцев в своих целях, явно переоценивая их возможности, а затем «выбросить», как «отработанный материал». Не вызывает сомнений, что без прямого участия государственного аппарата никакого «переворота» в Русской Церкви не произошло бы.

В мае 1922 года после ареста Патриарха Тихона обновленцы при содействии государственных органов захватили церковное руководство в стране. Православное духовенство и миряне пытались бороться. Первой оформилась «Петроградская автокефалия» во главе с епископами Алексеем (Симанским) и Николаем (Ярушевичем), не признавшая власть созданного при активном участии ГПУ Высшего церковного управления. К «Петроградской автокефалии» первоначально принадлежала и Владимирская церковь. Но после новых репрессий к октябрю 1922 года храм стал обновленческим. 10 октября общеприходское собрание, состоявшееся в помещении пастырских курсов по адресу Ямская (Достоевского) улица, дом № 1, уже рассматривала вопрос о внесении установленного десятипроцентного взноса с доходов на содержание Петроградского епархиального управления, сформированного обновленцами²¹.

Настоятелем Владимирской церкви с октября 1922 года стал протоиерей Иоанн Яковлевич Соколов.

И. Я. Соколов родился 4 апреля 1860 года, окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию, 18 июня 1886 года был

рукоположен во священники, в 1886–1914 годах служил в Спасо-Бочаринской церкви Петербурга, а в 1914–1920 годах — настоятелем храма на Волковом кладбище. В 1920 годах епархиальная власть, после предварительного избрания прихожанами, назначила отца Иоанна в церковь Владимирской иконы Божией Матери.

5 декабря 1922 года на общем собрании состоялись выборы президиума приходского совета. Собравшиеся постановили лишить духовенство избирательного права, но ввести в состав президиума протоиереев И. Я. Соколова и Н. С. Тычинина и церковного старосту И. А. Петрова. Кроме того, прихожане избрали еще 5 членов президиума, в том числе председателя совета К. А. Николаева и товарища председателя А. В. Невельского.

4 февраля 1923 года прихожане заключили новый договор на пользование церковным зданием.

В приходе продолжалась активная церковная жизнь. В июне и июле 1923 года в связи с храмовым праздником Владимирской иконы Божией Матери состоялись крестные ходы в ограде церкви. С 24 по 30 июня по приглашению прихожан в храме находилась чудотворная икона Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» из Скорбященской церкви на Шпалерной улице. 5 августа приходское собрание обсуждало доклад юбилейной комиссии о времени празднования 175-летнего юбилея храма.

Даже несмотря на то, что храм перешел к угодной государству обновленческой общине, его не оставили в покое. 22 мая 1923 года специальная комиссия, в которую входил и уполномоченный ГПУ Коршунов, обнаружила при проверке имущества храма в несгораемом шкафу в кладовой не занесенные в опись ценности: два распятия, в том числе одно золотое, и 11 серебряных риз.

Они были изъяты и переданы в губфинотдел. На следующий день «двадцатка» обратилась в районный церковный стол с заявлением: «Просим принять оставшееся серебро от выкупа ценностей в пользу граждан инвалидов, пострадавших от войны». В результате комиссии помощи инвалидам Гражданской войны было передано 56 серебряных предметов (ножи, вилки, ложки) общим весом почти 5 кг. Но этот щедрый дар не спас от репрессий. 30 июня 1923 года, видимо в ходе расследования укрывательства церковных ценностей, был арестован староста И. А. Петров²².

Вскоре по требованию властей была составлена новая опись имущества. В нее записали более тысячи предметов церковного инвентаря вплоть до табуреток, обтянутых малиновым плюшем, с указанием стоимости. 10 августа 1923 года, с запозданием на 5 лет, из церкви в районный отдел загс передали 33 метрические книги за 1860–1892 годы. Храм пустел на глазах.

К осени 1923 года ситуация в Церкви стала меняться. 27 июня был освобожден из заключения святой Патриарх Тихон. И сразу начался быстрый спад влияния обновленцев и массовое возвращение верующих под окормление Первосвятытеля. Летом и осенью по всей стране прокатилось могучее народно-религиозное движение, особенно широко развернувшееся в Петрограде. Оформление его лишь несколько задержалось из-за отсутствия признанного вождя — в результате репрессий в городе не осталось ни одного архиерея. Наконец, 23 сентября в Москве в Даниловом монастыре был хиротонисан во епископа Лужского с правом управления Петроградской епархией архимандрит Мануил (Лемешевский). 4 октября по петроградским храмам было разослано его первое послание к пастве с призывом

оставить обновленческий раскол и последовать за Патриархом. И уже в ближайшие месяцы три четверти приходов Петрограда присоединились к Патриаршей Церкви.

Среди вернувшихся под окормление Перво-святителя была и община Владимирской церкви. Как уже говорилось, 14 июля 1923 года власти досрочно по амнистии освободили протоиерея Павла Кедринского. В конце августа он вернулся в храм и вновь стал его настоятелем, сместив отца Иоанна Соколова.

Сразу же по прибытии в Петроград епископа Мануила часть прихожан и членов причта стала активно выступать за разрыв с обновленцами. Около двух месяцев шла упорная борьба, и, наконец, сторонники Патриарха одержали полную победу.

На заседании приходского совета 11 декабря 1923 года рассматривался вопрос «Об избрании своим духовным руководителем епископа». И после короткого обсуждения было принято единогласное (!) решение: «На основании декрета об отделении церкви от государства и разъяснений с указаниями 5-го отдела НКЮ избираем своим духовным руководителем Преосвященного Мануила, епископа Лужского». В архивном деле сохранился протокол этого исторического собрания с автографом Владыки: «Согласен принять под свое духовное руководство прихожан Владимирской церкви. Декабря 18 дня 1923 г. Мануил, Епископ Лужский, врем. Управляющий Петроградской епархией»²³.

Вторым вопросом на заседании рассматривалось сообщение Петроградского губернского прокурора на имя председателя приходского совета с разъяснением вопроса о возможности поминовения в храме Патриарха Тихона.

Епископ Мануил (Лемешевский)
1955

Дело в том, что помогавшие обновленцам власти так и не признали официально освобожденного из-под ареста Первосвятителя. Более того, Наркомат юстиции издал циркуляр о запрещении публичного чествования лиц, находящихся под судом, «в частности, гр. Белавина», «поскольку такое чествование, выражающееся в упоминании имени данного лица в публичных молитвах, проповедях и т. п., с присоединением к этому звания, по состоянию, в котором это лицо совершило вменяемое ему преступное деяние, носит характер явной политической демонстрации против рабоче-крестьянской власти или направляется с явным намерением возбудить в населении недовольство или дискредитировать власть, оно является деянием уголовно наказуемым»²⁴.

Этот циркуляр и излагался в сообщении прокурора, которое было согласно протоколу принято к сведению. Затем, «после заседания по предложению Кедринского был отслужен, при участии народного хора, благодарственный молебен о восстановлении мира во Владимирской приходской общине»²⁵.

Переход храма в Патриаршую Церковь вызвал негодование районных властей. Заведующий церковным столом Мичурин потребовал от приходского совета представить в трехдневный срок список участвовавших в собрании с указанием их адресов и мест службы и приказал немедленно сообщить, из какого учреждения было выдано разрешение на это собрание в количестве 67 человек, так как на все общеприходские мероприятия требовалось предварительное разрешение районных властей, включавшее и утверждение повестки дня.

Естественно, что обсуждение вопроса о разрыве с обновленчеством никто бы заранее не утвердил, но приходской совет сумел обойти эти официальные запреты. В его ответе от 15 января 1924 года говорилось: «11.12 было не общее собрание прихожан, а заседание 20-ки, на созыв которого никакого особого разрешения не требуется... После заседания 20-ки был отслужен молебен при пении части народного хора, участники которого после молебна и выходили из церкви с членами 20-ки, чем и могли быть введены в заблуждение лица, случайно проходившие мимо церкви в это время»²⁶.

Таким образом община Владимирского храма преодолела острый кризис и выстояла в первый период антирелигиозных гонений властей.

Глава 8

Новый атеистический поход

«Религиозный нэп»

К середине 1920-х годов положение Владимирского прихода временно стабилизировалось. Репрессии к членам причта и приходского совета со стороны ОГПУ не применялись вплоть до начала 1930-х годов. В стране установился, хотя и не надолго, период сравнительно спокойных отношений властей с церковными организациями, своеобразный «религиозный нэп». Это было вызвано необходимостью обеспечить экономическую и политическую стабильность, укрепить «смычку» города с деревней, преимущественно религиозной, наладить внешнеполитические связи.

В 1924–1925 годах во Владимирской церкви служили: протоиереи П. А. Кедринский, Н. Я. Соколов, Н. С. Тычинин, Н. А. Милослаев, священники И. Я. Бельский, К. В. Васильев, В. И. Колчев, протодиакон Прилепо, диаконы Н. П. Вольтищев, И. М. Пензин, псаломщик А. Н. Коронатов. Председателем приходского совета в тот период являлся торговец Г. П. Шалонов, так как власти уже строжайше запрещали занимать эту должность священнослужителям.

В церкви по-прежнему оставалось много церковных ценностей, выкупленных прихожанами. Согласно инвентарной описи от 21 мая 1924 года в нижнем храме Преподобного Иоанна Дамаскина имелось 9 икон в серебряных ризах, в притворе — 16 подобных риз, в том числе на образах Дванадесятых праздников, в верхнем храме во имя Владимирской Божией Матери — 11 таких икон, серебряный киот, 5 напрестольных крестов, 7 кадил, 4 серебряных барельефа по бо-

кам плащаницы. На колокольне висели 5 больших колоколов общим весом 17 751 кг, оцененных в 3544 рубля и 8 малых (менее 16 кг) колоколов весом 85 кг, оцененных всего в 63 рубля. В трех часовнях находилось 96 икон: в стоящей на углу проспекта Нахимсона (Владимирского) и Колокольной улицы — 51, во второй на углу Кузнечного переулка и проспекта Нахимсона — 27 и в третьей часовне в здании колокольни — 18 икон. В ризницах храма еще хранились 4 старинные Евангелия в серебряных окладах¹.

Приход и в середине 1920-х годов продолжал заниматься церковно-благотворительной деятельностью, хотя из-за запретов властей гораздо в меньшей степени чем прежде. Так, 28 июля 1924 года совет Владимирской общины получил письмо с просьбой приходского совета Пантелеймоновской церкви в колонии прокаженных «Крутые ручьи» Ямбургского уезда Ленинградской губернии: «Ввиду отсутствия у нас средств содержать постоянного священника мы лишены великого утешения в горькой беспросветной своей жизни — христианского богослужения, с ним напутствования и нравственного пастырского подкрепления, слезно ныне обращаемся к вам, избранникам прихода, с покорнейшею просьбою: осушите слезы прокаженных, придите к нам на помощь, дайте возможность священнику неопустительно по воскресным и праздничным дням своим посещением утешать нас богослужением в нашем храме и церковною беседою. Пусть прихожане Вашего храма увидят регулярно обносимое блюдо „на религиозные нужды верующих прокаженных“ и на сей алтарь милосердия положат свою посильную лепту».

«Двадцатка» Владимирской церкви обратилась в церковный стол Центрального городского рай-

она с ходатайством о разрешении сбора добровольных пожертвований среди прихожан для церкви колонии прокаженных. Такое разрешение было получено. Все собранные средства были переданы уполномоченному приходского совета Пантелеймоновского храма колонии протоиерею Александру Сергиевскому².

Оказывалось содействие и далеким провинциальным церквям. 5 ноября 1928 года собрание «двадцатки» Владимирской общины обсуждало ходатайства о проведении сборов на достройку двух церквей: в местности Песчанка по линии Октябрьской железной дороги и в селе Загорино Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. После обсуждения было вынесено решение: «Сборы разрешить»³.

Летом 1926 года протоиерей П. Кедринский в числе других наиболее авторитетных священнослужителей города был приглашен для переговоров по легализации Ленинградской епархии Московской Патриархии. Об этом говорится в воспоминаниях новомученика протоиерея Михаила Чельцова: «Чуков (настоятель Николо-Богоявленского собора, позднее митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий), а потом Павел Антонович Кедринский были вызываемы в ЧКа, там с ними любезно говорили, выказывали недоумение, почему мы живем без легализации, что такое положение, естественно, возбуждает советскую власть на всякие подозрения против нас и особенно против епископов наших; почему духовенство принимает и держится таких епископов, как Димитрий Ефимов, известный черносотенец, почему духовенство не может и не желает само взять управление епархией в свои руки; что такое управление советская власть непременно бы признала и легализовала,— в конце концов

предложили им начать дело о легализации в масштабе пока только местном епархиальном, обещав помощь и дав надежду. По словам Чукова, лично мне сказанным, этот вызов его ЧКа он сделал известным еп. Григорию (Лебедеву), в то время еще управляющего епархией, от него получил благословение на беседу там и о результатах беседы и о самом ходе ее снова подробно доложил Григорию»⁴. Но из переговоров тогда ничего не вышло. Легализация как Московской Патриархии в целом, так и ее Ленинградской епархии произошла только в 1927 году после выхода декларации заместителя Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) о лояльности церкви к советской власти.

К 1928 году относятся первые попытки лишить Владимирскую общину части используемых ею зданий в ограде храма. В новом договоре, заключенном 25 января представителем районных властей с «двадцаткой», речь шла только о церкви, колокольне и двух часовнях. Двухэтажный флигель же, используемый для проживания церковных сторожей, по адресу проспект Нахимсона, дом № 20, передавался в распоряжение райсовета.

Прихожане решили бороться и отстаивать свои права через судебные инстанции, что тогда было еще возможно. 21 февраля 1928 года поверенный «двадцатки» член коллегии защитников адвокат Е. М. Звинятский обратился с заявлением в президиум совета Центрального городского района, доказывая, что с потерей флигеля община «лишена единственного помещения, могущего служить для проживания сторожей данной церкви». А сторожа были обязательно нужны, так как церковь представляла собой «весьма обширное и ценное здание, находящееся под охраной Общества за-

щиты памятников искусства и старины, и в храме этом имелось весьма значительное и ценное государственное имущество»⁵.

Борьба прихода завершилась успехом. Специальная комиссия произвела технический осмотр дома, и эксперт Ленинградского губернского уголовного суда вынес заключение о хозяйственно-техническом состоянии здания. У райсовета не оказалось средств на требуемый значительный ремонт, и после соответствующего решения суда 18 июля 1928 года было принято дополнение к январскому договору о передаче группе верующих в бесплатное пользование флигеля с условием проведения его капитального ремонта на деньги общины.

Средства общины вполне позволяли провести все необходимые ремонтно-реставрационные работы. К августу 1929 года капитальный ремонт здания сторожки (флигеля) был завершен. В своем извещении районного церковного стола «двадцатка» сообщила, что за все время договора по мере материальной возможности постоянно заботилась о ремонте зданий «по своей собственной инициативе, без всякого понуждения со стороны и затратила на этот предмет значительные суммы».

Подобные работы активно продолжались и в дальнейшем: летом—осенью 1930 года была произведена реставрация интерьеров верхнего храма и ремонт сторожки, в 1931 году были отремонтированы фасад и крыша церковного здания и колокольни, в летний сезон 1933 года предполагалось произвести покраску фасадов церкви и колокольни, реставрационные работы в верхнем храме и новый ремонт сторожки. Однако активная реставрационно-ремонтная деятельность за счет церковных средств не спасала от закрытия храмов.

На рубеже 1928–1929 годов в Советском Союзе начали быстро нарастать массовые гонения на Русскую Православную Церковь. Произошло существенное изменение всего курса политики по отношению к религиозным организациям. Период относительно спокойных контактов сменился длительной полосой крайне воинственного нетерпимого отношения к Церкви. Это было связано с принятием нового курса руководящей группы ЦК ВКП(б) во главе с И. В. Сталиным на свертывание нэпа, насильственную коллективизацию, обострение классовых отношений в городе и деревне и т. д.

В период ликвидации нэпманов и кулачества власти обрушились и на Церковь, усматривая в ней инструмент эксплуататорских классов. Еще в конце 1927 года И. В. Сталин утверждал, что «партия не может быть нейтральной в отношении реакционного духовенства, отравляющего сознание трудящихся масс. Подавили ли мы реакционное духовенство? Да, подавили, беда только в том, что оно не вполне ликвидировано»⁶.

С 1928 года в СССР начала осуществляться массовая ликвидация церквей не только домовых, как раньше, а теперь уже приходских. Если в 1927 году по России было закрыто 134 молитвенных здания, то в 1928 году — 542, а в 1929 году — 1000. В Ленинграде в 1929 году прекратили функционировать 59 молитвенных зданий различных конфессий⁷.

Все это вскоре коснулось и Владимирской общины. 11 марта 1929 года к ней по ходатайству прихожан был присоединен приход и причт церкви Вознесения Христова на набережной Фонтанки, дом № 59 (бывшей при богадельне и доме графа Апраксина). Красивейшая церковь в «русском стиле» была закрыта 6 декабря 1928 года, здание

передано типографии им. Володарского под столовую и красный уголок, а в середине 1930-х годов снесено. Сейчас на этом месте находится современное пятиэтажное здание, построенное в 1964 году по проекту архитекторов С. И. Неймарка и В. Ф. Хрущева. В настоящее время это и соседнее (дом № 59) здания принадлежат федеральному государственному унитарному предприятию «Издательско-полиграфический комплекс „Лениздат“».

К 1929 году в ограде Владимирской церкви по решению властей устроили детскую площадку и заставили приходской совет на церковные средства оборудовать общественный туалет. В мае 1930 года «двадцатка» была вынуждена «в связи с месячником сбора утильсырья на усиление государственных средств» сдать помимо металлолома и часть серебряных предметов общим весом около 32 кг⁸.

В январе 1930 года в церкви оказалось похищено несколько серебряных сосудов, и прихожане в соответствии с законом вынуждены были возместить их утрату, передав в храм церковных предметов из этого металла более чем на 2 кг.

Ощущалась большая нужда в церковных облачениях, которые уже было невозможно приобрести в магазинах. Поэтому «двадцатка» в октябре 1930 года внесла в Госфонд 6 серебряных окладов весом 19 кг, прося районный стол регистрации обществ и союзов «выдать на ту же сумму церковных облачений или материи для них, в которых очень нуждаются ввиду значительной изношенности существующей ризницы»⁹.

Начались различные ущемления духовенства. Комиссия по выселению нетрудовых элементов из домов ЖЭКа при райисполкоме «выставила на улицу» настоятеля отца Павла Кедринского

и протоиереев Владимирского храма Иоанна Соколова и Николая Тычинина вместе с их семьями, при этом указав, что они могут жить в церковном флигеле (сторожке), так как приход несет все расходы по содержанию, ремонту и налоговому обложению здания. В соответствии с решением «двадцатки» сторожа потеснились, и священники поселились во флигеле, причем отец Павел вместе с женой занял комнату в 11 кв. метров. Однако районный инспектор по делам культов Михайлова написала в Президиумом Смольнинского райсовета, что «двадцатка» получила по дополнительному договору флигель для использования под жилье церковных сторожей, но поскольку там помимо них живут и священнослужители, стол регистрации «в связи с ощущением острого жилищного кризиса считает необходимым изъять из ведения «двадцатки» указанное и передать райкоммунотделу»¹⁰. К счастью, затея инспектора не удалась. 25 декабря 1930 года с прихожанами был подписан новый договор на пользование церковью, двумя часовнями, колокольной и жилым домом из 4 квартир.

В 1930–1931 годах священнослужители нередко подвергались аресту за то, что хранили в храмах серебряные монеты, которые сдавали им прихожане, опасаясь принудительного изъятия властями (считалось, что даже хранение монет на сумму в несколько десятков рублей якобы подрывает советскую денежную систему и является контрреволюционной акцией). Не избежали этой участи и два священника Владимирской церкви — Николай Константинович Кулаков и Иоанн Лаврентьевич Коляденко. Первый из них за хранение серебряной монеты достоинством в 32 рубля находился под арестом в Доме предварительного заключения на улице Воинова (Шпалерной)

четыре с половиной месяца — с 4 сентября 1930 года по 20 января 1931 года, а второй в марте 1931 года был приговорен к одному году принудительных работ условно за хранение мелкой серебряной монеты.

Н. К. Кулаков родился 19 апреля 1876 года в городе Вельске Вологодской губернии, до революции был личным секретарем архиепископа Никона, редактором и издателем «Троицких листков». С 1914 года он служил штатным священником церкви Святых Митрофания Воронежского и Тихона Задонского при Синодальном подворье. После ее закрытия 25 января 1927 года, в соответствии с выбором общины, был назначен сверхштатным священником Владимирской церкви.

И. Л. Коляденко родился 25 мая 1873 года в слободе Котово Камышинского уезда Саратовской губернии и также с 1914 по январь 1927 года служил в Митрофаньевской церкви Синодального подворья, сначала диаконом, а с 1924 года, после рукоположения в сан, священником. В 1927 году он перешел во Владимирский храм.

В конце 1920-х — 1930-х годах состав священнослужителей Владимирской церкви претерпел значительные изменения. Несколько членов причта скончались: 11 октября 1930 года — диакон Владимир Андреевич Лавров, 13 февраля 1931 года — протоиерей Иоанн Яковлевич Бельский, а в марте 1931 года — протоиерей Николай Александрович Милославов. Наконец, 12 января 1932 года умер протодиакон Прилепо.

В 1931 — первой половине 1932 года в храме служили: протоиереи П. А. Кедринский, Н. Я. Соколов, Н. С. Тычинин, священники М. А. Смирнов (из «Апраксинской» церкви), К. В. Васильев, Н. К. Кулаков, И. Л. Коляденко, В. И. Колчев, диаконы Н. А. Верещагин, Н. П. Вельтищев, Г. Ф. Лебедев, А. С. Орлов и П. Г. Певцов.

Жалованье настоятеля составляло 100 рублей в месяц, его дополняли ежемесячные доходы

от требоисправлений в 150–250 рублей. Жалованье штатных священников равнялось 75 рублям, а сверхштатных священников и диаконов — 50, их доходы от совершения треб колебались в пределах 40–180 рублей. Последним председателем приходского совета («двадцатки») в 1929 — июне 1930 года являлся бывший сотрудник Сеного рынка, затем кустарь-одиночка Семен Осипович Кукунин.

В начале 1932 года в храме продолжалась активная церковная жизнь. Происходило много архиерейских богослужений. Весной в церковной ограде прошли пасхальные крестные ходы. Следует отметить, что протоиерей Павел Кедринский в 1931–1932 годах был членом временного Ленинградского епархиального совета и благочинным 1-го городского округа. Однако над Владимирской церковью уже нависла угроза закрытия и сноса.

Закрытие церкви

В середине 1931 года религиозная политика в СССР особенно ужесточилась. Для установления более тщательного контроля за Церковью была произведена реорганизация соответствующего аппарата. В соответствии с указом ВЦИК в октябре 1931 года при Леноблисполкоме была организована специальная комиссия по вопросам культов во главе с С. О. Ключеком. Секретарем ее стала заведующая сектором административного надзора К. М. Неглюевич. Работники, возглавившие подобные органы, представляли себе конечную задачу их деятельности в полном искоренении религии в СССР¹¹.

Вскоре ликвидация церкви действительно развернулась «большевистскими» темпами. Если

в 1931 году Ленинградская областная комиссия по вопросам культов рассмотрела 43 вопроса о закрытии храмов, из которых положительно решила 36, то в 1932 году из 134 подобных запросов было удовлетворено 133. В январе 1932 года, в период перевыборной кампании Ленсовета 13-го созыва с подсказки районных властей 15 организаций вынесли указы депутатам о закрытии Владимирской церкви и передаче ее помещений под дом культуры, детский клуб, дом октябренка и т. д.

Хотя решение о закрытии еще не было принято, уже разгорелись споры о дальнейшей судьбе здания: уничтожить ли его и устроить на этом месте сквер или использовать в других целях. 5 марта 1932 года было принято решение о передаче здания в ведение Государственной Публичной библиотеки для размещения в нем антирелигиозного отдела.

В этот же день районный инспектор по делам культов известил прихожан о вынесенном решении. Верующие решили отстаивать свой храм и, используя существовавшую тогда возможность, в двухнедельный срок обжаловали постановление областных властей в Секретариате председателя ВЦИК М. И. Калинина. 13 марта областная комиссия по вопросам культов известила президиум Смольнинского райсовета, что до рассмотрения дела в высшей инстанции церковь должна оставаться в пользовании верующих.

Однако ходатайство прихожан не помогло. 10 июня Президиум ВЦИК утвердил постановление о закрытии храма. Областная комиссия известила об этом президиум райсовета и указала «приступить к ликвидации церковного здания». 22 июня 1932 года церковь Владимирской иконы Божией Матери была опечатана, а весь инвен-

тарь ее официально передан членами приходского совета представителям районных властей¹².

Закрытие Владимирской церкви стало тяжелейшим ударом для приходской общины и священнослужителей храма. Были уволены 9 церковнослужителей — сторожа, дворники, свечницы, завхоз; остались без места службы и 13 членов причта. Первоначально прихожане решили перейти в расположенную неподалеку Знаменскую церковь на площади Восстания. Члены бывшего приходского совета обратились с соответствующим заявлением в областную комиссию по вопросам культов: «Лишенные возможности пользоваться зданием храма Владимирской Божией Матери, мы... от имени всей общины заявляем комиссии о нашем желании для удовлетворения своих религиозных потребностей пользоваться зданием храма Знаменской Божией Матери, что на проспекте 25 Октября, угол ул. Восстания, и потому просим выделить из церковного и богослужебного имущества, находившегося до сих пор в нашем пользовании, что нам требуется для перенесения в вышеуказанную Знаменскую церковь»¹³. 26 июня с разрешения районных властей небольшая часть инвентаря Владимирской церкви — 2 напрестольных Евангелия в серебряных окладах, облачения, кадила, напрестольный крест, ладан и т. д. — была передана в Знаменскую церковь.

Однако объединения двух приходов не произошло, и 1 июля бывший председатель «двадцатки» С. О. Кукунин был вынужден обратиться к районному инспектору по делам культов с печальной просьбой: «Ввиду отказа общины Знаменской церкви принять для совместного пользования храмом Знаменской церкви общину Владимирскую, вещи, перевезенные в Знамен-

скую церковь, перечисленные в прилагаемой копии акта, просим взять обратно»¹⁴. Тем не менее, инвентарь был все же окончательно передан в храм Знаменской иконы Божией Матери.

Почти все имущество Владимирской церкви досталось государственным организациям. Так, 23–25 июня бывшая «двадцатка» сдала остатки своих средств в размере 12 503 рублей. Из них 4000 рублей было выплачено Русскому музею в качестве компенсации за три ранее похищенных из храма, состоявших на учете Музейного фонда, серебряных предмета. Храмовая Владимирская икона Божией Матери, как и многие другие святыни, попала в Музейный фонд, который в дальнейшем распоряжался ими уже по своему усмотрению. О внесенном прихожанами в 1922 году за святыни выкупе не вспоминали. Старинный иконостас верхнего храма остался на прежнем месте и был сдан на хранение новым владельцам здания.

Храм опечатали так внезапно, что члены причта и церковнослужители не смогли даже забрать свои личные вещи. Позднее протоиерей Павел Кедринский с большим трудом добился их возвращения. Некоторым же мирянам, поместившим в церковь на хранение свои иконы, это сделать не удалось.

После закрытия Владимирской церкви большая часть прихожан и многие священнослужители: протоиерей Павел Кедринский, священник Валентин Колчев, диакон Герасим Лебедев и др. — перешли в церковь Святых Симеона и Анны на Моховой улице. Священники Константин Васильев и Иоанн Коляденко стали служить в церкви Святого Духа Александро-Невской лавры, священник Николай Кулаков — в Покровской церкви, диакон Николай Верещагин — в Знаменском

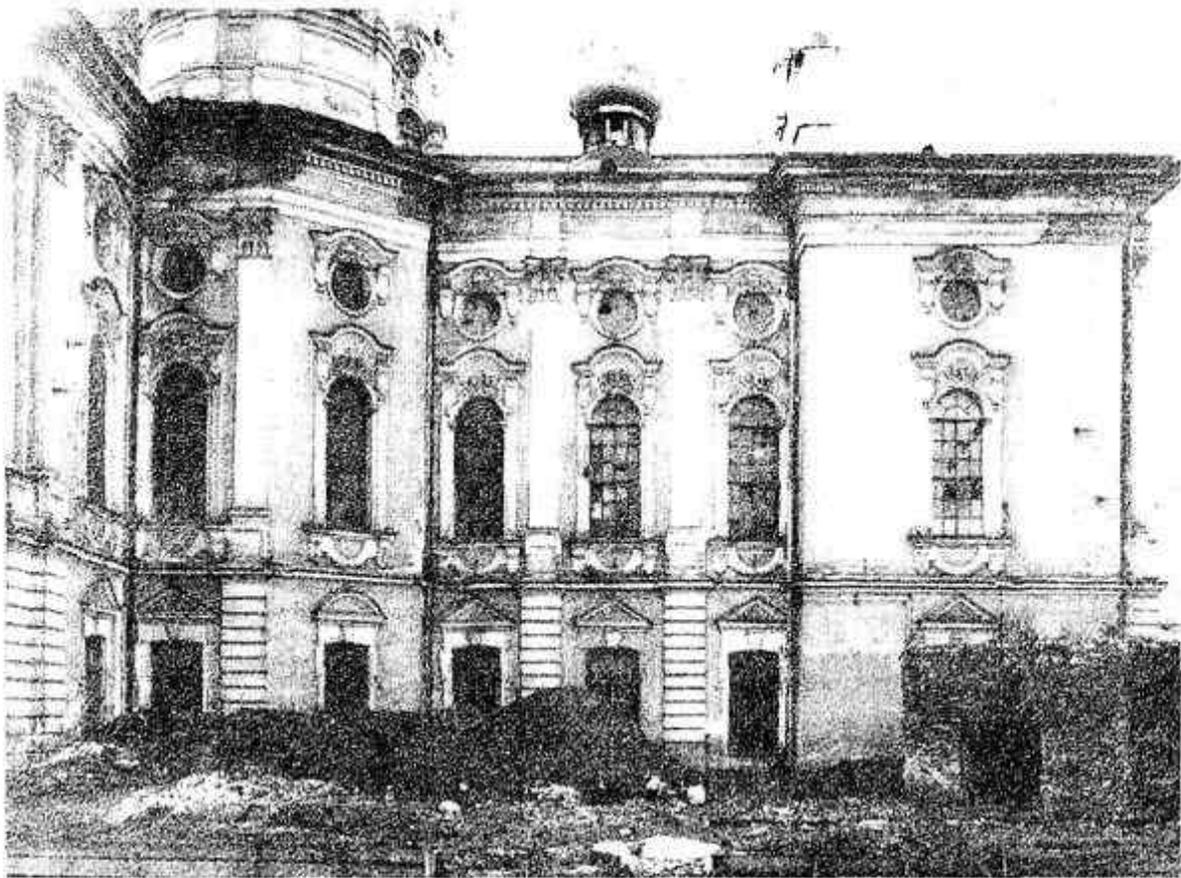
храме, диакон Александр Орлов — в Казанской церкви бывшего Пекинского подворья.

Дальнейшая судьба бывших священнослужителей храма сложилась в основном трагически. Некоторые из них были арестованы по так называемому делу «евлогиевцев». Его «сутью» была целиком надуманная концепция ОГПУ: якобы в 1932–1933 годах в Русской Православной Церкви произошел новый раскол, по тактическим соображениям не имевший открытого выражения. После того как проживавший во Франции митрополит Евлогий (Георгиевский) разорвал отношения с заместителем Патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским), «наиболее контрреволюционная часть» духовенства и мирян будто бы «вступила на путь антисоветской борьбы, ориентируясь на митрополита Евлогия, белую эмиграцию и Англиканскую Церковь».

Их целью, по версии ОГПУ, было свержение советской власти и установление конституционной монархии, подобной английской. Аресты по этому делу начались 21–22 декабря 1933 года и продолжались до 26 января 1934 года.

В Доме предварительного заключения оказались священники главных храмов города, члены последних уцелевших братств, прихожане и даже два епископа — Сергей (Зенкевич) и Валериан (Рудич)¹⁵.

Всего по делу «евлогиевцев» проходили 175 человек, из них 157 были арестованы. Среди основных обвиняемых значился и священник Валентин Колчев, 27 лет отслуживший регентом любительского хора Владимирской церкви. Арестованный 21 декабря 1933 года, он обвинялся как один из руководителей «Братства ревнителей Православия» при храме Святых Симеона и Анны,

Церковный двор в советское время

в которое входили и многие бывшие прихожане церкви на Владимирской площади. Отец Валентин был приговорен к трем годам лагерей; отбыв срок, в 1936 году он поселился в Новгороде. В годы войны он оказался на оккупированной территории и с осени 1941 года служил в церкви села Гусины Батецкого района Ленинградской области, а с 1943 года — в храме села Хоченского того же района. После изгнания германских войск он был 9 июня 1944 года утвержден настоятелем Хоченской церкви, затем со 2 ноября 1945 года служил в храме села Ославье Волосовского района и, наконец, с 26 марта 1948 года — в Александро-Невской церкви поселка Волосово. 21 марта 1947 года отец Валентин был возведен в сан протоиерея. Скончался он в 1952 году.

Священника Николая Кулакова арестовали 22 декабря. Его обвинили в руководстве нелегальным «Братством Феофана Затворника» при

Покровской церкви и ячейки «ирвингиан», а также распространении своих церковных антисоветских произведений. Приговорили отца Николая также к трем годам лагерей, где он, вероятно, и погиб, так как в Ленинградскую епархию не вернулся.

Проходил по делу «евлогиевцев» и протоиерей Павел Кедринский. С конца июня 1932 года он служил настоятелем церкви Святых Симеона и Анны и по-прежнему являлся членом Ленинградского епархиального совета и благочинным 1-го городского округа. Отца Павла обвиняли как организатора и главного руководителя «Братства ревнителей Православия». «Евлогиевцы» были осуждены Тройкой полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе 25 февраля 1934 года. Протоиерея П. А. Кедринского приговорили к трем годам лагерей условно и еще больше года, до апреля 1935 года, он продолжал служить в Симеоновской церкви.

В декабре 1934 года был убит первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) С. М. Киров. Его гибель использовали для нагнетания широкомасштабной кампании репрессий и террора. Она затронула все слои населения, но особенно пострадали духовенство и верующие. Церковные организации все чаще и чаще обвинялись в контрреволюционной антисоветской деятельности. Гонения на них в 1935–1938 годах шли по нарастающей.

В Ленинграде в марте—апреле 1935 года произошло массовое выселение «чуждого населения» — так называемый «Кировский поток». В газетах сообщалось, что из города «выселено некоторое количество граждан из царской аристократии и из эксплуататорских классов». Под последними, видимо, подразумевалось и духовен-

ство, так как его эта кампания коснулась прежде всего. На совещании районных инспекторов по вопросам культов от 21 марта 1935 года им дали указания о проведении массовой «чистки» среди клириков. К 15 апреля «чистка» духовенства была закончена, всего из оставшихся 429 священнослужителей Ленинграда и пригородов выслали в сельскую местность, на периферию, почти половину — 198 человек¹⁶.

Эта акция напрямую коснулась и бывших членов причта Владимирской церкви. Протоиерея П. Кедринского выслали из Ленинграда в Поволжье в апреле 1935 года, дальнейшая его судьба неизвестна. В марте выслали также протоиерея К. Васильева, протодиакона Н. Верещагина, диаконов А. Орлова и Г. Лебедева. Лишь последний из них смог вернуться в Ленинград к 1937 году, его назначили в Казанскую церковь. Но в период «большого террора» 10 августа 1937 года Г. Лебедева арестовали. 29 августа он был расстрелян и похоронен на Левашовской пустыни под Ленинградом¹⁷.

Глава 9

Судьба церковного здания в 1930–1980-е годы

Еще до закрытия храма нависла угроза самому существованию здания. Хотя ни в одном из наказов депутатам Ленсовета о закрытии Владимирского храма не говорилось об уничтожении церковного здания, районный инспектор по делам культов Михайлова в своей докладной записке в президиум Смольнинского райсовета от 4 февраля 1932 года предложила «поставить вопрос о сносе Владимирской церкви (проспект Нахим-

сона, 20) и разбивке сквера на земельном участке церкви для широких трудящихся масс населения, принимая во внимание большую населенность и скученность построек и отсутствие зеленых насаждений в данном участке»¹.

Секретариат президиума райсовета одобрил предложение Михайловой и решил: «Принимая во внимание постановление правительства и партии о превращении города Ленинграда в образцовый социалистический город, снести Владимирскую церковь и на земельном участке, ныне занятом названной церковью, разбить сквер для трудящихся масс»². Решение было отправлено для утверждения в президиум Ленсовета.

Казалось, еще немного и произойдет непоправимое. Ситуацию изменило ходатайство Государственной Публичной библиотеки. Ее директор М. М. Добраницкий обратился в президиум Смольнинского райсовета: «Государственная Публичная библиотека в конце 1929 г. приступила к созданию специальной антирелигиозной библиотеки, ставя своей задачей всемирное продвижение антирелигиозной литературы в массы трудящихся... В результате двухлетней работы на базе законсервированных фондов б. библиотеки Духовной академии и б. отдела кадров Государственной Публичной библиотеки поставленные задачи не могут быть реализованы должным образом. Территориальное положение библиотеки (б. Александро-Невская лавра, Обводный канал, 17-б) не позволяет ей развернуть свою работу. Отдаленность библиотеки от центра и неудобство сообщения лишают библиотеку читательских кадров, а следовательно, подрывают всю ее работу... В течение 1932 г. антирелигиозное отделение должно стать опорой Областной антирелигиозной библиотеки, взяв на себя руководство

всей антирелигиозной работой сети политпросветских и профсоюзных библиотек Ленинграда и области с тем, чтобы к началу 1933 г. подойти к реорганизации во Всесоюзную антирелигиозную библиотеку. Поэтому вопрос переброски антирелигиозного отделения Государственной Публичной библиотеки в центр города — вопрос жизни и смерти для библиотеки, вопрос усиления фронта борьбы с религией или его ослабления [...]

Ныне Государственной Публичной библиотеке стало известно, что в ближайшие дни предстоит закрытие Владимирского собора на просп. Нахимсона. Осмотрев означенную церковь, Публичная библиотека пришла к убеждению, что она является вполне удовлетворяющей всем требованиям антирелигиозного отделения. Церковь эта находится в самом центре города [...]. Далее, указанная церковь по своим размерам и по своей архитектурной конструкции — в два этажа, с рядом отдельных помещений — вполне удовлетворяет потребностям антирелигиозного отделения и дает возможность, помимо большого читального зала и книгохранилища, организовать также и особые кабинеты для занятий научных работников на антирелигиозном фронте, устраивать выставки, доклады, собрания, беседы и т. п.

Весьма существенным является также наличие во Владимирском соборе амосовского отопления, дающего несравненно большую гарантию пожарной безопасности, чем печное отопление, что для столь ценного книгохранилища представляется чрезвычайно важным. В дальнейшем представится, без сомнения, возможность присоединить эту церковь к теплофикационной магистрали, что еще более обеспечит ее безопасность в пожарном отношении.

Наконец, весьма важное значение имеет и то обстоятельство, что названная церковь по своему устройству и оборудованию (деревянные и паркетные полы, отсутствие церковной живописи непосредственно на стенах, надлежащее распределение света и т. п.) потребует для своего переоборудования не более 45 тыс. рублей, каковая сумма именно для данной цели отпущена ГПБ Наркомпросом... На основании всего вышеизложенного Государственная Публичная библиотека обращается к Президиуму с убедительной просьбой о предоставлении ей упомянутого здания Владимирского собора»³.

Учтя ходатайство ГПБ, президиум Ленсовета 3 марта 1932 года принял следующее постановление: «[...]собор считать ликвидированным, здание передать в распоряжение Публичной библиотеки»⁴.

Сектор науки Наркомата просвещения РСФСР выразил свое согласие с решением Ленсовета и счел «такое использование возможным при условии оставления в неприкосновенном виде наружной архитектуры церкви и колокольни (с удалением крестов) и максимального сохранения художественной части внутреннего оформления (иконостас верхней церкви, лепнина и т. д.). Здание Владимирской церкви построено по планам Растрелли и закончено архитекторами Мельниковым и Руска. Переоборудование должно быть согласовано с Ленинградполитпросветцентром»⁵.

Президиум Смольнинского райсовета санкционировал переезд в церковное здание отделения ГПБ только 7 июля. В этот же день Михайлова передала на хранение представителям Государственной Публичной библиотеки иконостас главного придела верхнего храма, а 2 августа был подписан акт передачи библиотеке всего церковного здания. Вскоре власти стали требовать

Северная часовня

В советское время здесь размещалось справочное бюро

скорейшего занятия пустующего храма. 8 октября 1932 года Ленинградская комиссия по размещению учреждений при президиуме Ленсовета сообщила заведующему антирелигиозным филиалом ГПБ о необходимости произвести переселение и освободить помещение на набережной Обводного канала, дом № 17 в десятидневный срок для Ленинградского научно-исследовательского института цемента.

В извещении подчеркивалось: «Постановление комиссии является окончательным и в случае невыполнения будет выполнено комиссией без последующего о том предупреждения... административными мерами, с отнесением на ваш счет всех расходов на переселение». Комиссия также уведомила директора ГПБ, что неисполнение ее «предложений в указанные сроки повлечет привлечение директора библиотеки к ответственности по линии КК-РКИ с применением комиссией всех предоставленных ей прав для освобождения помещения»⁶.

Сроки переезда были установлены совершенно нереальные, и в октябре Ленинградский научно-исследовательский институт цемента смог занять лишь часть передаваемого ему здания. 11 июня 1933 года у председателя Ленинградской комиссии по уплотнению и перенесению учреждений было заключено более реалистичное соглашение между директорами ГПБ, НИИ цемента и Ленинградского института инженеров промышленного транспорта (ЛИИПТ), согласно которому библиотека окончательно освобождала здание на Обводном канале при условии переоборудования Владимирской церкви для хранения книг за счет ЛИИПТ. Именно этому институту НИИ цемента должен был официально передать все помещения после вывоза книг.

20 июня представители ГПБ и ЛИИПТ подписали договор, в котором говорилось: «Переоборудование здания б. Владимирской церкви должно быть произведено институтом согласно проспекта работ, [...] в основном сводящегося к следующему: а) Устройству во 2-ом этаже междуярусного перекрытия с лестницами специальной конструкции под библиотечную нагрузку, площадью приблизительно в 500 кв. метров. б) Оборудование второго этажа стеллажами двухъярусной конструкции с передвижными полками в количестве приблизительно 7200 погонных метров. в) Устройству системы центрального отопления взамен ныне существующего калориферного, с постройкой здания самостоятельной котельной и полным оборудованием последней. г) Устройству осветительной электропроводки для площади освещения около 2000 кв. метров. д) Устройству в здании б. Владимирской церкви уборных, курительной комнаты. е) Общему санитарному ремонту здания». Ориентировочная стои-

мость работ определялась в 190 000 рублей, их планировалось закончить к 1 января 1934 года⁷.

Хотя работы по переделке здания церкви начались, в октябре 1933 года на него появились новые претенденты. В президиум Ленсовета обратились с докладной запиской начальник Военно-политической академии РККА им. Толмачева Иппо и председатель Ленинградского областного совета Осоавиахима Флигельман. Они предложили перевести в храм Аэромузей аэроклуба Осоавиахима, потому что прежнее музейное здание на Кирочной улице (дом № 41б) срочно понадобилось академии: «Расположенный в весьма удобном районе, имеющий обширные и высокие залы с массивными пилонами, с большими боковыми поверхностями, этот собор позволит развернуть Аэромузей, как подлинный, массовый центр авиатехнической пропаганды города Ленинграда. Это помещение в настоящее время частично занято небольшим библиотечным фондом антирелигиозного отделения Публичной библиотеки, для каковой цели и вполне достаточной, и легко приспособленной может быть любая церковь, например, почти рядом находящаяся на углу ул. Марата и Кузнечного пер.». Эти доводы возымели свое действие, и вскоре был подготовлен проект постановления о предоставлении библиотеке к 1 ноября 1933 года другого помещения⁸.

Но ГПБ оказала упорное сопротивление. Ее директор отправил письма с протестом в массполитпросветотдел Ленсовета и Наркомат народного просвещения Н. К. Крупской. Он категорически возражал против перевода в Никольский храм на улице Марата «крупнейшей в СССР антирелигиозной библиотеки, имеющей исключительное значение для пропаганды безбожия в Ленинграде и области, так как эта церковь уже

неоднократно осматривалась ГПБ до получения б. Владимирской церкви и признана совершенно непригодной, как по своей структуре (абсолютно темное помещение), так и по своему объему для нужд антирелигиозной библиотеки с ее почти полумиллионным фондом». М. М. Добраницкий ссылаясь на решение ВЦИК, постановления СНК РСФСР от 11 марта 1930 года «Об обеспечении библиотеки и читален необходимыми помещениями», сообщал, что уже затрачено на ремонт и переоборудование церкви около 120 000 рублей, перевезено свыше 100 000 книг, установлено до 1000 метров стеллажей и т. д.⁹

Реакция последовала быстро. На имя председателя Ленсовета Кадатского поступило резкое письмо за подписью заместителя Народного комиссара по просвещению Крупской: «Наркомпрос категорически возражает против... переселения, так как 1) это нанесет явный ущерб работе крупнейшей антирелигиозной библиотеки ввиду того, что намечаемое в докладной записке Толмачевской академии для антирелигиозной библиотеки помещение другой б. церкви (на углу ул. Марата и Кузнечного пер.) является совершенно не подходящим для этой цели, 2) Публичная библиотека затратила значительную сумму средств на внутренний ремонт и приспособление б. Владимирской церкви. Наркомпрос просит Вас принять меры к недопущению переселения антирелигиозной библиотеки»¹⁰.

Отреагировал и массполитпросвет. Его заведующий написал секретарю городского совета Назаренко: «Массовый отдел Ленсовета считает наиболее целесообразным оставление антирелигиозного отдела ГПБ в ныне занимаемом им помещении с предоставлением Аэроклубу и музею другого помещения». И 23 декабря массовый

отдел сообщил президиуму Ленсовета, что по его мнению «намеченное переселение наносит ущерб интересам библиотеки и поэтому является нецелесообразным». В итоге Владимирский храм остался за Публичной библиотекой. На докладной записке массполитпросветотдела сохранилась резолюция Назаренко: «В дело. Здание церкви на просп. Нахимсона оставлено ГПБ»¹¹.

Работы по переоборудованию Владимирского храма под библиотеку завершились в 1934 году. Ленинградский институт инженеров промышленного транспорта не успел выполнить их в срок до 1 января и был вынужден по условиям договора выплатить ГПБ неустойку в 25 000 рублей. Таким образом, через 2 года после своего закрытия церковь превратилась в «центр антирелигиозной работы».

В 1930 году храму Владимирской иконы Божией Матери угрожало снятие позолоты с куполов. В этот период согласно постановлениям Совета труда и обороны от 5 июля 1929 года и 8 апреля 1930 года все предметы, покрытые драгоценными металлами, должны были передаваться хозяйственным отделам ОГПУ. Внесли эти органы свою немалую лепту и в уничтожение церковных ценностей. Так, еще 30 мая 1931 года уполномоченный ХОЗО ОГПУ по Ленинграду и области В. Лбовский писал в президиум Леноблисполкома о необходимости произвести смывку позолоты с куполов Исаакиевского собора, церкви Аничкова дворца, фресок Смольнинского собора и т. д. К счастью, не все из этих планов смогли осуществиться.

5 июня 1933 года хозяйственный отдел полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе обратился в президиум Ленсовета с просьбой «разрешить снять позолоту

с куполов церквей Новодевичьего монастыря и Владимирской церкви на просп. Нахимсона». Управление Государственной Публичной библиотеки сообщило «уполномоченному по смывке золоченки» Чубарову, «что с его стороны не встречается возражений против снятия позолоты с б. Владимирской церкви при условии сохранности покрытия куполов и их покраски». Бюро охраны памятников революционной культуры Ленполитпросветцентра выразило свое согласие на предлагаемую акцию еще раньше. Однако Леноблисполком занял более осторожную позицию. Принятая им 20 июня резолюция гласила: «Вопрос Владимирского собора остался без решения, а Новодевичий необходимо т. Чубарову согласовать непосредственно с районным советом и в случае разрешения обязать немедленно покрыть тоновой краской»¹². Позолота на куполах церкви в то время сохранилась. Но в середине 1930-х годов ее все-таки «смыли».

27 июня 1933 года президиум Леноблисполкома и Ленсовета постановил запретить колокольный звон в церквях Ленинграда. Через несколько месяцев началась широкомасштабная кампания по снятию и переплавке колоколов с действующих церквей. Проводилась она по всей области в соответствии с директивами Совнаркома, тщательный учет бронзы шел по линии ОГПУ. В 1933 году были сняты с колокольни и сданы «Металлолому» и колокола Владимирской церкви.

В конце 1930-х годов в обстановке разгула антирелигиозных гонений и репрессий вновь появилась угроза уничтожения Владимирской церкви, причем сначала только колокольни. 17 мая 1938 года президиум Ленсовета принял постановление, подписанное его председателем А. Пет-

ровским: «Поручить комиссии в составе гг. Беатус, Морозова и Савоненковой в трехдневный срок представить предложения о сносе бывшей колокольни, возможности снятия куполов церкви и целесообразном использовании здания бывшей церкви на просп. Нахимсона»¹³.

Колокольня все же уцелела, но весной 1941 года опасность нависла уже над самим храмом, что было связано с началом работ по строительству Ленинградского метрополитена. В принятом 1 марта 1941 года Ленгорисполкомом секретном решении № 25 «О расположении станций строительства № 5» говорилось: «1) Утвердить следующее расположение станций, вестибюлей и входов: ...2) Станция «Площадь Нахимсона» — станцию расположить между площадью Нахимсона и 5-ю улицами. Первоочередной вестибюль расположить на площади Нахимсона со сносом бывшей Владимирской церкви...». Этим же решением Куйбышевскому райисполкому предписывалось «немедленно приступить к мероприятиям, связанным с освобождением площадок для сооружения станций в сроки, намеченные начальником строительства № 5»¹⁴.

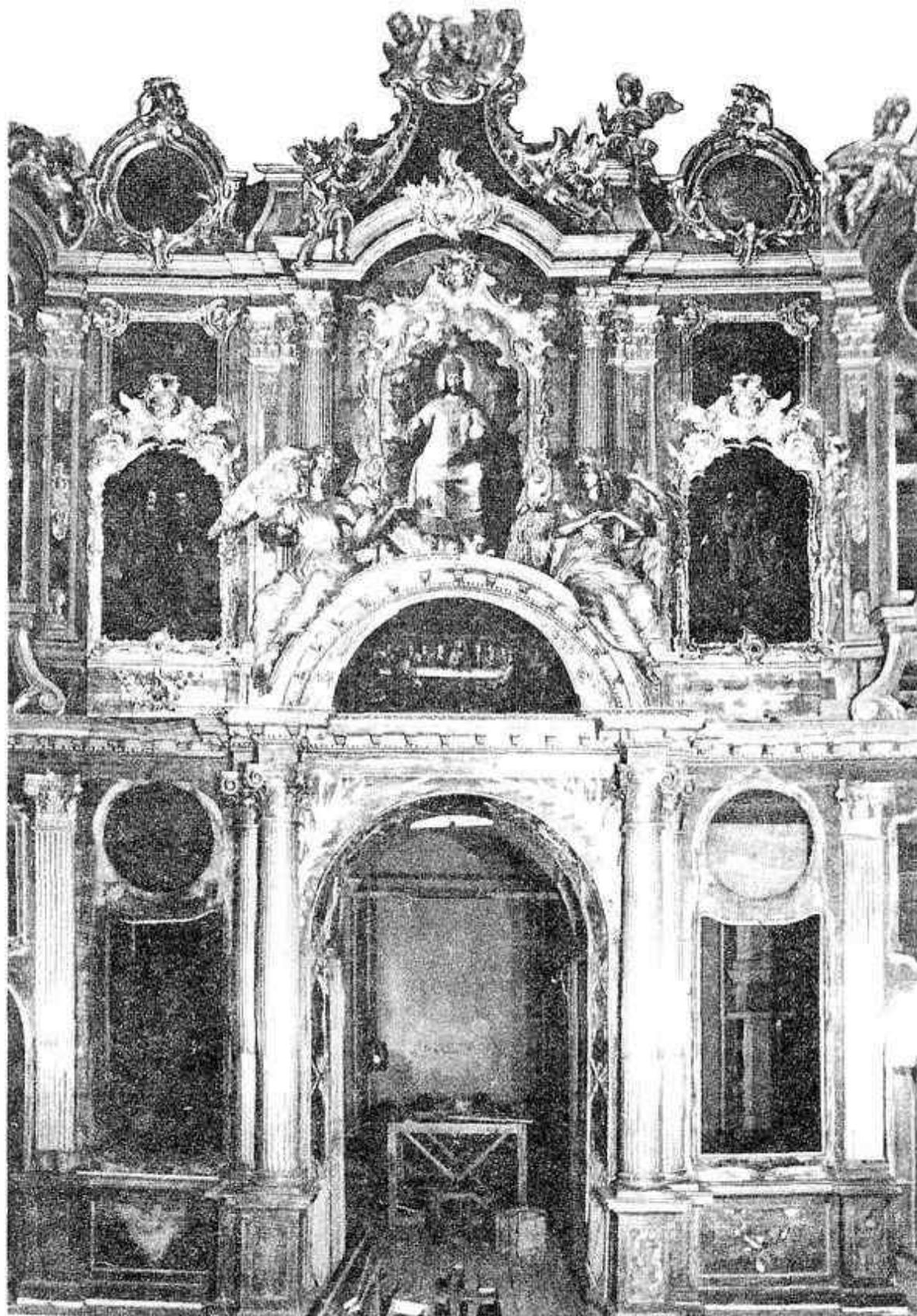
25 марта Ленгорисполком принял еще одно секретное решение № 33: «1. В связи со сносом здания бывшего Владимирского собора обязать директора Государственной Публичной библиотеки (т. Вольперт) к 20/IV-с. г. освободить помещение быв. Владимирского собора. 2. Передать Государственной Публичной библиотеке для книгохранилища взамен бывшего Владимирского собора здание (быв. костел) по пр. 25 Октября д. 32/34. 3. Экспонаты исторического отдела Государственного Этнографического музея из здания по пр. 25 Октября д. 32/34 перевести в здание музея Штиглица к 15/IV-с. г. ...»¹⁵.

Это решение уже даже начало осуществляться: сотрудники ГПБ подготовили к вывозу из здания Владимирской церкви в бывший польский костел около 100 машин груза, но вывезти его было некуда, так как Этнографический музей не освобождал свои помещения.

К счастью, и эта вторая попытка снести храм Владимирской иконы Божией Матери не удалась. Спасло его активное сопротивление отдела по охране памятников истории и культуры, общественности города.

Под их давлением 28 апреля 1941 года Ленгорисполком вынес окончательное секретное решение № 43: «Учитывая, что здание Владимирской церкви является памятником XVIII века государственного значения, Исполком Ленгорсовета депутатов трудящихся решает: 1. Во изменение решения Исполкома от 25/III-1941 г. за № 33 здание бывшей Владимирской церкви и колокольни сохранить. 2. Поручить архитектурно-планировочному управлению Исполкома Ленгорсовета и отделу охраны памятников совместно со строительством № 5 определить место строительства наземного вестибюля. 3. Обязать строительство № 5 обеспечить соответствующими техническими мероприятиями сохранность зданий при производстве строительных работ на участке»¹⁶.

В годы Великой Отечественной войны Владимирская церковь, как и почти все здания в центре города, пострадала от бомбежек и налетов. После снятия 900-дневной блокады в 1944 году проспекту Нахимсона (названному так в 1919 году в честь председателя Ярославского губисполкома С. М. Нахимсона, расстрелянного 6 июля 1918 года во время Ярославского мятежа) было возвращено его первоначальное название — Владимирский.

Главный иконостас

Так выглядел главный иконостас в дни передачи храма верующим в 1989 г.

Площадь же Нахимсона вновь стала Владимирской только в 1950 году.

Станцию метро «Владимирская» первой в городе Кировско-Выборгской линии открыли 15 ноября 1955 года. При оформлении перронного зала были использованы мотивы ордерной архитектуры эпохи классицизма, отчасти навеянные расположенным поблизости храмом. Наземный вестибюль оказался встроен в здание института «Ленметрогипротранс» на Владимирской площади, и таким образом постройки, расположенные в церковной ограде, не пострадали. Со временем значение Владимирского храма как выдающегося произведения искусства становилось все более очевидным. В 1960 году Совет Министров РСФСР принял специальное постановление, в котором церковь признавалась памятником архитектуры.

После войны долгое время здание было занято фабрикой «Ленмашучет», в его помещениях работали станки, что принесло постройке очевидный вред. Как сообщают в своем справочнике современные петербургские историки В. В. Антонов и А. В. Кобак, «в народе ходили рассказы, что внутри временами являлся призрак старого священника, своим видом укорявший осквернителей церкви»¹⁷.

Храм постепенно приходил в упадок. В одной из газетных публикаций сообщалось: «Иконостас, который Н. Бердяев называл границей между миром видимым и невидимым, оказался обшит досками, чтобы не отвлекать работников излишними красотами, а в алтаре — „пространстве неотмирном“ — стояли канцелярские столы»¹⁸. В бывшем флигеле, где жили перед закрытием церкви члены причта и сторожа, находилась станция «Скорой помощи», на месте церковного сада и пруда была устроена стоянка машин. Только

Храм Владимирской иконы Божией Матери
В таком удручающем состоянии он был возвращен Церкви

возвращение храма верующим могло спасти старинный архитектурно-художественный ансамбль от постепенного разрушения и вернуть ему прежнее духовное значение.

Глава 10

Возрождение храма

После празднования 1000-летия Крещения Руси положение Русской Православной Церкви коренным образом изменилось. Началось ее бурное возрождение и массовое открытие храмов. Летом 1989 года Ленгорисполком принял решение о возвращении верующим Владимирской церкви, ставшей одним из первых храмов, возобновивших богослужения после долгих лет запустения. Немало трудов и молитв положил для открытия храма митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (Редигер), нынешний Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Меньше, чем за год храм был подготовлен для освящения. В праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, 7 апреля 1990 года, Владыка Алексий лично освятил верхний главный престол в честь Владимирской иконы Божией Матери.

Настоятелем ее является правящий архиерей Санкт-Петербургской епархии. При открытии храма настоятелем был митрополит Алексий, после избрания его на патриарший престол настоятелем стал митрополит Иоанн (Снычев). В настоящее время это Владыка Владимир. Ключарем, заместителем настоятеля, с апреля 1990 года по настоящее время является митрофорный протоиерей Владимир Фоменко. Приходской штат духовенства состоит из пяти священников, трех диаконов и двух псаломщиков.

Служение во Владимирском соборе
Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси Алексия II

Настоятель Владимирского собора митрополит
Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир

Хор певчих в составе 30–40 человек бессменно возглавляет регент Людмила Александровна Герасимова. В 1991 году была выпущена грампластинка с записью духовной музыки в исполнении хора Владимирской церкви.

Во Владимирской церкви часто совершает архиерейские богослужения митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир.

Храм был возвращен епархии в плачевном состоянии. Корреспондентка «Вечернего Ленинграда» Ирэна Степанова писала в июле 1990 года: «Состояние его [храма] крайне тяжелое и требует многолетних восстановительных работ. Утрачена часть оконных переплетов и решеток на окнах, разбиты стекла, сыплются облупившиеся стены, золотые главки куполов превратились в ядовито-зеленые, крестов нет... Пока торчат из стен старые крюки, на которых висели когда-то богато украшенные иконы, а под высоким куполом — грязным, осыпающимся — обезглавленный Ангел с изломанными крыльями... Он был прекрасен — далекий недосягаемый Ангел под высоким куполом церкви. Его можно было увидеть только подняв голову к небу. Под сенью этих белоснежных крыльев, вознося уединенные молитвы с верой в то, что жизнь человеческого духа бессмертна, сменялись поколения. Их здесь крестили, венчали, отпевали... Но однажды пришли люди, строившие новый мир, и соорудили под куполом перекрытие, превратив его в заброшенный чердак. В пустые глазницы окон залетали ветер, дождь и снег. Там, в мусоре, разбитых стеклах, голубином помете его и нашли. Я держу снесенную голову Ангела, и на меня обращены его обезумевшие глаза на изуродованном каменном лице».

Здание храма требовало незамедлительных обширных реставрационных работ. Внутренние по-

Новый каркас для купола над алтарной апсидой
Фото 2000 г.

мещения были обезображены многочисленными перегородками, арматурой вентиляционной, канализационной и коммуникационной систем. Имелись трещины в куполах и фундаменте. Последний реставрационный ремонт здания, проводившийся в 1970-х годах СНПО «Реставратор», касался только восстановления фасадов и совершенно не затронул интерьеров храма. Пришлось начинать, как говорится, с нуля.

Первым председателем приходского совета был назначен протоиерей Василий Марков. На его долю выпали трудности первого периода восстановления, когда храм надо было очистить от гор мусора, разобрать перегородки, настелить полы, найти средства, приобрести необходимые для работ материалы. В августе 1991 года В. Маркова сменил Иван Сергеевич Раевский, бессменно

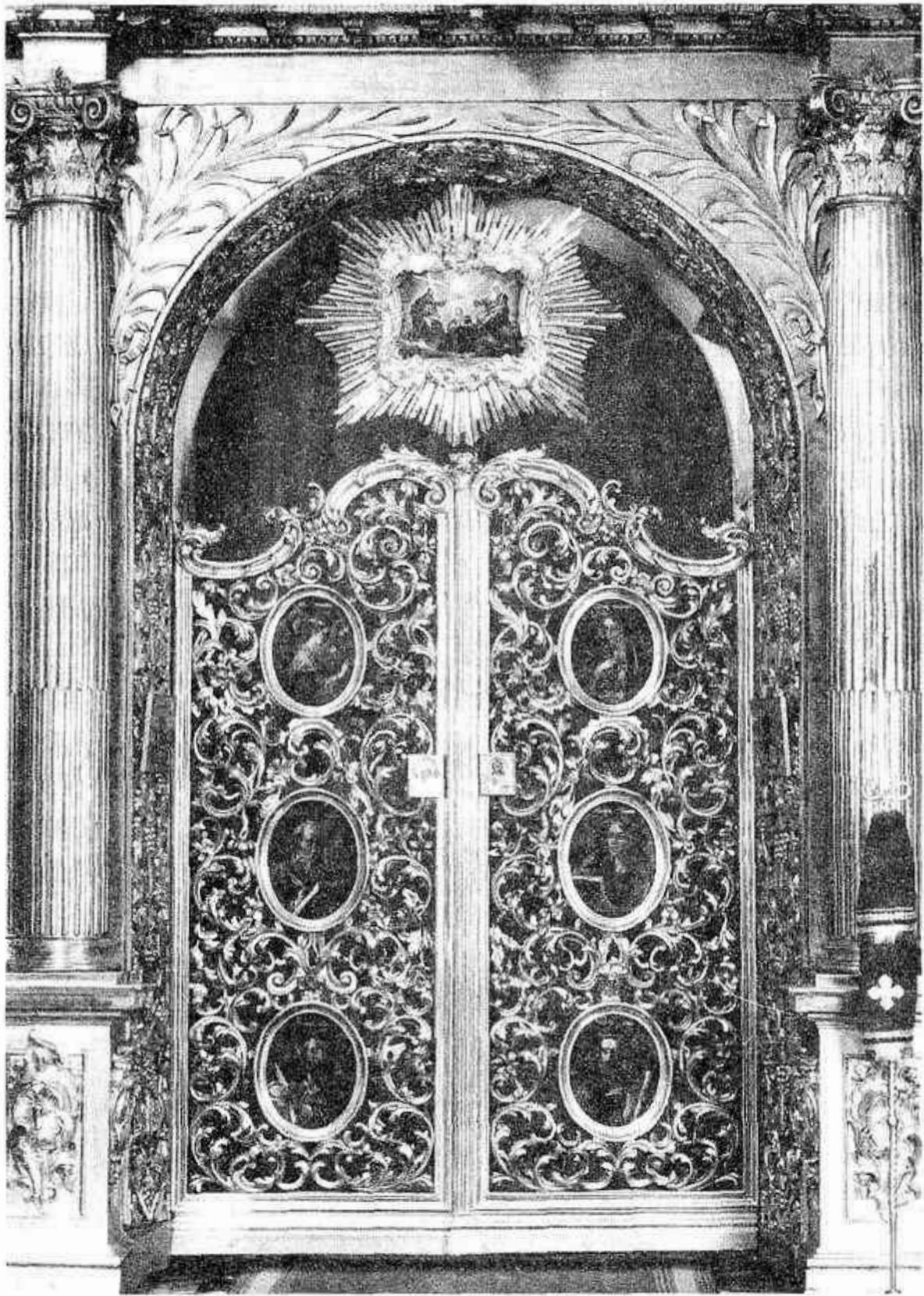
возглавляющий приходской совет по настоящее время.

Его стараниями для проведения масштабных реставрационных и ремонтных работ при храме созданы мастерские, возглавляемые опытными специалистами: архитектурная (церковный архитектор Ю. В. Кирс), резчиков-реставраторов по дереву (В. К. Чекушин), позолотно-реставрационная (В. С. Кайчук), иконописно-реставрационная (Л. В. Медведева), а также столярная и пошивочная мастерские. За труды по возрождению храма И. С. Раевский награжден орденами Русской Православной церкви Святого князя Владимира III степени и Святого преподобного Сергия Радонежского III степени.

После первоочередных восстановительных работ главным делом было восстановление купольных крестов. В 1992 году изготовили титановые кресты, покрытые сусальным золотом. После того как их торжественно освятил ключарь храма протоиерей Владимир Фоменко, кресты при помощи верхолазной техники водрузили на купола. Позже установили еще два креста на купола часовен. Наконец, в 1994 году был поднят последний, десятый, крест на купол колокольни.

Купол и кровля церкви, двух часовен и колокольни находились в крайне запущенном состоянии. При реставрации проржавевшие железные листы полностью заменили медными. Купол над алтарной апсидой, сгнивший от протечек в советское время, был также отреставрирован.

Немало пришлось потрудиться и над тем, чтобы вернуть былой облик стенам церкви. С 1993 по 2004 год дважды проводились реставрационно-окрасочные работы на фасадах зданий церкви, колокольни и часовен. Лепной декор и внутренние стены верхнего храма также потребовали

Воссозданные Царские врата главного иконостаса

кропотливой реставрации, которая продолжалась с 1991 по 2004 годы.

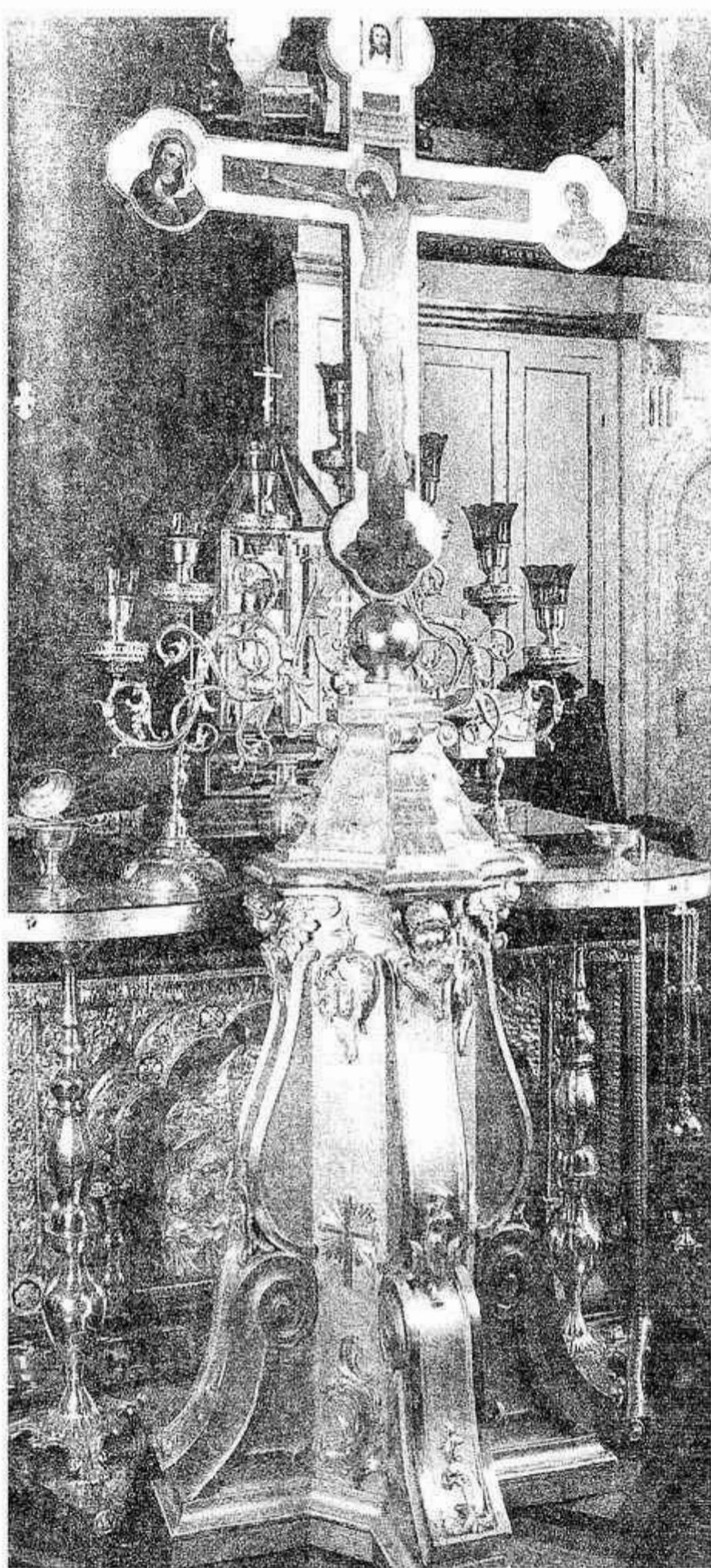
Серьезная и кропотливая работа проводится по воссозданию растреллиевского иконостаса центрального придела в честь Владимирской иконы Божией Матери. Ведь общий объем утрат резных украшений составлял около 30%. Восстанавливая Царские врата, реставраторы собрали их из разрозненных, чудом сохранившихся кусочков, дополнили недостающими фрагментами, и сегодня этот художественный шедевр предстал перед нами в своей прежней красе, сияя нарядной позолотой.

В верхнем храме, в двух приделах (один из них освящен в честь святых мучениц Веры, Надежды, Любви и Софии, другой — в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость») воссозданы боковые иконостасы в стиле барокко.

В 2004 году планируется приступить к восстановлению нижнего трехпрестольного храма, интерьеры которого утрачены полностью.

Когда храму возвратили бывший приходской двухэтажный дом, в котором прежде размещалась городская подстанция «Скорой помощи», в здании были надстроены третий и четвертый мансардные этажи. После завершения отделочных работ в этом доме разместятся комната отдыха священников, кабинеты администрации, библиотека, склады, классы воскресной школы, трапезная.

Храм постепенно наполняется иконами и церковной утварью. Часть икон передана сюда на временное хранение из Государственного Русского музея, Музея истории города, Музея истории религии. Немало икон приносили верующие, многое приобретено храмом на собственные средства, часть икон написана по заказу. Так, в алтаре появились настенные иконы святого Василия

Запрестольный крест
Архитектор Ю. В. Кирс

Великого и святого Иоанна Златоуста, храмовые иконы святой Ксении Петербургской, святого Иоанна Кронштадтского, святого князя Владимира, святого преподобного Серафима Вырицкого с частицей его мощей. Уникальные оклады для двух храмовых икон и напрестольной дарохранительницы выполнены из резной ископаемой мамонтовой кости.

Главные святыни храма появились уже после его возрождения. Это храмовая икона Владимирской Божией Матери, икона Спаса Нерукотворного, освященная в 1904 году святым Иоанном Кронштадтским, и икона святого Серафима Саровского с частицей мощей.

Территория церковного сада тоже благоустроивается, здесь проложена дождевая канализация, разбиты газоны и дорожки, высажены молодые липы, яблони, появились кустарники и цветы. При снятии грунта рабочие обнаружили обломок колокола весом до 25 кг, сброшенного в 30-е годы XX века с колокольни. Теперь он хранится в коллекции церковного музея.

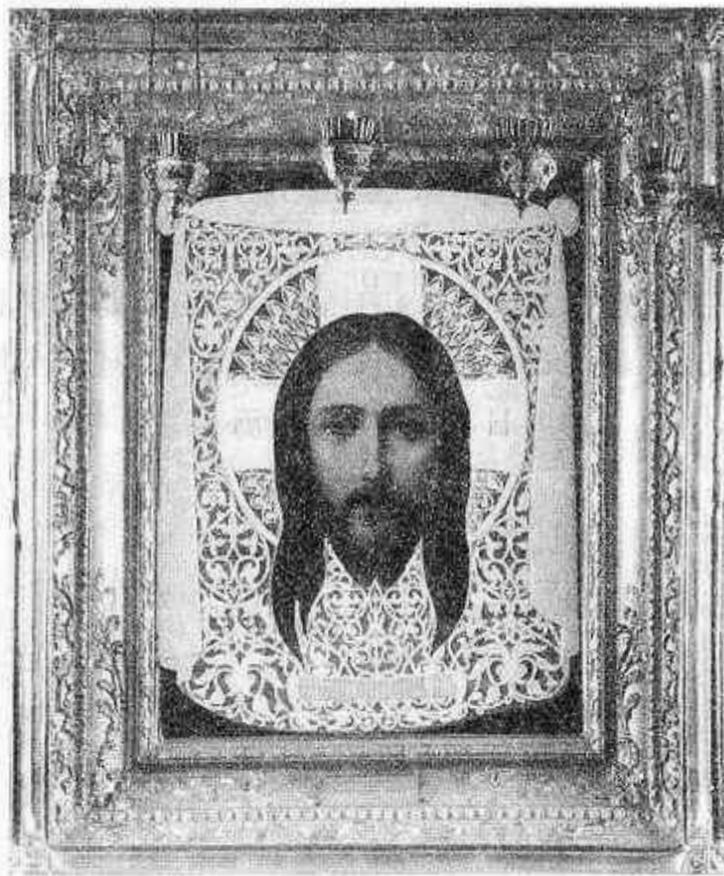
Пополнилась новыми колоколами звонница колокольни. Звонари собора ежегодно участвуют в звонницкой неделе, проходящей в рамках Пасхального фестиваля. В 2001 году выпущен лазерный диск «Звоны собора Владимирской иконы Божией Матери».

С восстановлением храма возрождается и приходская жизнь. С 1991 года при храме действуют приходская воскресная школа и детский хор. Позднее здесь возникла школа звонарей. Бессменным руководителем и преподавателем детского хора является И. В. Болдышева. Детский хор принимает участие в ежегодном Пасхальном фестивале, выступая в залах Капеллы и Филармонии. По воскресным дням хор исполняет всю раннюю

Хоругвь

Выполнена в мастерской Владимирского собора

Икона «Нерукотворный образ Спасителя»
Оклад из резной кости. Резчик О. Б. Милицин

литургию, а в каникулы хористы совершают паломничество по монастырям России, где поют во время богослужений. Детский хор в честь святого Иоанна Дамаскина собора Владимирской иконы Божией Матери стал дипломантом Всероссийского конкурса детских хоров при воскресных школах, который проводился в городе Сортавала, и Международного фестиваля церковной музыки в городе Гайновке (Польша). За годы существования детского хора выпущено три лазерных диска с рождественскими песнопениями и церковными песнопениями византийской традиции.

Прошло время, и дети, занимавшиеся в воскресной школе и детском хоре в начале 1990-х годов, венчаются в храме на Владимирской и приносят сюда крестить своих детей.

Возрождается прерванная связь времен, вновь мы видим преемственность поколений, восстанавливается церковно-приходская жизнь, все возвращается на круги своя.

В 2001 году по указу митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира в честь 2000-летнего юбилея Рождества Христова обновленная церковь на Владимирской площади переименована в собор Владимирской иконы Божией Матери.

Часть II

**ПРИПИСНЫЕ
И БЛИЗЛЕЖАЩИЕ ЦЕРКВИ**

Приписные домовые церкви

Помимо служения в своем храме духовенство Владимирской церкви обслуживало и приписанные к ней домовые церкви. Впрочем, таковых было немного. В 1868–1884 годах в соседнем с церковью доме, на Кузнечном переулке, 2 (ныне банк), находилась домовая церковь. Церковь на верхнем этаже двухэтажного здания была устроена Марией Николаевной Каншиной во имя преподобного Василия Исповедника — небесного покровителя ее скончавшегося мужа, Василия Семеновича Каншина. После смерти вдовы церковь упразднена.

Недолго, в 1852–1867 годах, действовала церковь Воскресения Христова в доме грузинских царевен на Владимирском проспекте (дом № 14), устроенная в память царевича Фарнаваза его дочерью, Еленой Отаровной. В доме хранилась семейная святыня — ковчег с частицами мощей великомученика Георгия, святителя Иоанна Златоуста, ризы Божией Матери и Креста Господня. После закрытия церкви святыня передана в Царскосельский собор.

К Владимирской церкви была приписана церковь Рождества Христова (Рождественская) во дворце князей Белосельских-Белозерских. В 1797 году участок с двухэтажным строением

на углу Невского проспекта и Фонтанки приобрела княгиня А. Г. Белосельская-Белозерская (урожденная Козицкая). Через два года архитектор Ф. И. Демерцов перестроил здание во входящем в моду стиле ампир. В 1810 году в дворецовой флигеле была устроена круглая в плане домовая церковь, освященная 22 сентября 1818 года. В 1847 году дворец был перестроен архитектором А. И. Штакеншнейдером в стиле неobarocko. Им же была расширена церковь, сделан новый иконостас. В новом виде церковь была освящена в 1852 году.

В 1884 году дворец перешел к великому князю Сергею Александровичу, брату императора Александра III как подарок к его бракосочетанию с принцессой Гессен-Дармштадтской Елизаветой, внучкой английской королевы Виктории. Это был брак по глубокой взаимной любви. Незадолго до свадьбы Елизавета писала бабушке о великом князе: «надеюсь, что он произведет на Вас приятное впечатление. Все, кто его знает, любят его и говорят, что у него правдивый и благородный характер». В начале лета 1884 года принцесса Елизавета прибыла в Петербург, и в начале июня состоялась свадьба.

«Редкая красота, замечательный ум, тонкий юмор, ангельское терпение, благородное сердце — таковы были добродетели этой удивительной женщины. [...] Проведя вечер в ее обществе и вспоминая ее глаза, цвет лица, смех, ее способность создать вокруг себя уют, мы приходили в отчаяние при мысли о ее близкой помолвке», — вспоминал великий князь Александр Михайлович¹.

Немецкая принцесса при венчании с великим князем могла не переходить в православие, и она осталась протестанткой. Венчание по православ-

Великая княгиня Елизавета Федоровна
Фото 1891 г.

ному обряду состоялось в церкви Зимнего дворца, а по протестантскому — в одной из гостиных. После пышного банкета молодые отправились во дворец на Невском проспекте, где их встречали по русскому обычаю хлебом-солью император Александр III и императрица Мария Федоровна. На следующий день во дворец прибыли представители иностранных государств, чтобы поздравить молодую пару.

Лето молодые провели в имении великого князя Ильинское, а тем временем петербургский дворец был переоборудован в соответствии со вкусами великого князя. Переделана была и церковь. Ее интерьеры были отделаны в русском стиле. Церковь была приписана к дворцовому ведомству,

и 20 октября 1884 года протопресвитер придворного духовенства Иоанн Янышев в присутствии членов императорской фамилии совершил освящение храма. Несмотря на приписку, владимирский причт в церкви служил редко, обычно служили иеромонахи с подворья Троице-Сергиевой лавры. Из святынь в церкви известна кипарисовая доска в окладе с частицами Креста Господня и мощей святых Евстратия, Иоанна Златоуста, Фоки, Лукиана, Дамиана, Лаврентия, Варвары, Иоанна Многострадального, Евфросинии, Алипия Столпника, Паисия, Марка Гробокопателя, Поликарпа Печерского и Иоанна Милостивого.

Великий князь Сергей, как все Романовы, был очень религиозен. Он был инициатором создания, а впоследствии и председателем Императорского Палестинского общества, целью которого была поддержка русской миссии в Палестине, изучение и сохранение древних святынь и поддержка русских паломников в Святых местах. И все же великий князь не торопил супругу с переходом в православие, и она вплоть до 1891 года оставалась в протестантской вере. «Сергей меня никогда не заставлял и не старался переубедить меня, он предоставил мне самой принять личное решение. И я сделала этот шаг совершенно сама. Конечно, он был несказанно обрадован, так как он начинал уже терять всякую надежду», — писала великая княгиня Елизавета отцу. В 1888 году вместе с супругом она совершила паломничество в Святую землю на освящение русского храма Святой Марии Магдалины. Этот храм построил император Александр III вместе с братьями Владимиром, Алексеем, Сергеем и Павлом в память своей матери императрицы Марии Александровны. Великолепный пятиглавый храм, выстроенный в русском стиле, сохранился до наших дней.

Великий князь Сергей
Фото около 1890 г.

Именно здесь ныне покоятся мощи святой княгини Елизаветы.

Поездка сыграла решающую роль: накануне Вербного Воскресенья 1891 года великая княгиня Елизавета приняла православную веру. Во время таинства перехода в православие, после святого миропомазания, император Александр III благословил свою невестку иконой Спаса Нерукотворного. Эту икону Елизавета свято чтит всю свою жизнь. «Вы должны были заметить, какое глубокое благоговение я питаю к здешней религии [...]. Я все время думала и читала и молилась Богу — указать мне правильный путь и пришла к заключению, что только в этой религии я могу найти всю настоящую и сильную веру в Бога, которую

человек должен иметь, чтобы быть хорошим христианином. Это было бы грехом оставаться так, как я теперь,— принадлежать к одной церкви по форме и для внешнего мира, а внутри себя молиться и верить так, как мой муж. [...] Я так сильно желаю на Пасху причаститься Святых Тайн с моим мужем»,— писала Елизавета отцу накануне своего перехода в православие. При рождении она была названа в честь одной из своих прародительниц святой Елизаветы Тюрингской, поэтому при переходе в православие не захотела расстаться с этим именем, а только избрала себе новую небесную покровительницу — почитаемую в православии святую праведную Елизавету, мать Иоанна Крестителя.

Рождественская церковь была свидетельницей и тайных молитв Елизаветы во времена ее протестантства, и мучительных сомнений и раздумий перед принятием столь важного решения, и радости от участия в любимом ею православном богослужении. Хотя, конечно, в петербургском дворце они с мужем постоянно жить не могли. Великий князь Сергей был генерал-губернатором Москвы, и большую часть времени супруги проводили там или в имении Ильинское. Зимой 1904 года страшная трагедия потрясла царскую семью: 4 февраля в Москве бомбой, брошенной революционером Каляевым, был убит великий князь Сергей. Великая княгиня Елизавета была дома, когда услышала взрыв, и, даже не надев шубы, бросилась на улицу, к мужу. Но трагедия уже свершилась. Потрясенная женщина молча стала собирать с окровавленного снега останки тела любимого мужа, разорванного взрывом в клочья.

После похорон мужа великая княгиня осталась в Москве и полностью посвятила себя делам

милосердия. Она основала Марфо-Марьинскую общину сестер милосердия и стала ее настоятельницей. Весной 1918 года, на третий день Пасхи, она была арестована новой властью, вместе с другими членами царской фамилии была выслана в Алапаевск, где и расстреляна в июле 1918 года.

Дворец в Петербурге Елизавета Петровна вскоре после смерти мужа отдала своему племяннику, великому князю Дмитрию Павловичу. Во время Первой мировой войны он устроил во дворце госпиталь и церковь использовалась для его нужд. В 1917 году, сразу же после революции и упразднения Дворцового ведомства, церковь была закрыта.

Глава 2

Церкви учебных заведений

Церковь Преображения Господня при Первой гимназии

На территории бывшей Дворцовой слободы, к западу от Владимирской церкви, еще в 1733 году была проложена улица, получившая с 1826 года название Кабинетской (ныне улица Правды). Здесь жили служащие Кабинета Его Императорского Величества — учреждения, ведавшего имуществом царских дворцов.

Жители Кабинетской улицы были прихожанами Владимирской церкви. В июле 1820 года часть земель близ Семеновского плаца была приобретена Министерством народного образования для университета и Благородного пансиона. Это большой участок, ограниченный с востока и запада Ивановской (ныне Социалистической) улицей и 7-й линией Семеновского полка (ныне Звени-

городская улица), с юга — Кабинетской улицей (ныне улицей Правды), а с севера — частными участками, выходящими на Загородный проспект.

Благородный пансион был основан в 1817 году при Главном педагогическом институте, но первоначально размещался в частном доме у Калинкина моста. Институт же, на базе которого в 1819 году был учрежден Императорский Санкт-Петербургский университет, до 1809 года занимал здание Двенадцати коллегий, а позже — казенное здание на 6-й линии Васильевского острова. Приобретение такого большого участка решало многие проблемы экономического характера и было удобно для организации учебного процесса. Летом 1820 года начались работы по перестройке существующих и постройки новых учебных зданий. Лицевой фасад нового здания выходил на Кабинетскую улицу. Левое крыло, выходящее торцом на Звенигородскую, предназначалось для университета. В правом разместились учебные, жилые и хозяйственные помещения Благородного пансиона.

В 1820–1821 годах приступили к устройству собственной церкви для обоих учебных заведений. Поскольку казенных средств на церковь не выделили, то было получено Высочайшее позволение, «чтобы устройство церкви во имя Преображения Господня при доме, приобретаемом для Благородного пансиона Санкт-Петербургского университета, заготовление церковной утвари, ризницы и всего к церкви принадлежащего, произвести на счет добровольных приношений родителей воспитанников и других благонамеренных особ»².

Хотя церковь строилась на средства, собранные Благородным пансионом, разместилась она в левом крыле, предназначенном для университета.

В верхнем этаже церкви по проекту архитектора П. Д. Шретера была устроена домовая церковь с деревянным куполом. Иконостас исполнили охтинские мастера Логинов и Брызгалов, иконы написал известный художник, академик живописи Д. Антонелли, материю для ризницы поставил купец Лихачев, утварь была приобретена в мастерских купца Яковлева. Утварь, ризницу и Евангелие подарил в храм Государь Император Александр I. Церковь имела отдельный вход со стороны Кабинетской улицы. Работы были завершены к осени 1821 года, и 24 октября церковь была освящена архимандритом Григорием в честь Преображения Господня.

Законоучителем Благородного пансиона в этот период был протоиерей А. И. Малов, настоятель церкви Архангела Михаила Инженерного замка. А настоятелем пансионской церкви стал приписанный к пансиону с самого его основания иеромонах Александро-Невской лавры Мельхиседек. С 1827 по 1836 год настоятелем церкви был Василий Борисович Бажанов, известный популяризатор церковного учения, впоследствии протопресвитер придворного духовенства. В 1835 году он был приглашен преподавать Закон Божий наследнику-цесаревичу Александру Николаевичу, а с 1849 года стал духовником Царствующего Дома.

В 1823 году на Кабинетскую улицу переехал университет, и церковь стала использоваться обоими учебными заведениями. Правда, до 1827 года содержание церкви шло исключительно за счет пансиона, и лишь по инициативе В. Б. Бажанова расходы были разделены. В 1830 году пансион был упразднен, а на его базе возникла Первая гимназия, ставшая его преемницей и в церкви. Когда в 1835 году университет получил новый

устав и появилась потребность в расширении учебных помещений, ему было вновь предоставлено здание Двенадцати коллегий, а церковь осталась при гимназии. Но уже через два года территория и строения, принадлежавшие университету, были приобретены Синодом для своего подворья. При этом церковь также перешла Синоду, лишь утварь и ризница были оставлены гимназии и переданы на хранение ее законоучителю.

Все эти перемены вызвали необходимость новой перестройки здания. Проект и смета были разработаны архитектором Н. Л. Бенуа в 1837 году и на следующий год после некоторых изменений Высочайше утверждены. В 1838 году директор Первой гимназии Ф. Ф. Стендер сообщил попечителю округа: «с разрешения высшего начальства произведена постройка вчерне каменного двухэтажного флигеля с надстройкою второго каменного этажа, где поместится: церковь, два лазарета, гимнастическое зало, спальня и квартиры инспектора и трех гувернеров»³.

Предполагалось, что средства будут выделены от государства, но 15 ноября 1840 года Санкт-петербургский купец 3-й гильдии В. Ф. Куницын изъявил желание принять устройство храма на свое иждивение. Причем, когда отделка храма и устройство иконостаса были завершены, а на приобретение утвари средств не хватило, то Куницын, «движим будучи усердием к устройству святых Божиих церквей, и желая быть в полном смысле слова основателем и устройтелем церкви при Первой Санкт-Петербургской гимназии», взял на себя и эти расходы⁴. В сентябре 1841 года все работы были завершены, и 12 октября преосвященный Гавриил, архиепископ Рязанский, присутствовавший тогда на черед

в Синоде, освятил гимназический храм в честь Преображения Господня.

Церковь находилась в просторном зале и освещалась шестью полуциркульными окнами, выходящими на Кабинетскую улицу. Эскизы внутренней отделки выполнил А. Лапин, расписывал храм Я. А. Лукин, лепные украшения выполнил Т. Дылев. Белый с золочеными деталями иконостас был вырезан из сосны мастером Егором Скворцовым. Часть утвари и образов были взяты из прежней университетской церкви. Новые иконы для иконостаса были написаны известными живописцами Е. Васильевым («Тайная вечеря», «Спаситель», «Божия Матерь», запрестольный образ Вознесения Господня и «Благовещение» для Царских врат) и К. П. Брюлловым («Пророк Захария», «Архидиакон Стефан», «Преображение Господне», «Успение Божией Матери»). Позднее, в 1860-х годах, в храме появились иконы работы профессора С. К. Зырянка, написанные по заказу преподавателей и учеников гимназии. Поводом для их написания послужили установление в 1861 году в России празднования в честь первоучителей словенских святых Кирилла и Мефодия, а также спасение императора Александра II от покушений 1866 и 1867 годов.

В 1893 году церковь была вновь перестроена и расширена по проекту В. А. Косякова. При этом устроили отдельный вход, звонницу, купол с золоченой главкой. Церковный зал был увеличен вдвое. В новый резной золоченый иконостас поместили прежние образа. Позже стены храма были расписаны. Обновленный храм был торжественно освящен 3 сентября 1895 года митрополитом Санкт-Петербургским Палладием (Раевым).

Главной святыней храма был крест с частицами Креста и Гроба Господня и частицами мощей

разных святых, пожертвованный выпускником гимназии А. Жмакиным. К освящению храма прихожанин Я. И. Шипов подарил великолепную дарохранительницу в форме пятиглавого храма с надписью: «В воспоминание милосердного заступления Господа в болезни, явленного после приобщения Святых Тайн. От Я. И. Шипова».

Настоятелями гимназической церкви были в разное время протоиерей А. И. Малов, имевший большое нравственное влияние на гимназистов, протоиерей М. И. Соколов, известный деятель Общества распространения религиозно-нравственного просвещения, протоиерей К. П. Виноградов — знаток церковного права. В Первой гимназии учился и был прихожанином храма известный русский ученый В. И. Вернадский.

Вскоре после Октябрьской революции, в 1918 году, гимназии как тип учебных заведений были упразднены в Советской республике, и в здании на Кабинетской улице, 11 разместилась единая трудовая школа. Но церковь, благодаря тому что она имела отдельный вход с улицы, не была закрыта, как многие другие подобные еще в 1918 году, а действовала в качестве приходской до весны 1923 года. Настоятелем ее с дореволюционного времени до начала 1920-х годов продолжал служить протоиерей Иоанн Павлинович Слободский.

Среди прихожан было много известных деятелей науки и культуры, в частности знаменитый философ Николай Лосский. Его сын, историк Борис Николаевич Лосский, уже в эмиграции описал в своих воспоминаниях Кабинетскую улицу, на которой жила семья Лосских, и церковь Преображения Господня. В частности он отмечал, что храм считался привилегированным: верующие, приходя на богослужение, снимали верх-

Здание Первой гимназии с церковью

ную одежду на первом этаже и нарядно одетыми поднимались на второй этаж в храм. В 1922 году Н. Лосского и членов его семьи выслали из Советской России на так называемом «философском пароходе».

Интересны воспоминания о положении Преображенской церкви бывшей Первой гимназии в это время, оставленные Б. Н. Лосским. Весной 1921 года он участвовал в грандиозном крестном ходе. «Светлое воскресенье пришлось на 1-е мая, когда, по установившемуся революционному обычаю, всем школьникам надлежало шествовать процессией по указанному маршруту, за красным

флагом. Однако на сей раз их оказалось необычайно мало. Зато утро Фомина воскресения отметилось небывалым стечением народа в стенах и около Александро-Невской Лавры, потому что, наверное по инициативе Митрополита Вениамина, там собрались с иконами и хоругвями все приходы города, включая, конечно, и наш, пустившийся в путь от подъезда Первой гимназии. В Лавре мы [...] смотрели с высоты ограды Лазаревского кладбища [ныне „Некрополь XVIII века“], как после митрополичьей обедни в Троицком соборе, куда наверно проникнуть удалось много если восьмой части пришедших, выстроившиеся в колоссальный крестный ход религиозные общины направлялись к выходу на Старо-Невский, чтобы шествовать до последнего сборища на площади у Казанского собора. В самом конце вытянувшегося чуть ли не на километр крестного хода выступал Лаврский клир в блистательном подборе золотых риз и среди него благословлявший окружающих дикирием и трикирием Митрополит. Присоединившись к толпе, следовавшей за крестным ходом, мы прошли по обоим Невским, где окна и балконы были заполнены зрителями. На одном из них, наверно, принадлежавшем какому-нибудь официальному учреждению, стояли его служащие и, желая выказать свою неприязнь к происходящему, затыкали уши, дабы все видели, что до них не доходят пасхальные песнопения. Но были также неожиданные и тем более ценные проявления сочувствия и солидарности: так, поравнявшись с католической церковью Святой Екатерины, можно было видеть вышедшее с хоругвями на ее паперть польское духовенство. Что же до православных хоругвей, то они выстроились в колоннадах Казанского собора, огибая площадь, на которой был отслу-

жен молебен. Немудрено, что это скопление на Невском около пятидесяти, как говорили, тысяч человек, было принято властями, и не совсем без основания, за антисоветскую демонстрацию. О ней и заговорила казенная пресса, утверждая, что участниками крестного хода были озлобленные представители бывшей буржуазии, проститутки и вообще отбросы общества. За всеми этими обращаемыми к дуракам словами стояло усиленное событием 8-го мая опасение власти перед ширящейся популярностью церкви, опасение, послужившее, думается, одним из стимулов для поднявшейся к концу осени повышенной волны гонений на нее⁵. [...] Наша церковь Первой гимназии оказалась уже с прошлой осени, если не с лета, закрытой. [...] Однако благодаря усилиям приходского совета церковь для нас снова открылась, вероятно, не без содействия еще не преследуемого лично митрополита Вениамина, который вскоре почтил наш приход своим приездом и служением всенощной»⁶. Впрочем, до осени 1920 года богослужения в Преображенской церкви, как правило, проходили с особого разрешения властей.

В середине октября 1920 года верующие, желая узаконить приход, обратились с заявлением в отдел юстиции Петроградского совета о передаче церкви в их пользование по договору. Администрация школы и отдел по учету и охране памятников искусства и старины прислали со своей стороны письма с разрешением, и 24 октября соответствующий договор был заключен. В тот же день верующие на общем собрании выбрали членов приходского совета и ревизионной комиссии.

Однако неожиданно возник острый конфликт прихожан с чуриковцами — членами Общества

народных трезвенников (последователей Иоанна Чурикова). Чуриковцы представляли собой религиозное движение, отделившееся в 1900-е годы от Русской Православной Церкви, для которого был характерен отказ от причащения вином. Оказалось, что еще 20 октября 1920 года районный жилищный отдел по ордеру передал Преображенскую церковь им. Стремясь урегулировать конфликт, президиум совета Общества народных трезвенников постановил передать церковь в аренду православной «двадцатке» для пользования по субботам и воскресеньям, оставив в будние дни храм за собой. Прихожане и настоятель Преображенской церкви этот вариант отвергли, и 7 ноября районный совет Общества народных трезвенников постановил обратиться к властям с жалобой на действия православных верующих. В этот же день милиция опечатала храм до выяснения отношений между прихожанами и последователями Иоанна Чурикова.

Конфликт разбирался в Петроградском губисполкоме. 17 ноября его консультационно-информационное отделение вынесло заключение об отсутствии оснований к расторжению договора с «двадцаткой», и заведующий губернским отделом юстиции выразил свое согласие с этим решением. Исход дела в пользу православного приходского совета оказался, таким образом, predetermined, что и было окончательно закреплено постановлением общего присутствия Петроградского губернского бюро жалоб при Рабоче-крестьянской инспекции. Жалобу чуриковцев отклонили. Но уже вскоре, 26 января 1921 года, губернский отдел юстиции сообщил в Рабоче-крестьянскую инспекцию о том, что возбуждено ходатайство о полной ликвидации Преображенской церкви как домово́й⁷.

Тем не менее, храм функционировал еще больше двух лет без существенных препятствий. В это время его настоятелем служил протоиерей Петр Алексеевич Смирнов. В дальнейшем он перешел в расположенную неподалеку церковь Коневской иконы Божией Матери при подворье Коневского Рождества Пресвятой Богородицы мужского монастыря на Загородном проспекте, где с 8 июня 1923 по октябрь 1924 года он был настоятелем⁸.

Следует отметить также, что в составе прихожан Преображенской церкви в начале 1920-х годов имелась группа братчиц, носивших белые платки, деятельностью которых не все верующие были довольны.

26 марта 1922 года по требованию властей «двадцатка» составила инвентарную опись церковного имущества, по которой из храма изъяли часть ценностей, остальные же были выкуплены прихожанами. В сентябре 1922 года «двадцатка» представила властям и отдельную опись колоколов.

Судьба храма была решена в следующем году. 11 апреля 1923 года секретарь Московско-Нарвского райсовета обратился в губернский отдел управления с запросом о Преображенской церкви и 17 апреля получил ответ, что она действует, никогда не закрывалась, но подлежит ликвидации, так как вплотную соприкасается с помещениями школы.

Чрезвычайно оперативно, в тот же день, Московско-Нарвский райисполком принял решение о закрытии храма. Через две с половиной недели церковь была закрыта и опечатана.

Официальное постановление президиума Петроградского губисполкома (№ 32, п. 26) о закрытии и ликвидации Преображенской церкви как домово́й и использовании ее помещений для

общественных нужд состоялось только 26 мая 1923 года.

Но еще до его принятия была проведена проверка приходно-расходных книг и приходской кассы с изъятием денег. Бывший настоятель протоиерей П. Смирнов обратился с заявлением о передаче церковного инвентаря в храм Пресвятой Троицы на улице Марата, 5. Однако на церковное помещение и имущество претендовала школа. Московско-Нарвский районный отдел народного образования обратился в губисполком с предложением передать помещения храма для расширения школы, а заведующий школой написал заявление о выделении части инвентаря в его распоряжение⁹.

Трижды опечатанная церковь вскрывалась, и из нее изымались различные предметы — в первую очередь были переданы ценности в губернский финансовый отдел. Часть имущества досталась и школе. Полностью храм был ликвидирован 1 августа 1923 года, а его помещения переданы под школьные классы. В этом качестве они использовались весь советский период. В настоящее время здание занимает средняя школа № 321.

*Церковь Святого князя Александра Невского
в память Александра III
в здании Училищного совета Святейшего Синода*

Близ Синодального подворья в конце 1890-х годов было построено здание для Училищного совета Святейшего Синода с церковью и школой в память Александра III. В год смерти императора Александра III газета «Московские ведомости» писала: «Во всяком крупном историческом лице всегда есть одна черта, которая его характеризует и вокруг которой группируется все остальное.

Здание Училищного совета при Святейшем Синоде
1901

Именно эта черта дает общую гармонию, создает образ, который запечатлевается в памяти потомства, — делает великого человека — великим. Эту главную, основную черту мы находим и в Покойном Государе: Он был православный христианин...»¹⁰.

Александр III был назван в народе Миротворцем. В его царствование Россия отдыхала от кровопролитных войн, направив свои силы на развитие и просвещение народа. При Александре III строилось огромное количество храмов, больше чем в какое-либо другое царствование, на его эпоху приходится расцвет церковно-приходских школ и повышение общей грамотности населения. Именно Александр III был инициатором передачи дела начального образования, а вместе с тем и нравственного воспитания народа в руки Церкви.

Еще при Александре II, в 1879 году Комитет министров пришел к единодушному заключению, что «духовно-нравственное развитие народа, составляющее краеугольный камень всего государственного строя, не может быть достигнуто без предоставления духовенству преобладающего участия в заведовании начальными школами»¹¹.

Уже в начале царствования Александра III, в 1882 году, по Высочайшему соизволению была образована специальная комиссия для разработки вопроса о предоставлении православному духовенству надлежащего влияния на начальное обучение. Эта комиссия составила главные правила о церковно-приходских школах, утвержденных императором 13 июня 1884 года. На первом листе правил государь надписал: «Надеюсь, что приходское духовенство окажется достойным своего высокого призвания в этом важном деле»¹².

Эти начинания очень скоро дали желаемые результаты. В 1881 году была 1061 церковно-приходская школа со 105 317 учащимися, а ко второй половине 1894 года уже 31 835 школ с 981 076 учащимися. Таким образом, за 13 лет царствования Александра III количество церковно-приходских школ увеличилось в 8 раз, а число учащихся в них возросло почти в 10 раз.

В 1894 году при Училищном совете была учреждена Издательская комиссия, которая ведала изданием учебников, книг и пособий для церковно-приходских школ и народного образования.

На 10-летие со времени издания правил о церковно-приходских школах Александр III в рескрипте на имя председателя Училищного совета епископа Германа писал: «Приходская школа, привлекая к себе сочувствие народа своею церковностью и распространяя в возрастающем по-

Император Александр III

колении, вместе с грамотностью, правила веры, любви к Церкви и к церковному служению и пению, успела, и в недостатке средств, при ревностном содействии духовенства и с помощью жертв общественных, упрочить свою деятельность, проявляя ее в самых отдаленных краях России. Не сомневаюсь, что с помощью Божией, это благое дело, усовершеншаясь с течением времени и привлекая к себе новых деятелей, принесет великий плод для духовного просвещения нашего Отечества».

Для увековечения памяти императора Александра III «за явленные им Церкви, ея служителям и народу неисчислимыя царственные милости» Святейший Синод постановил соорудить в Петербурге храм во имя святого благоверного великого князя Александра Невского и устроить

при этом храме двухклассную образцовую церковно-приходскую школу, посвятив ее имени Александра III.

Эту идею поддержал сын Александра III, император Николай II, и 27 января последовало Высочайшее соизволение на открытие повсеместного сбора средств. К началу 1898 года сумма пожертвований достигла уже свыше 260 000 рублей. Синод решил добавить своих средств и построить новый большой дом, где могли бы разместиться одновременно с церковью также Училищный совет и состоящие при нем учреждения: канцелярия, учебный музей церковных школ со статистическим отделом, библиотекой и кабинетом учебных пособий, издательская комиссия для заведования печатанием и распространением учебных руководств и пособий для церковных школ и книг для народного чтения, книжный склад, вместимостью до 3 000 000 книг для снабжения церковных школ, и помещения для председательствующего в Училищном совете епископа и служащих.

Место было отведено на принадлежащем духовному ведомству участке земли на Кабинетской улице, между зданиями Синодальной типографии и Первой мужской гимназии. Проект и смету составил профессор архитектуры А. Н. Померанцев. Они были Высочайше утверждены 1 мая 1898 года. Строительную комиссию возглавил товарищ обер-прокурора сенатор В. К. Саблер. Наряду с членами Училищного совета в ее состав вошел сам Померанцев и техник контроля при Святейшем Синоде академик архитектуры М. Т. Преображенский. 14 июня 1898 года председателем Училищного совета преосвященным Гурием была совершена торжественная закладка здания. На его строительство было израсходовано около

Церковь Святого Александра Невского.

Восточная сторона притвора

1901

900 000 рублей. К 1900 году здание было вчерне готово, и 17 марта 1901 года храм был торжественно освящен. А 1 сентября того же года в этом же здании начала действовать церковно-приходская школа имени Александра III.

Здание решено в популярном в эпоху Александра III русском стиле. Лицевые фасады облицованы желтоватым радомским песчаником. Главным украшением выходящего на Кабинетскую улицу фасада было огромное, прикрытое фигурным золоченым козырьком, мозаичное панно «Христос, благословляющий детей». Непосредственно над ним в круглых медальонах помещались икона Знамения Божией Матери, а по сторонам ее два архангела; слева — преподобный Сергий Радонежский и святитель Алексий, митрополит Московский, справа — святые учителя словенские Кирилл и Мефодий.

Над козырьком располагались иконы святых, соименных членам императорской фамилии: святителя Николая Чудотворца, святого князя Александра Невского и святой мученицы Александры, над верхним рядом окон слева располагалась Казанская икона Божией Матери, справа — «Нерукотворный образ Спасителя». Все мозаики были выполнены по рисункам художника Новооскольского.

Церковь помещалась в просторном сводчатом двусветном зале третьего этажа в северо-восточной части здания. Над ней возвышалась колокольня в русском же стиле с пятью главками, покрытыми железом в виде чешуй. Стены и своды храма были расписаны по рисункам художника А. В. Серебрякова московской иконописной мастерской Н. М. Софонова. Нижний ярус стен украшали изображения важнейших событий из жизни святого князя Александра Невского, а на западной стене были помещены изображения царственных предков государя, святых князей российских, а также святителей земли русской.

Золоченый резной иконостас из липового дерева был исполнен по рисунку Померанцева

в мастерских Ягна. Иконы в византийском стиле были изготовлены в мастерских иконописца Н. М. Софонова.

При храме действовал свой хор певчих, в котором принимали участие ученики церковной школы. Хор пел в праздничные и воскресные дни. За литургией здесь всегда возносилось моление об упокоении души Александра III. После Октябрьской революции 1917 года церковь действовала недолго. Уже в начале июня 1918 года она была закрыта. Здание занял Институт фотографии. Церковное помещение было приспособлено для нужд института, а после войны, в 1947–1948 годах, интерьеры всего здания были основательно переделаны. Сейчас в здании размещается Государственный университет кино и телевидения.

*Церковь во имя святых апостолов Петра и Павла
Императорского коммерческого училища*

На улице Ломоносова — бывшем Чернышевом переулке — привлекает внимание своей необычной архитектурой здание Санкт-Петербургского Государственного университета низкотемпературных и пищевых технологий. Центральная выступающая часть здания со щипцом и высоким трехчастным венецианским окном сложной расстекловки украшена по венчающему карнизу аркатурным поясом. Ее угловые части, завершающиеся балюстрадой, напоминали средневековые башни. Это здание было построено в 1869–1871 годах для Императорского коммерческого училища. А за высоким тройным окном прежде помещался храм во имя святых апостолов Петра и Павла.

Коммерческое училище — одно из старейших в Европе. Оно было основано в Москве в 1772 году известным богачом Прокофием Акинфичем Демидовым (1710–1786), одним из владельцев знаменитых Уральских заводов. П. А. Демидов был известен своими чудачествами. Так, в 1778 году он устроил в Петербурге за свой счет народный праздник, на котором было такое обилие вина, что около пятисот человек упились до смерти. Однажды он скупил в Петербурге всю пеньку, чтобы проучить англичан, заломивших непомерную цену за нужные ему товары во время его пребывания в Англии. В то же время он был известен и своей природной добротой, сделавшей его одним из значительнейших общественных благотворителей. На коммерческое училище он пожертвовал 250 000 рублей. В училище принимали купеческих детей, которые после восьми лет обучения вместе с аттестатом получали почетное гражданство.

В 1797 году училище поступило под покровительство императрицы Марии Федоровны и вскоре, в 1800 году, было переведено в Петербург. Шестьдесят один воспитанник с несколькими надзирателями, учителями, врачами и служителями прибыли в столицу глубокой осенью и были размещены в здании на углу Загородного проспекта и Чернышева переулка, из которого выехало женское училище Ордена святой Екатерины. Это здание женское училище занимало временно, всего в течение одного года. Училищная церковь Святой Екатерины была перевезена вместе со всей утварью в новое здание на Фонтанке, и Коммерческому училищу пришлось устраивать все заново.

Помещение для церкви отвели на четвертом этаже круглой ротонды. Она была устроена

Императрица Мария Федоровна
в жемчужном уборе
Художник И. Н. Крамской. 1880-е гг.

на средства Марии Федоровны и пожертвования первого обер-директора тайного советника Петра Григорьевича Демидова. Вскоре здание и церковь пострадали от пожара и были переделаны на их же пожертвования архитектором Джакомо Кваренги. Новую роспись выполнил Христиан Штамер. 3 августа 1804 года церковь вновь была освящена.

П. Г. Демидов предложил в знак признательности императрице переосвятить церковь в честь Марии Магдалины, но она отвергла эту идею и велела передать: «Если кто сохраняет истинную к Ея Величеству привязанность, может после ее кончины изъявлять оную каким образом заблагорассудится, ибо воздвигаемые тогда памятники только свидетельствуют истину о таких чувствах, а всякое изъявление благодарности

и приверженности посредством памятников во время жизни всегда больше приписывается лести нежели истинному чувству, а если ваше превосходительство и совет училища желает ознаменовать свое усердие и приверженность к Высочайшей Ея Величества особе таким наименованием церкви, которое было бы Ея Императорскому Величеству приятно, то наименовало бы оную во имя св. апостола Павла, поелику в царствование блаженныя памяти Августейшего супруга Ея Величества, училище сюда переведено и преобразовано»¹³.

В течение 30 лет императрица была попечительницей училища. В 1801 году она пожертвовала в недавно открывшуюся церковь дорогую плащаницу, хранившуюся в храме вплоть до его закрытия. Не забыла она училищный храм даже в своем завещании, пожаловав ему мозаичный образ Божией Матери.

С увеличением числа воспитанников до 200 помещение училища оказалось тесным, и в 1835 году совет училища признал необходимым построить новое здание. По проекту архитектора П. С. Плавова на Чернышевом переулке был построен новый трехэтажный корпус с особым подъездом и парадной лестницей. В верхний этаж этого здания и была перенесена церковь.

В память об освящении церкви была сделана медная доска с надписью: «Храм сей во имя первоверховных св. апостолов Петра и Павла заложен в благополучное царствование Всемилостивейшего Государя Императора Николая I, в 14 день июля 1836 г., а освящен в незабвенный день рождения в Бозе почивающей Государыни Императрицы Марии Федоровны 14 октября 1838 года, в ознаменование чувств живейшей и вечной благодарности за то истинно материн-

Здание Императорского коммерческого училища
Фото около 1890 г.

ское попечение, какое сия Незабвенная Благотворительница в продолжение 30 лет, покровительствуя сие заведение, не переставала давать оному». Далее помещен список благотворителей, пожертвовавших средства на строительство храма. Освящение храма совершил митрополит Московский Филарет (Дроздов). Памятная доска хранилась в церкви и была перенесена потом в новую. Помимо учащихся храм вмещал несколько сот прихожан.

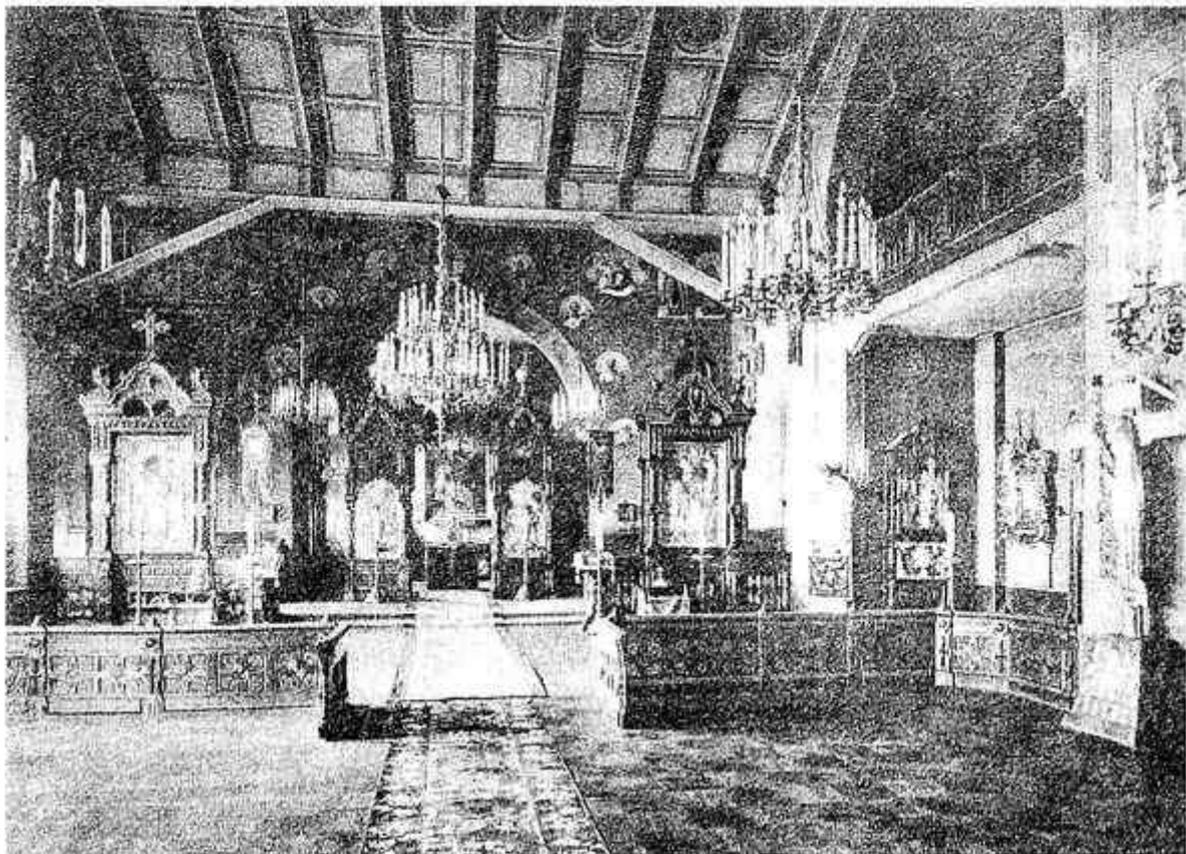
Училище быстро разрасталось, и уже через двадцать лет возникла необходимость строить новые корпуса. В 1861 году был объявлен конкурс, а в январе 1866 года было предложено петербургскому купечеству принять участие в сборе средств на постройку. Император Александр II лично пожертвовал на новое здание 150 000 рублей, крупное пожертвование — 85 000 рублей — поступило от барона Штиглица. В 1869 году

состоялась закладка нового здания по проекту архитектора М. А. Макарова. Для церкви во втором этаже было отведено обширное помещение с хорами. Новый резной иконостас был выполнен из темного ореха, а иконы в него помещены из старой церкви. Попечителем училища в это время был известный благотворитель и поборник просвещения принц Петр Григорьевич Ольденбургский, а директором М. М. Богоявленский. Оба они немало сделали для благоустройства училищного храма. 31 августа 1871 года перед началом учебного года митрополит Петербургский Исидор (Никольский) лично совершил освящение храма.

Храм был богато украшен и нередко получал пожертвования от выпускников училища. В алтарной части находилась специальная стеклянная витрина, в которой помещались редкие иконы и святыни. В ней было много резных икон из слоновой кости и дерева, и среди них особенно выделялся резной крест из кипариса с изображениями различных событий из священной истории.

Несмотря на небольшие размеры — длина 10 вершков (40 см), ширина от 2 до 4 вершков (8–16 см), на нем помещалось около 200 святых с соответствующими библейскими сюжетами. Здесь же хранился серебряный вызолоченный старинный крест мощевик — дар выдающейся актрисы Веры Аркадьевны Мичуриной, урожденной Самойловой.

После революционных событий октября 1917 года настали тяжелые времена. 6 декабря при церкви была создана приходская община, утвержденная священномучеником Петроградским митрополитом Вениамином 12 мая 1918 года, о чем последовал указ 1-й экспедиции Петроградской Духовной консистории. Тогда же был образован

Интерьер церкви Императорского коммерческого училища
Фото 1890 г.

приходской совет («двадцатка»), председателем которого избрали настоятеля храма с 1909 года протоиерея Н. А. Милославова.

После выхода инструкции Наркомата юстиции о закрытии церквей при учебных заведениях угроза нависла и над церковью Святых апостолов Петра и Павла. В августе 1918 года административно-хозяйственный комитет при Петроградском коммерческом училище решил вынести обсуждение вопроса о ликвидации церкви на рассмотрение педагогической конференции училища и приходского совета.

В составе преподавателей в это время еще преобладали верующие православные люди, и педагогическая конференция постановила, что церковь должна существовать, так как она уже не домовая, а самостоятельная приходская, в ее помещении училище не нуждается, и необходимо

только урегулировать хозяйственные взаимоотношения между училищем и приходским советом. Были проведены два заседания специально образованной для этого комиссии.

Все проблемы были улажены, и 19 августа 1918 года педагогический совет коммерческого училища решил предоставить помещение церкви в пользование приходского совета за определенную плату¹⁴.

23 августа 1918 года Комиссия по охране памятников искусства и старины, осмотрев Петропавловскую церковь, выдала настоятелю удостоверение о том, что храм представляет художественно-историческую ценность и находится под охраной государства. Но это не спасло ее от закрытия и переделки интерьеров. 30 декабря 1918 года церковь была закрыта, но не опечатана. Ключи остались у приходского совета. Поэтому весной 1919 года члены «двадцатки» во главе с протоиереем Н. А. Милославовым попытались добиться разрешения на возобновление богослужений.

В мае этот вопрос обсуждался на собрании приходского совета, тогда же была составлена и передана властям инвентарная опись имущества. Специальная комиссия осмотрела помещение храма, и в райисполком была передана докладная записка об истории и современном положении Петропавловской церкви с указанием, что она существует с 1799 года. Также приходской совет представил властям справку о финансовом положении общины. Однако все эти действия не помогли, и в 1919 году церковь так и не была открыта.

Повторная попытка добиться открытия церкви была предпринята в конце 1921 года. Группа бывших прихожан обратилась в отдел управле-

ния Петроградского губисполкома с ходатайством о разрешении возобновить богослужения. Однако 17 декабря 1921 года межведомственная комиссия при отделе управления приняла окончательное решение отказать в открытии храма. В это время здание бывшего коммерческого училища занимала 6-я советская школа, администрация которой совершенно не была заинтересована в действующей церкви.

Вскоре началось постепенное изъятие церковного имущества. В феврале 1922 года была составлена новая инвентарная опись, 17 марта представители районных властей провели проверку церковного инвентаря, и, начиная с апреля, из храма изъяли почти все серебряные и золотые предметы.

Пытаясь спасти церковь от полной ликвидации, отдел музеев Академического центра Народного комиссариата просвещения 15 июля 1922 года составил акт о том, что берет часть церковного инвентаря под свою охрану с рекомендацией создания в храме музея. Эта мера на два с лишним года отсрочила окончательную ликвидацию церкви.

Осенью 1924 года администрация Северо-Западного областного промышленно-экономического техникума, занявшего к тому времени здание по Чернышеву переулку, 9, потребовала передачи оставшегося инвентаря и помещения храма в свое пользование. 3 ноября специальная комиссия составила акт об определении художественно-исторической ценности имущества, и 10 ноября 1924 года церковь была ликвидирована. Часть инвентаря, в том числе и все еще оставшиеся в храме ценности, изъяли представители райисполкома. Малоценные предметы и помещение в тот же день передали техникуму, руководство

которого устроило в церковном зале клуб, при этом интерьеры помещения сильно пострадали¹⁵. В 1931 году здание бывшего коммерческого училища занял Ленинградский технологический институт холодильной промышленности, в настоящее время Санкт-Петербургский Государственный университет низкотемпературных и пищевых технологий.

Глава 3

Монастырские и синодальное подворья

Подворье Свято-Троицкого Александро-Свирского монастыря

Кроме приписных домовых церквей в приходе Владимирской церкви находились церкви двух монастырских подворий. На углу Разъезжей и Боровой улиц с 1865 года действовало подворье Свято-Троицкого Александро-Свирского монастыря, находящегося в Олонецкой епархии близ Лодейного Поля.

Обитель была основана в 1506 году преподобным Александром Свирским, постриженником Ваалаамского монастыря. В 1848 году по благословению настоятеля он удалился в Свирские леса для уединенной молитвы и остановился в живописнейшем месте на берегах двух лесных озер. Здесь ему было видение Пресвятой Троицы, и в ее славу выстроил он храм, ставший центром нового монастыря.

Ныне удивительный по красоте ансамбль состоит из двух монастырских комплексов — Троицкого и Преображенского. Многочисленные паломники и туристы приезжают сюда, чтобы помолиться у мощей преподобного основателя

Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь
Санкт-Петербургской епархии

обители и полюбоваться необыкновенной гармонией архитектуры и природы.

Монастырь, известный и богатый в XVI–XVII веках, после шведского нашествия пришел в запустение. Располагавшаяся здесь некоторое время в XVIII веке резиденция архиерея Олонецкого не особенно поправила положение обители. Хотя обитель оставалась под управлением архиерея, в середине XIX века монастырь был небогат, храмы обветшали, средств на ремонты не хватало. Единственная возможность поправить положение — привлечь богатых жертвователей, что, конечно, лучше делать в столице, а не в глухих Свирских лесах. Тогда-то и возникла мысль о строительстве подворья.

Наместник обители архимандрит Павел, будучи по делам в архиерейской резиденции в Петрозаводске, обратился к Олонецкому Владыке Аркадию. Тот благословил начинание и даже

дал совет, к кому обратиться в столице за помощью. Осенняя распутица и неуверенность в успехе задержали архимандрита Павла в монастыре, но Владыка торопил: «гряди, гряди под небесным охранением молитв святого чудотворца Свирского; гряди благодушно, любезный архимандрит Павел! Он, святой угодник, в столице, везде и во всем да будет наставник и помощник при каждом воззвании твоём к нему и даже при молчании твоём, скажет тебе, что нужно, не забудет тебя»¹⁶.

Надо сказать, что первое подворье Александро-Свирского монастыря появилось в столице еще в петровское время, но просуществовало недолго. Так что отцу Павлу пришлось все начинать заново. Имя преподобного — Александр — надоумило архимандрита поискать помощников с тем же именем.

В эти годы Санкт-Петербургским военным генерал-губернатором был светлейший князь Александр Аркадьевич Суворов — внук великого полководца и генералиссимуса. Он унаследовал от деда не только полный графский и княжеский титул, но и выдающиеся способности и почтительную религиозность.

Александр Аркадьевич в 9 лет лишился отца, но благодаря стараниям матери получил прекрасное образование в Сорбоннском и Геттингенском университетах и впоследствии посвятил себя военной службе. Он участвовал в Кавказской и Персидской войнах, впоследствии 14 лет был генерал-губернатором Прибалтийского края и заслужил любовь и уважение местных жителей. В 1861–1866 годах он занимал пост петербургского генерал-губернатора, а затем генерал-инспектора всей пехоты. Он собрал обширную библиотеку и богатейший архив документов для

биографии своего знаменитого деда и многое сделал для увековечения его памяти.

Александр Аркадьевич пользовался большим уважением в обществе и был близок к государю. Именно к нему обратился архимандрит Павел за поддержкой: поднес ему икону преподобного Александра Свирского и изложил свою просьбу.

Поддержка столь влиятельного и уважаемого человека решила дело. Место для подворья было найдено близ Мясного рынка, на углу Разъезжей и Боровой улиц. Петербургский купец П. А. Сидоров пожертвовал большой участок земли, на котором на пожертвования других купцов началось строительство.

10 мая 1865 года архимандритом Павлом была совершена закладка часовни преподобного Александра Свирского, при которой позже появились келейные корпуса и службы. В 1866 году на петербургском подворье было учреждено общежитие.

Подворье было построено по проекту архитектора Н. А. Гребенки на средства купца П. И. Лихачева и представляло собой двухэтажное здание с деревянной главкой. А вскоре во втором этаже была устроена церковь во имя Святого князя Александра Невского в память о спасении императора Александра II от покушения Каракозова 4 апреля 1866 года. Церковь была торжественно освящена 11 апреля 1871 года. Завершилось формирование живописного ансамбля подворья в 1891 году.

К этому времени в память о спасении царской семьи во время крушения поезда в Борках по проекту епархиального архитектора Н. Н. Никонова главный храм был перестроен и расширен фасад по Боровой улице. Средства на перестройку были

пожертвованы потомственными почетными гражданами С. Г. Раменским и Е. И. Кожевниковой¹⁷. По их желанию были также устроены два придела — во имя священномученика Симеона Персидского и святителя Иулиана епископа Кеноманийского. Главный престол в 1895 году был украшен серебряной ризой с полудрагоценными камнями.

В 1901 году по проекту В. И. Баранкеева была сделана новая главка с золочеными крестами. Дважды храм основательно ремонтировался — в 1899 году с обновлением иконостаса, а в 1916 году, после сильного пожара, были заново восстановлены интерьеры храма и помещений подворья. Храм подворья был приписан к Владимирской церкви.

Живописный ансамбль подворья решен в «русском стиле», скошенный угол с проездной аркой украшала огромная икона святого князя Александра Невского в красивом киоте с колонками и навершием в виде кокошника с крестом. Пристройка по Боровой улице привлекала внимание сложным членением фасада, асимметричным завершением кровли, обилием разных по величине и декору главок и куполов. Как это радовало взгляд на фоне монотонной застройки окружающих рынок доходных домов! А звон колоколов, разносившийся с высокой шатровой звонницы создавал праздничное настроение и призывал к возвышенным помыслам.

С петербургским подворьем связаны важные события в жизни обители. 8 июня 1890 года Святейший Синод указал: «Алекса́ндро-Сви́рский монастырь отчислить от личного управления архиерейского, оставив по-прежнему самостоятельным, под управлением архимандрита, с тем чтобы братия сей обители во внутренней своей жизни

Подворье Александро-Свирского монастыря
Открытка начала XX в.

руководствовались Правилами общежития, издавна в ней существовавшими»¹⁸.

А в январе 1891 года был назначен первый самостоятельный настоятель — архимандрит Агафангел, бывший прежде ризничим Валаамского монастыря. Он ввел в монастыре общежительный устав, такой же как и на Валааме, где в прежние времена подвизался сам преподобный. Под его руководством в обители стали развиваться традиции старчества, когда каждый вновь поступивший послушник отдавался под руководство опытного в монашеской жизни старца. Именно здесь, на Петербургском подворье, 30 января 1891 года преосвященным Антонием (Вадковским), епископом Выборгском, отец Агафангел был возведен в сан архимандрита и отсюда отправился в свою обитель.

Первые полтора года после Октябрьской революции подворье, в основном, продолжало жить

прежней жизнью. В данный период 14 проживавших в здании монахов и послушников образовали трудовое братство и зарабатывали себе на пропитание в тяжелых условиях голодного военного времени различными ремесленными работами. При этом осенью 1918 года храм подворья временно перешел в ведение приходской общины церкви Владимирской иконы Божией Матери на Владимирской площади. С 1918 года управляющим подворьем и настоятелем Александро-Невского храма служил иеромонах Виталий (в миру Василий Тимофеевич Трофимов).

В. Т. Трофимов родился 24 февраля 1875 года в деревне Марково Демянского уезда Новгородской губернии в крестьянской семье, окончил церковно-приходскую школу и в дальнейшем поступил послушником в Александро-Свирский Свято-Троицкий монастырь. В 1909 году принял монашеский постриг с именем Виталий. Настоятелем Александро-Невской церкви монастырского подворья в Петрограде служил до 3 апреля 1923 года. Затем иеромонах был первый раз арестован, в 1925 году второй раз подвергся аресту, но после отбытия срока в 1927 году вернулся в Ленинград. С 1927 года по апрель 1932 года служил настоятелем Введенской церкви при подворье Паданского Введенского женского монастыря Олонецкой епархии на Порховском проспекте. 17 апреля 1932 года иеромонах был вновь арестован, приговорен к трем годам ссылки и выслан в Казахстан. Дальнейшая его судьба пока неизвестна¹⁹.

5 апреля 1919 года отец Виталий по повестке явился в совет депутатов 1-го городского района, где был вынужден дать подписку, что под угрозой уголовной ответственности в трехдневный срок представит в совет опись текущих счетов, наличных денег, недвижимого имущества и прочих средств и капиталов церкви. 9 апреля настоятель передал в райисполком опись документов о хранящихся в банках капиталах подворья в общей сумме на 8112 рублей, наличных денег в это

время в церкви имелось 3244 рубля. Еще 3 апреля приходская община Владимирской церкви предоставила в юридический отдел Петроградского губернского совета опись богослужебных предметов трехпрестольной церкви и часовни Александро-Свирского подворья, финансово-хозяйственными делами которого в то время заведовал специальный хозяйственный комитет, состоявший из иеродиакона Амвросия и четырех мирян²⁰.

Осенью 1919 года ситуация существенно изменилась. Городские власти потребовали создания самостоятельного прихода. 25 сентября временно управлявший в то время подворьем иеромонах Филарет (Федоров) представил по требованию губернского отдела юстиции дополнительные сведения: «Вверенное мне подворье представляет собой трудовое братство, состоящее из 14 членов; из них иеромонахов — 8, иеродиаконов — 3, на послушании — 1 и певчих — 2. Все члены братства существуют собственными трудами, выполняя сами все обязанности по дому и по церкви. 3 иеромонаха и 1 иеродиакон заняты священнослужением, 2 церковных служителя, 2 свечника, 2 дворника, 2 рабочих на кухне, 1 портной, 1 сапожник. Кроме того, в свободное от прямых занятий время члены братства выполняют поденные работы на стороне в качестве хлебопашцев, огородников, пильщиков и других чернорабочих. [...] В ведении трудового братства находится церковно-часовенное здание с жилыми помещениями, занятыми членами сего братства». В приложенном списке насельников были перечислены: заведующий хозяйством братства иеромонах Виталий (Трофимов), письмоводитель братства иеромонах Филарет (Федоров), иеромонахи Ксенофонт (Смирнов), Мефодий (Круте-

лев), Никандр (Мишин), Алипий (Ивлев), Нифонт (Лисичкин) и Иоасаф (Прокофьев), иеродиаконы Амвросий (Сазонов), Вонифатий (Селиверстов) и Неофит (Гогнатский), послушник Александр Яраков, управляющий хором Василий Шинаев и певчий Евдоким Веселов²¹.

В одновременно представленном властям финансовом отчете за 15 сентября 1918 года — 15 сентября 1919 года отец Филарет сообщил, что доходы за это время составили 168 567 рублей (в стране быстро росла инфляция), из них 126 359 рублей поступили от продажи восковых свечей, 10 325 рублей — от продажи икон и крестиков, а 15 879 рублей составила плата за поминовение на проскомидии и литургии.

Расходы в основном шли на содержание братства, ремонт здания, покупку воска, вина, угля и т. п., но при этом выделялись суммы Олонецкому епархиальному архиерею, Петроградскому епархиальному управлению, благочинному монастырских подворий и даже на погашение кредитов Александро-Свирского монастыря. 27 октября 1919 года отдел юстиции сообщил населникам подворья, что весь их капитал в 8112 рублей, хранившийся по распискам Государственного банка, перечислен в доход казны.

Как раз в это время группа постоянных богомольцев церкви обратилась в Совет депутатов 1-го городского района с просьбой официально передать в их пользование «церковное и богослужebное имущество» храма.

7 ноября 1919 года такой договор был заключен, под ним поставили свои подписи 1212 прихожан из различных социальных групп и слоев: первым подписался преподаватель Охтинского народного университета Александр Николаевич Лебедев, а последним — красноармеец Петр Ива-

нович Скородумов. 15 ноября состоялось общеприходское собрание, которое в присутствии представителя городского отдела юстиции выбрало 24 члена церковно-приходского совета, в том числе иеромонаха Филарета (Федорова) и иеродиакона Неофита (Гогнатского). Через два дня члены совета на своем собрании выбрали председателем совета Александра Ивановича Королева, казначеем — отца Филарета, а также еще двух членов президиума и пятерых — в ревизионную комиссию²².

Последующие перевыборы состава приходского совета происходили в августе 1921 и марте 1922 года. В первом случае прихожане избрали 26 человек, в том числе четырех иеромонахов — Виталия (Трофимова), Алипия (Ивлева), Неофита (Гогнатского) и Филарета (Федорова), председателем стал Николай Семенович Утилов. Переизбранный 12 марта 1922 года совет включал 26 человек, но число представленных в нем священнослужителей выросло до пяти, а пост председателя занял настоятель отец Виталий.

Небольшая группа прихожан оказалась недовольна таким усилением власти настоятеля и обратилась к районным властям с просьбой отменить итоги выборов. Первоначально районный церковный стол так и сделал, но, убедившись, что протестуют лишь несколько человек и новые перевыборы дадут прежний результат, утвердил результаты собрания от 12 марта (хотя в то время инструкции властей уже запрещали включать священнослужителей в состав приходских советов).

Постепенно начались реквизиции церковного имущества. 24 июня 1920 года в храме по требованию властей были сняты три кружки: на «бедных детей», на «арестантских детей» и Человеко-

любивого общества для бедных. Все имевшиеся в этих кружках деньги районные власти забрали себе.

В апреле—мае 1922 года была составлена новая инвентарная опись имущества и проведено изъятие ценностей. Часть святынь верующие выкупили, уплатив равное по весу количество домашних серебряных вещей, общим весом 2 пуда 21 фунт. По требованию властей также была составлена ведомость колоколов (их имелось 9, общим весом 186 пудов).

В июне 1922 года была произведена регистрация священнослужителей. Всем имевшим сан насельникам подворья, а их в то время было 10 человек (игумен Филарет, 6 иеромонахов и 3 иеродиакона), пришлось заполнить регистрационные карточки. Затем в райисполком были представлены регистрационная карточка приходского совета и список его членов. После этого 9 сентября 1922 года с верующими был заключен новый договор на пользование храмом.

Вскоре ситуация существенно изменилась. После начала обновленческого раскола приходской совет Александро-Невской церкви не признал созданного обновленцами Петроградского епархиального управления (ПЕУ), и в составе Петроградской автокефалии начал борьбу с ним. В ответ ПЕУ 12 октября известило настоятеля, что подворье подлежит ликвидации, а все его имущество и дела должны быть переданы назначенному Епархиальным управлением лицу.

Понимая, что осуществление этого замысла встретит сопротивление верующих, обновленческий настоятель Владимирской церкви протоиерей Иоанн Соколов от имени ПЕУ 22 октября обратился в районный отдел регистрации обществ и союзов с просьбой «командировать пред-

ставителя гражданской власти 11–24 сего октября к 6 $\frac{1}{2}$ часам вечера для присутствия при ликвидации Александро-Свирского монастырского подворья»²³.

Однако предпринятая обновленцами попытка захвата Александро-Невской церкви провалилась, верующие не пустили их в храм. 28 октября члены приходского совета обратились к заведующему районным церковным столом с резким заявлением: «1) Мы считаем необходимым строго соблюдать заключенный договор; 2) Мы считаем себя, как группа верующих, принявших храм Св. Александра Свирского, самодовлеющей автономной церковной общиной; 3) Посему мы не можем допустить вмешательства в нашу духовную жизнь какой-либо другой религиозной или церковной организации, каковой безусловно является Живая церковь и ее орган Петроградское Епархиальное Управление, не имеющие прав юридического лица; 4) Категорически протестуем против имевшего место намерения такого вмешательства (24/X — 22 г.) — вам известного и 5) Просим Вас принять все меры к оказанию нам содействия к соблюдению заключенного нами договора и к недопущению вмешательства хотя бы и в духовную сторону нашего существования, но тесно связанную с гражданской стороной вопроса о нашей ответственности за принятое нами имущество»²⁴.

Встретив такое стойкое сопротивление, поддерживавшие обновленцев власти были вынуждены временно отступить. Еще около полугода жизнью прихода руководила прежняя «двадцатка» во главе с отцом Виталием, лишь игумен Филарет (Федоров) 13 ноября 1922 года вышел из ее состава в связи с преклонным возрастом и плохим состоянием здоровья. Но в феврале

1923 года Петроградская автокефалия была разгромлена органами ГПУ, и при содействии городского руководства обновленцы стали один за другим захватывать непокорные им прежде храмы Петрограда.

28 марта 1923 года отдел управления Петроградского губисполкома отправил секретное предписание районным властям: «Ввиду полученных ОУПГИ сведений, что группа верующих (двадцатка) храма Преподобного Александра Свирского (Разъезжая ул.) вела и продолжает вести работу, нарушающую общественный порядок среди верующих их прихода, Административный подотдел ОУПГИ предлагает немедленно с получением сего расторгнуть существующий договор между названной группой и Райсоветом и передать по договору же вновь церковное имущество данного храма верующим гражданам согласно прилагаемого при сем списка. Об исполнении немедленно донести». К предписанию был приложен список новой обновленческой «двадцатки», которой и следовало передать храм²⁵.

3 апреля по акту церковное здание со всем инвентарем было передано обновленческому приходскому совету, с которым в тот же день районные власти составили соответствующий договор. Всех монахов в апреле выселили из подворья, при этом в квартире настоятеля был найден пакет с серебряными крестами, чашами, окладами икон и т. д., которые отец Виталий таким образом, видимо, спасал от реквизиции. По указанию уполномоченного ГПУ В. Шляпина по этому делу было начато следствие по обвинению в укрывательстве церковного имущества, и иеромонаха Виталия вскоре арестовали.

Председателем новой «двадцатки» стал назначенный ПЕУ настоятелем церкви протоиерей

Александр Федорович Архангельский. В приходской совет помимо мирян вошел также священник Иоанн Николаевич Журавлев.

И. Н. Журавлев родился в 1874 году в Рязанской губернии, окончил Рязанскую духовную семинарию, в 1895 году был рукоположен во диаконы, а после 1917 года — во священники. При этом отец Иоанн в первые послереволюционные годы также работал конторщиком Главной сберегательной кассы и статистиком губернского отдела статистики.

А. Ф. Архангельский родился в 1884 году в Пензе в семье священнослужителя. Окончил гимназию и два курса физико-математического факультета Петербургского университета. Служил личным секретарем епископа Холмского и Люблинского. 1 января 1909 года был рукоположен во диаконы, а 30 июля 1910 года — во иереи. В 1918–1919 годах помимо службы в храме работал народным учителем, а в 1921–1922 годах — научным вычислителем Института прикладной физической химии.

В Александро-Невской церкви в 1923 году недолго служил и протоиерей Николай Александрович Милославов.

Н. А. Милославов родился в 1869 году, окончил Духовную семинарию и Петроградскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия, 23 октября 1890 года был рукоположен во иереи и до революции также преподавал Закон Божий. В 1909–1918 годах служил настоятелем Петропавловской церкви при Петроградском коммерческом училище.

Рассчитывая использовать свои хорошие отношения с органами власти, обновленческий приходской совет обратился к ним с просьбой продать приходу со склада райисполкома некоторые церковные предметы из закрытых домовых храмов, но получил отказ: 11 апреля 1923 года президиум Московско-Нарвского райисполкома постановил: «Предметы религиозного культа,

вывезенные из ликвидированных домовых церквей, по прямому своему назначению не продавать, а только в качестве материала декоративной принадлежности или в разрозненном виде»²⁶.

В мае Александро-Невский храм сам был внесен в список домовых церквей Московско-Нарвского района, подлежащих закрытию и ликвидации. Поэтому председатель Петроградского епархиального управления архиепископ Ладожский Николай (Соболев) 27 июня передал в районный церковный стол удостоверение, что храм бывшего Александро-Свирского подворья в настоящее время состоит в числе приходских церквей и «посему подлежит исключению из так называемых монастырско-подворских церквей и перерегистрации в местном районном церковном столе, как нормальная приходская церковь». Хотя в акте осмотра здания подворья от 7 мая 1923 года было отмечено, что церковь и часовня занимают две трети дома, а остальную часть — квартиры священников, сторожей и дворника, власти учли удостоверение, выданное ПЕУ, и храм в 1923 году закрыт не был²⁷.

Надеясь изгнать обновленцев из храма, более 500 бывших прихожан 2 января 1924 года обратились в районный стол регистрации с заявлением о расхищении части имущества членами «двадцатки» и просьбой разрешить проведение общеприходского собрания, но получили в своей просьбе отказ. Опасаясь хищения оставшихся в храме ценностей, «двадцатка» еще 22 октября 1923 года постановила передать органам власти все серебряные предметы за исключением риз на четырех особо чтимых иконах: святителя Николая, Корсунской Божией Матери, великомученика Пантелеймона и Успения Божией Матери. Передача части ценностей состоялась 29 января 1924 года.

Следует отметить, что прихожан-обновленцев в то время было всего 70–80 человек. 14 января они провели собрание, на котором обсуждалось положение в Русской Православной Церкви, возникшее после освобождения из-под ареста Патриарха Тихона. Собрание заслушало доклад председателя центрального комитета группы «Живая церковь» протопресвитера Владимира Красницкого и постановило, что «группа „Ж. Ц.“ занимает в течении современной церковной жизни правильное положение, держит правильный курс церковного корабля и вполне заслуживает одобрения и поддержки со стороны всякого верующего, кому дороги интересы православной церкви». Также было принято предложение настоятеля отца Александра «для организационной совместной работы, для защиты храма от натиска монахов, готовых вновь вторгнуться в дела прихода и захватить приход в свои руки, записываться присутствующим прихожанам в группу „Ж. Ц.“ и затем войти в пополнение двадцатки прихода». Всего на собрании записалось в живоцерковники 16 человек²⁸. Впрочем, все призывы укрепить обновленческий приходской совет мало помогали, верующие бежали из него. На заседании «двадцатки» 28 января 1924 года председатель с горечью констатировал, что в ней осталось лишь 9 человек и нужно срочно привлечь новых членов. Только в начале апреля приходской совет удалось пополнить до требуемых законом двадцати человек и, таким образом, сохранить церковь за обновленцами.

В середине — второй половине 1920-х годов в церкви по-прежнему служили протоиерей Александр Архангельский и священник Иоанн Журавлев, к которым прибавился диакон Николай Федорович Яковлев.

Н. Ф. Яковлев родился в 1891 году, до революции работал конторщиком Путиловского завода, в мае—июне 1919 года служил красноармейцем 1-й Петроградской стрелковой бригады особого назначения. 25 декабря 1920 года был рукоположен во диаконы, в Александро-Невском храме начал служить весной 1924 года и тогда же был избран секретарем приходского совета.

Количество прихожан по-прежнему было очень невелико, так как подавляющее число верующих отвергало обновленцев. В представленной по указанию районных властей справке о количестве венчаний в храме за январь 1924 — март 1925 года настоятель сообщил о 27 случаях. На общеприходские собрания приходило по-прежнему не более 80 человек, и это во многом предопределило закрытие церкви. В конце 1920-х — начале 1930-х годов власти стали ликвидировать в числе других и обновленческие храмы. В 1932 году была закрыта и Александро-Невская церковь. При этом немногочисленные прихожане никакого сопротивления не оказали, даже не попытавшись обжаловать постановление президиума Ленсовета в Секретариате ВЦИК.

Протоиерей А. Архангельский в дальнейшем служил в Спасо-Преображенском соборе, в апреле—октябре 1937 года был его настоятелем. Но в октябре он оказался арестован органами НКВД, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в декабре 1937 года. Диакон Н. Яковлев был в начале 1930-х годов рукоположен во иереи, в дальнейшем он служил в Скорбященской часовне на Стеклянном заводе. В марте 1935 года отца Николая выслали из Ленинграда²⁹. Вероятно, подвергся репрессиям и священник И. Журавлев.

Здание подворья Свято-Троицкого Александро-Свирского монастыря уже в середине 1930-х годов было перестроено под туберкулезный дис-

пансер и в таком виде сохранилось до настоящего времени. Поэтому недавно возрожденная обитель преподобного Александра Свирского устроила себе новое подворье с храмом Рождества Христова в Невском районе Петербурга на улице Челиева, дом № 10.

*Подворье Коневского
Рождества Пресвятой Богородицы
мужского монастыря*

На Загородном проспекте с 1821 года существовало подворье с часовней Рождество-Богородичного Коневского монастыря, расположенного на Ладожском озере. Обитель эта была основана преподобным Арсением Коневским в 1393 году. Главной святыней монастыря была чудотворная Коневская икона Божией Матери, привезенная преподобным со святой горы Афон в знак благословения афонских старцев на основание на севере Руси новой обители. На этой иконе Богомладенец изображен держащим голубинового птенца, как символ очищения. Во времена шведского владычества в XVII веке обитель была разорена, а монахи переведены в Новгородский Деревяницкий Воскресенский монастырь. После возвращения приладожских земель России в 1718 году монастырь был возобновлен и до 1760 года приписан к Деревяницкому.

Монастырь и его святыни очень почитались в Петербурге и Приладожье. В начале XIX века петербургские купцы решили перенести в столицу чудотворную Коневскую икону и построить для нее здесь часовню. В 1811 году средства были собраны и переданы строителю обители монаху Иллариону, который 2 сентября обратился за благословением к митрополиту. Конечно,

о переносе самой иконы из обители не могло быть и речи. Благословение было получено на изготовление точной копии для помещения ее в Петербурге.

Место для часовни предназначалось на зимней конной площади, на Невском проспекте близ нынешнего Московского вокзала. Переписка о предоставлении места длилась более девяти лет.

Между тем петербургские купцы Николай Козулин и Иван Кувшинников с братьями по общему согласию объявили, что они жертвуют участок своей незастроенной земли на Загородном проспекте. 5 августа 1821 года последовало Высочайшее соизволение на получение этой земли и устройство часовни. А 21 сентября Илларион получил утвержденные 4 июля государем императором как план и фасад часовни, так и план участка.

Закладку часовни кратко описал сам Илларион в своих келейных записках от 21 сентября 1821 года: «При помощи Божией, с Высочайшего дозволения, я начал в С.-Петербурге при доме купца Николая Козулина очищать место под строение часовни. По сделании же фундамента под часовенными кельями, 8-го сентября было совершено молебное пение в доме сего Козулина и освящение воды на месте часовенном, на фундаменте, которое освящение совершал по благословению Архипастыря наместник Лавры Архимандрит Товия, соборне.

К сему освящению были прошены и приглашены господа и купцы почетные. После молебствия, вместе с духовенством, приглашены были к обеденному столу в доме купца Козулина князь Петр Сергеевич Мещерский, г. обер-полицмейстер и другие гг. генералы и купечество, из коих

Коневский Рождества Пресвятой Богородицы мужской монастырь Санкт-Петербургской епархии

осталось к обеду более ста особ. Тогда, в день Рождества Пресвятой Богородицы, был совершенный праздник,— и я плакал от радости, видя хозяина дома купца Козулина, с женою и детьми, занимающихся угощением посетителей целый день до глубокой ночи. Всеблагий Господь да воздаст ему воздаянием Своим! Сие угощение купец Козулин сделал от себя, которое стоило ему более тысячи рублей. Пожертвования же на построение часовни гости написали в сборной моей книге до тысячи рублей. Слава Богу о всем!»³⁰

Летом 1822 года каменная на гранитном фундаменте часовня с кельями и со всеми внутри ее украшениями была построена, и в ней поместили список с Коневской иконы. На участке были выстроены келейные корпуса для приезжающих в столицу монахов Коневского монастыря и покои начальника подворья, а также необходимые служебные постройки.

28 мая 1862 года страшный пожар истребил до основания Апраксин и Щукин торговые дворы.

Пламя перебросилось через Фонтанку и охватило всю ее правую сторону, был охвачен пожаром примыкающий к часовне дом генерала Козлова, и часть строений подворья. Тогда заведовавший часовней иеромонах Авраамий с молитвою вынес икону из часовни и прошел с ней до Троицкого переулка.

Часовня уцелела во время пожара, и Авраамий с иконой возвратился в нее. Другие источники рассказывают, что крестный ход с иконой по просьбе купцов перешел Фонтанку и обошел вокруг Гостиного двора, тогда и ветер увел пожар в сторону, и торговые лавки гостинодворцев не пострадали³¹.

После пожара, истребившего надворные строения подворья, по благословению митрополита Исидора старанием настоятеля была сооружена на месте старой новая часовня совершенно в ином стиле по плану академика И. Б. Слупского, Высочайше утвержденному 28 марта 1863 года. Средства, по преданию, пожертвовали благодарные гостинодворские купцы. Часовня была торжественно освящена 15 декабря 1866 года игуменом Израилем.

Тогда же на территории Гостиного двора была построена часовня в честь Спаса Нерукотворного образа, приписанная к Коневскому подворью.

Кроме часовни на Загородном, монастырь имел еще одно подворье с церковью во имя святителя Василия Великого на Большой Охте, на участке, подаренном обители купцом К. И. Чистяковым. Первый деревянный храм здесь был освящен в 1902 году, а уже в 1908 году рядом с ним по проекту архитектора Н. Н. Никонова построен каменный. Но до наших дней они не сохранились.

Как и расположенные в районе бывшей Придворной слободы церкви, часовня Коневской

Преподобный Арсений Коневский
с иконой Божией Матери

иконы Божией Матери осенью 1918 года временно перешла в ведение приходской общины церкви Владимирской иконы Божией Матери. Делами общины стал заведовать состоявший из пяти человек хозяйственный комитет. К этому времени связь с Коневским Рождества Пресвятой Богородицы мужским монастырем, оказавшимся на тер-

ритории получившей независимость Финляндии, полностью прервалась, и насельники подворья оказались предоставлены сами себе.

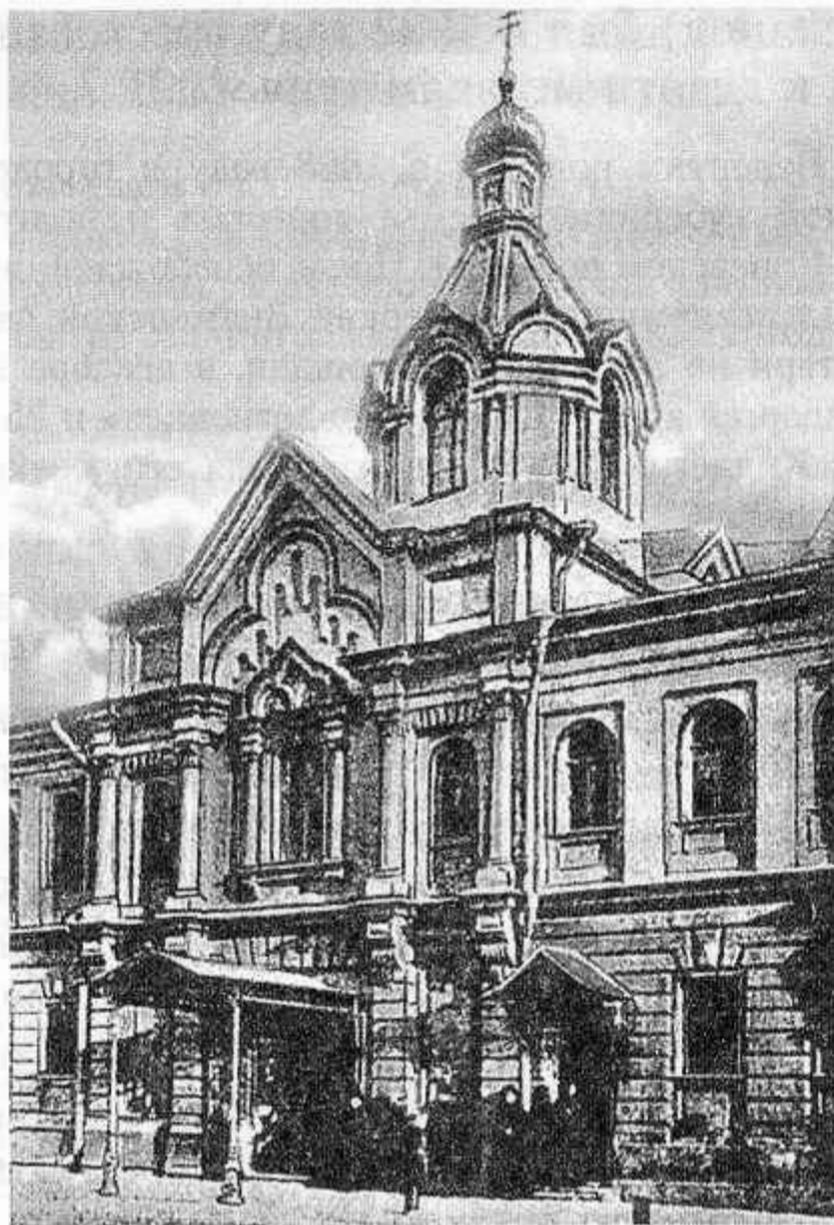
Управляющим подворьем в 1918–1920 годах был иеромонах Трифилий, а в 1921–1922 годах — иеромонах Сергей (в миру Семен Иванович Большаков).

Весной 1919 года Коневская часовня была фактически преобразована в приходскую церковь. При ней возникла самостоятельная община прихожан, с которой 8 апреля представитель городского отдела юстиции подписал договор о передаче храма в ее бесплатное и бессрочное пользование.

В апреле 1919 года была составлена и инвентарная опись имущества. На общеприходском собрании 5 января 1920 года в присутствии инструктора отдела юстиции С. А. Бабурина верующие избрали церковный совет («двадцатку»).

12 июля 1921 года на новом общем собрании этот совет был переизбран, однако в основном сохранив прежний состав. Председателем его являлся Н. А. Потехин, а в число членов входили три священнослужителя: настоятель иеромонах Сергей (Большаков), священник Н. С. Алексеев и иеромонах Валентин (в миру Василий Сергеевич Лелянов). Осенью 1921 года приходской совет был официально перерегистрирован в Петроградском губисполкоме. В том же году произошло освящение часовни в качестве церкви³².

Кампания изъятия церковных ценностей и обновленческий раскол 1922 года самым непосредственным образом затронули Коневский храм. Большая часть церковных ценностей была изъята, оставшиеся верующие выкупили, внося серебряный лом. Насельники подворья и прихожане храма все лето и начало осени 1922 года не при-

Подворье Коневского монастыря
Открытка начала XX в.

знавали обновленческого Петроградского епархиального управления и боролись с ним.

Однако при поддержке властей 22 сентября иеромонах Сергей был отстранен от настоятельства, вместо него настоятелем стал обновленец протоиерей Николай Николаевич Соколов. Этому предшествовало составление заведующим районным церковным столом акта о якобы имевшей место незаконной продаже монахами икон из храма.

Насельников изгнали из здания подворья. Не обошлось и без репрессий. Иеромонах Вален-

тин (Лебянов) был в 1922 году арестован и приговорен к девяти месяцам тюрьмы.

Отец Валентин родился в 1868 году в городе Вязьма Смоленской губернии в семье торговца и долгое время служил в Коневском подворье. После освобождения из тюрьмы он был псаломщиком в церкви Знаменской иконы Божией Матери на Знаменской площади, в декабре 1933 года вновь подвергся аресту по делу «евлогиевцев» и 25 февраля 1934 года Коллегия ОГПУ приговорила его к заключению в концлагерь³³.

Хотя обновленцы сформировали свой приходской совет, члены которого 24 октября 1922 года и 2 февраля 1923 года подписывали новые договоры с представителями властей, Коневская церковь недолго оставалась в их руках. 23 апреля 1923 года она была закрыта и опечатана под тем предлогом, что будто бы является домовою. Через два дня члены «двадцатки» подали в губернский отдел управления заявление с просьбой открыть храм, так как он уже давно стал приходским и от здания подворья отделен двором. Это обращение не помогло.

7 мая специальная комиссия провела технический осмотр подворья и в итоговом акте указала, что церковь опечатана, флигель занят под жилье, а домом в целом управляет приходской совет и управдом³⁴.

После новых настойчивых ходатайств верующих 5 июня 1923 года секретариат исполкома совета Центрального городского района все-таки принял решение об открытии церкви. 8 июня она была распечатана и по акту передана членам «двадцатки», с которыми 11 июня представители властей подписали новый договор.

За время закрытия в храме сменился настоятель, теперь им стал протоиерей Петр Алексеевич Смирнов. Он служил в Коневской церкви

до 1932 года, хотя пост настоятеля занимал только в июне 1923 — октябре 1924 года.

В дальнейшем с июля 1932 по март 1935 года отец Петр служил в церкви Святых Праведных Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы у Симеоновского моста и весной 1935 года был выслан из Ленинграда, умер он в 1950-е годы в Крыму³⁵.

Уже летом 1923 года община Коневского храма перешла в Патриаршую Церковь и оставалась в ней до окончательной ликвидации в 1932 году. В это время в храме нередко служили архиереи, возглавлявшие Ленинградскую епархию.

С октября 1924 года по 1 июля 1927 года настоятелем церкви служил протоиерей В. Я. Чуев, а с июля 1927 по март 1932 года — новомученик протоиерей М. Н. Вертоградский.

М. Н. Вертоградский родился 23 мая 1887 года в семье священника, окончил духовную семинарию, и в 1914 году Санкт-Петербургскую Духовную академию. 18 октября 1914 года был рукоположен в сан иерея и направлен в Пятигорск, в 1916–1919 годах служил настоятелем Екатерининского собора в городе Ямбурге Петроградской губернии. В 1919 году переехал в Петроград и сначала служил в храмах Волковского кладбища, затем с 1924 года — в Троицкой церкви, а с 1927 года — в Коневском храме. Был арестован 22 декабря 1933 года по делу «евлогиевцев», 25 февраля 1934 года приговорен к трем годам концлагеря и, вероятно, погиб в заключении³⁶.

В середине — второй половине 1920-х годов приходская жизнь шла без серьезных осложнений. Регулярно созывались собрания верующих, периодически составлялись новые инвентарные описи имущества: с декабря 1923 года по апрель 1925 года губернские власти неоднократно изымали церковные ценности, но ряд серебряных предметов еще оставался в храме. Часть неис-

пользуемого церковного инвентаря на сумму 145 рублей в мае была продана одному из членов «двадцатки». В этот же день состоялся технический осмотр здания подворья специальной комиссией. 16 июня 1927 года представители районных властей и члены приходского совета заключили новый договор.

После публикации в августе 1927 года заместителем Патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским) и членами Временного Патриаршего Святейшего Синода декларации о лояльности церкви советской власти прихожане Коневской церкви приняли ее и остались верны митрополиту Сергию.

В соответствии с указом заместителя Патриаршего местоблюстителя в храме с 27 января 1929 года за богослужениями поминали гражданскую власть.

Но это не спасло Коневскую церковь от закрытия. 10 января 1930 года районный инспектор по вопросам культов подал в президиум Центрального городского райсовета докладную записку о необходимости закрыть ее как домовую. 15 января президиум райсовета принял решение ходатайствовать перед городским руководством о ликвидации храма и передаче его помещения в распоряжение районного коммунального отдела.

Городской административный отдел дал благоприятное для райсовета заключение и 11 февраля 1930 года президиум Ленинградского совета постановил (протокол № 39, п. 28): «Учитывая, что означенная церковь принадлежит к типу „домовых“, так как находится на территории ЖАКТа и как таковая подлежит закрытию, и принимая во внимание коллективные ходатайства работников «Красной газеты», «Ленинградской правды»

и «Смены» и постановления правлений ЖАКТов домов № 3, 5, 7 и № 36 по Троицкой ул. и других организаций о ее закрытии, согласиться с постановлением Центрального райсовета, церковь закрыть, а помещение передать Райкоммунотделу»³⁷.

Верующие с таким решением не смирились и еще около двух с половиной лет вели упорную борьбу за свой храм. В результате 30 декабря 1930 года прихожанам выдали удостоверение о перерегистрации их общины, а 31 декабря был заключен новый договор о пользовании храмом.

В апреле 1931 года епархиальные власти назначили настоятелем церкви протоиерея Петра Магистриановича Кремлевского. Он стал ее последним настоятелем.

П. М. Кремлевский родился в 1868 году в деревне Кремлево Кадниковского уезда Вологодской губернии в семье священнослужителя и до 27 марта 1897 года носил фамилию Шайтанов. Окончил духовную семинарию, а в 1895 году — Санкт-Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия и после рукоположения в сан иерея служил в различных петербургских храмах. Так, в 1902–1930 годах он был настоятелем церкви Святого Мефодия при детском приюте на Суворовском проспекте, основал и руководил работой многочисленного «Мефодиевского братства», написал в это время несколько брошюр: «За правду», «Идеальное всепастырство» и др. В 1922 году находился под арестом по делу православных братств. После закрытия Мефодиевской церкви перешел служить в Коневскую.

22 декабря 1933 года он был арестован по делу «евлогиевцев», но приговорен лишь к трем годам концлагеря условно. До весны 1935 года отец Петр служил в Николо-Богоявленском соборе, в марте его выслали в казахстанский город Тургай на пять лет, но в 1936 году разрешили жить

в городе Рыбинске Ярославской области. В 1937 году дело о высылке было пересмотрено и приговор изменен на пять лет лишения права проживания в 12 важнейших городах и погранполосе. Скончался батюшка 26 декабря 1941 года³⁸.

Следует упомянуть, что с 1928 по июль 1932 года обязанности псаломщика в Коневской церкви исполняла известная церковная писательница новомученица монахиня Анастасия (в миру Александра Федоровна Платонова).

А. Ф. Платонова родилась 16 апреля 1884 года в Петербурге в семье художника-иконописца, окончила Введенскую гимназию, педагогические курсы, а в 1912 году — Императорский педагогический институт. С сентября 1912 года по 1918 год работала преподавательницей истории и педагогики в женском училище принцессы Терезии Ольденбургской и в Петровской женской гимназии, а в 1917 году даже была назначена ее начальницей. За десять лет своей писательской деятельности — с 1908 по 1917 год — написала 32 книги и брошюры. С юных лет была тесно связана с Петербургским Иоанновским монастырем, глубоко почитала святого отца Иоанна Кронштадтского и активно публиковалась в журнале «Кронштадтский пастырь».

В первые послереволюционные годы А. Платонова продолжала работать учительницей в образованной на базе Петровской гимназии единой трудовой школе, но уже в 1919 году стала членом совета Андреевского братства и активно включилась в его работу. В 1921 году поступила в число насельниц Иоанновского монастыря, была пострижена в рясофор, а затем и в мантию с именем Анастасия. После закрытия монастыря в 1923 году возглавила нелегальную монашескую общину. В это время она порвала всякие отношения со своим уклонившимся в обновленчество братом — протоиереем Николаем Платоновым (в дальнейшем ставшим обновленческим митрополитом Ленинградским). Община матери Анастасии была разгромлена органами ОГПУ в декабре 1933 года — январе 1934 года. После этого монахиня отбывала пятилетний срок лагерей на Дальнем Востоке и в Томске, затем с 1938 года жила на станции Малая Вишера Новгородского округа. Была вновь арестована 18 октября 1941 года в городе Вышнем Волочке и скончалась в тюрьме 19 ноября 1941 года³⁹.

В 1932 году началась новая волна ликвидации храмов, и ВЦИК 10 июня все-таки принял решение утвердить постановление президиума Ленсовета о закрытии Коневской церкви. 7 июля 1932 года Ленинградская областная комиссия по вопросам культов известила президиум Смольнинского райсовета о необходимости приступить к ликвидации храма. 10 июля состоялось последнее заседание приходского совета, а на следующий день церковь была закрыта, и районный инспектор по вопросам культов принял от членов «двадцатки» ключи от храма и имевшиеся в церковной кассе деньги⁴⁰.

Практически все члены приходского совета и большинство прихожан перешли в храм Святых Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, и 18 июля 1932 года бывшая «двадцатка» Коневской церкви обратилась к районным властям с заявлением о передаче ей части церковного имущества, в том числе чтимого образа Коневской иконы Божией Матери. Эта просьба была удовлетворена, и через несколько дней некоторые богослужебные предметы и икону передали в храм Святых Симеона и Анны. Помещение Коневской церкви занял клуб ЖАКТа. В дальнейшем верхнюю часть здания снесли и после внутренних переделок в нем долгое время находилось строительное управление ТСО «Ленстройконструкция».

Летом 1993 года церковь была возвращена возрожденному Коневскому Рождества Пресвятой Богородицы мужскому монастырю, но еще не мало времени прошло до первого богослужения в храме. Все административные хлопоты легли на плечи наместника Коневского монастыря архимандрита Назария (Лавриненко) и назначенного управляющим Коневским подворьем иерея Сергия Белькова. Окончательно здание подворья

было передано верующим 4 декабря 1996 года. Первая литургия была отслужена архимандритом Назарием в сослужении отца Сергия Белькова и иеромонаха Зосимы 19 сентября 1997 года. В настоящее время в храме регулярно совершаются богослужения, при подворье работает паломническая служба, книжная лавка, библиотека, видеотека, организуется отдых для детей в летнем детском лагере. Настоятелем Коневской обители является иеромонах Мстислав (Дячина).

Примечания

Часть I

К главе 1

¹ Выписка из Высочайше утвержденного доклада Комиссии о Санкт-Петербургском строении 20 августа 1739 г. «Об устройении Московский части и о поименовании улиц и площадей». *Майер А. Л.* Систематическое обозрение предположений о застроении г. Санкт-Петербурга. Атлас II (с 1738 по 1762 г). 1835 г. Приложение № 8 к VI разделу. РНБ. ОР. ф. IV. 656 (листы не нумерованы).

² *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по Учреждениям о губерниях. 1703–1782. СПб., 1884, с. 372.

³ Русский биографический словарь. Чаадаев–Швитков. СПб., 1905, с. 169–173.

⁴ Цит. по: *Петров П. Н.* Указ. соч., с. 506–508.

⁵ *Петров П. Н.* Указ. соч., с. 508.

⁶ Русский биографический словарь. Шебанов–Шлотц. СПб., 1911, с. 96–98.

⁷ *Богданов А. И.* Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его с 1703 по 1751 год (издание Рубана). СПб., 1779, с. 312–313.

⁸ План столичного города Санкт-Петербурга с изображением знатнейших оного проспектов, изданный трудами Императорской Академии Наук и Художеств в Санкт-Петербурге. 1753 г.

К главе 2

¹ РГА СПб. ф. 19. Оп. 1 Д. 4206 св. 70, 1756 г.

² Там же, л. 1–1об.

³ *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга. СПб., 1996. Т. 1., с. 79–81, а также Зодчие СПб. XVIII век. Биографический словарь. СПб., 1997, с. 997; *Вздорнов Г. И.* Архитектор Пьетро Антонио Трезини // Русское искусство XVIII века. М., 1968.

⁴ РГА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 4206 св. 70, л. 3–3об.

⁵ РГА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 4206 св. 68, 1760 г., л. 7.

⁶ РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 98, л. 71.

⁷ *Вирославский Н. М.* Церковь во имя Божией Матери, Владимирской иконы, что в Придворных слободах. СПб., 1876, с. 14.

- ⁸ Выставка «Ломоносов и елизаветинское время». Отд. 16, № 118.
⁹ Архив ГЭ. Ф. 4. Д. 977, л. 29об.
¹⁰ Выставка «Ломоносов и елизаветинское время». Отд. 16, № 98.
¹¹ Архив ГЭ. Ф. 4. Д. 1075, л. 40.
¹² Богданов А. И. Указ. соч., с. 312–313.

К главе 3

- ¹ Земцов С. М. Материалы для биографии Кваренги // Архитектура СССР. 1934, № 3, с. 65.
² РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 4831, л. 1–13.
³ РГИА. Ф. 797. Оп. 3 Д. 12075, л. 1–20.
⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 129. Д. 1799/605, л. 1–2, 1848 г.
⁵ РГА СПб. Ф. 921. Оп. 3. Д. 253, л. 5, 1847.
⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 129. Д. 1799/605, л. 2.
⁷ Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века. СПб., 1996, с. 271.
⁸ РГИА. Ф. 218. Оп. 3. Д. 800, л. 9. О надстройке колокольни. Генеральный план земли, принадлежащей церкви (копия). СПб., 1847, 14 л.
⁹ РГА СПб. Ф. 19. Оп. 80. Д. 32, л. 117–117об.
¹⁰ РГА СПб. Ф. 19. Оп. 80. Д. 34, л. 46–46об.
¹¹ РГА СПб. Ф. 19. Оп. 80. Д. 33, л. 426 и др.
¹² Всемирная иллюстрация. 1890. Т. 43. № 20 (1112), с. 341.

К главе 4

- ¹ Архив ГЭ. Ф. 4. Д. 1075, л. 17.
² Собрание планов, фасадов и разрезов примечательных зданий С.-Петербурга. СПб., 1826, л. 91.
³ Архив ГЭ. Ф. 4. Д. 1075, л. 6–6об.
⁴ Архив ГЭ. Ф. 4. Д. 1075, л. 12.
⁵ Архив ГЭ. Ф. 4. Д. 1075, л. 6об.
⁶ Собрание планов, фасадов и разрезов примечательных зданий С.-Петербурга. СПб., 1826, л. 91.
⁷ Старые годы. 1912, № 5, с. 46–47.
⁸ Историко-статистические сведения по Санкт-Петербургской епархии. Т. с. 70.
⁹ РГИА. Ф. 1338. Оп. 11/68. Д. 10, л. 94об.
¹⁰ Там же, л. 100.
¹¹ Выставка «Ломоносов и елизаветинское время». отд. 16, № 96.
¹² Вирославский Н. М. Указ. соч., с. 9.
¹³ Вирославский Н. М. Указ. соч., с. 5.
¹⁴ «Ломоносов и елизаветинское время». Каталог выставки. СПб., 1912.
¹⁵ Выстава церковной старины в Музее барона Штиглица. Перечень предметов. Пг., 1915.

К главе 5

- ¹ Чудинова И. Пение, звоны, ритуал. СПб., 1994, с. 65.
² Титлинов В. В. Гавриил Петров, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский. Его жизнь и деятельность в связи с церковными делами того времени. Пг., 1916, с. 569.

- ³ Барсов Н. Петербургский приходской священник XVIII — нач. XIX века // Христианское чтение, 1878, с. 654.
- ⁴ Чистович И. История Санкт-Петербургской Духовной академии. СПб., 1857, с. 86.
- ⁵ Русский биографический словарь. Плавильников—Примо. СПб., 1905, с. 41.
- ⁶ Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции. 1883 г. 26. 04. № 92, с. 1–2.
- ⁷ Попов А. П. Краткие сведения о церквях и священнослужителях Санкт-Петербурга. СПб., 1895, с. 21–23.
- ⁸ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1371, л. 2.
- ⁹ Известия Санкт-Петербургской городской общей думы. 1866, № 11, с. 568.
- ¹⁰ Рункевич С. Г. Приходская благотворительность в Петербурге. СПб., 1900, с. 54–66.
- ¹¹ См. также: Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси. СПб., 1905; Бензин В. М. Приходская благотворительность на Руси после 1864 года // Трудовая помощь. 1907, № 2, с. 161.
- ¹² Вирославский Н. М. Указ. соч., с. 22.

К главе 6

- ¹ Руденская М., Руденская С. Они учились с Пушкиным. Л., 1976, с. 241.
- ² Керн А. П. Воспоминания. Л., 1929, с. 289.
- ³ Граповская Н. И. Если ехать вам случится... Л., 1989, с. 100.
- ⁴ Старк В. П. Новые пушкинские адреса в С.-Петербурге / Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1995. Вып. 26, с. 181–185.
- ⁵ Руденская М., Руденская С. Указ. соч., с. 45.
- ⁶ Яцевич А. Пушкинский Петербург. Л., 1935, с. 397.
- ⁷ Керн А. П. Указ. соч., с. 274.
- ⁸ Старк В. П. Указ. соч., с. 184.
- ⁹ Некрасов Н. А. Стихотворения. Пг., 1920, с. 46–47.
- ¹⁰ Отец Николай Вирославский — духовник писателя (к биографии Ф. М. Достоевского) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 11. СПб., 1994, с. 267–271.
- ¹¹ Маркович Б. М. Несколько слов о кончине Достоевского // Московские ведомости. 28. 01. 1881.
- ¹² Лейкин Н. Из записной книжки // Петербургская газета, № 27, 01.02.1881.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Гаршин В. В. Рассказы. М., 1980, с. 116–117.
- ¹⁵ Соколов В. П. Гаршины // Современники о Гаршине. Саратов, 1977, с. 118.
- ¹⁶ Пантелеев Л. Ф. Дополнения к статье «Новое о Гаршине» // Современники о Гаршине..., с. 209.
- ¹⁷ Римский-Корсаков Н. М. Воспоминания и заметки о жизни Н. А. Римского-Корсакова и его семьи. Архив РИИИ. Ф. 11, Р-1 № 33, л. 46; 1942–1947 гг. Сведения предоставлены А. Б. Никаноровым.

¹⁸ *Компанейский Н. И.* Значение Римского-Корсакова в русской церковной музыке // Русская музыкальная газета. 1908, № 39–40, ст. 837–842.

¹⁹ Воскресная увертюра для оркестра на темы из «Обихода», ор. 96.

²⁰ *Римский-Корсаков Н. А.* Летопись моей музыкальной жизни. М., 1955, с. 168.

²¹ Там же, прим. к с. 168.

²² *Компанейский Н. И.* Указ. соч., ст. 837.

²³ *Блок А. А.* Избранные произведения. Л., 1970, с. 510.

²⁴ *Бекетова М. А.* Александр Блок. Биографический очерк. Пг., 1922, с. 27.

²⁵ *Фонякова Н. Н.* Куприн в Петербурге. Л., 1986.

²⁶ Санкт-Петербургский Церковный Вестник. 1997, № 2, с. 26.

К главе 7

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263.

² Там же. 1918. № 62. Ст. 685.

³ ЦГА СПб., Ф. 1001. Оп. 7. Д. 4, л. 344–345.

⁴ Там же. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 239, л. 87.

⁵ Там же, л. 88.

⁶ Северная Коммуна. 1918, 6 декабря.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 239, л. 49.

⁸ Там же, л. 74–75.

⁹ Там же, л. 82.

¹⁰ Красная газета. 1919. 26 августа.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 239, л. 85.

¹² Там же, л. 86.

¹³ Там же, л. 104.

¹⁴ Там же, л. 105.

¹⁵ Там же, л. 106.

¹⁶ *Шкаровский М. В.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат 1917–1945. СПб., 1995, с. 49.

¹⁷ ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. Д. 10, л. 15–16. Оп. 7. Д. 8, л. 1–2. Д. 31, л. 2. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 239, л. 110.

¹⁸ Красная газета. 1922. 9 июня.

¹⁹ «Дело» митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.). М., 1991, с. 13, 86.

²⁰ Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 60. Д. 63, л. 73–74.

²¹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 239, л. 143–148.

²² Там же, л. 205–206, 223, 262.

²³ Там же, л. 266–268.

²⁴ Там же. Ф. 1001. Оп. 9. Д. 10, л. 38–38 об.

²⁵ Там же. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 239, л. 269.

²⁶ Там же, л. 274.

К главе 8

- ¹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 239, л. 327–340.
- ² Там же, л. 347–348.
- ³ Там же. Д. 336, л. 15.
- ⁴ *Прот. Чельцов М. П.* В чем причина церковной разрухи в 1920–1930 гг. / Публикация В. Антонова // *Минувшее: Исторический альманах*. Т. 17. М.; СПб., 1995, с. 444.
- ⁵ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 319, л. 75.
- ⁶ *Алексеев В.* Цели разные, участь общая // *Агитатор*. 1989, № 21, с. 39.
- ⁷ *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви 1917–1945. Париж, 1975, с. 476; ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 2. Д. 20, л. 18. Оп. 33. Д. 207, л. 118.
- ⁸ Там же. Д. 336, л. 64.
- ⁹ Там же, л. 76.
- ¹⁰ Там же, л. 81.
- ¹¹ Там же. Ф. 1000. Оп. 48. Д. 77, л. 48.
- ¹² Там же, л. 197–198; *Шульц С. С.* Храмы Санкт-Петербурга (история и современность). Справочное издание. СПб., 1994, с. 111; *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия в трех томах. Т. 1. СПб., 1994, с. 151.
- ¹³ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 336, л. 216.
- ¹⁴ Там же, л. 241.
- ¹⁵ Архив Управления Федеральной службы Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, фонд архивно-следственных дел. Д. П-66773, т. 12.
- ¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 112, л. 2–34.
- ¹⁷ Ленинградский мартиролог 1937–1938 гг.

К главе 9

- ¹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 336, л. 157.
- ² Там же, л. 160.
- ³ Там же, л. 161–162.
- ⁴ Там же, л. 166. Ф. 1000. Оп. 91. Д. 19, л. 27.
- ⁵ Там же. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 336, л. 167.
- ⁶ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 15. Д. 28, л. 28–30.
- ⁷ Там же, л. 32.
- ⁸ Там же, л. 26–27.
- ⁹ Там же, л. 25.
- ¹⁰ Там же, л. 36.
- ¹¹ Там же, л. 24, 35.
- ¹² Там же. Ф. 1000. Оп. 50. Д. 34, л. 11–13.
- ¹³ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 50, л. 115.
- ¹⁴ Там же. Ф. 9644. Оп. 4. Д. 3, л. 14–15.
- ¹⁵ Там же, л. 18.
- ¹⁶ Там же, л. 19.
- ¹⁷ *Антонов В. В., Кобак А. В.* Указ. соч, т. 1, с. 151.
- ¹⁸ *Степанова И.* Возвращение храма // *Вечерний Ленинград*. 1990. 2 июля.

Часть II

К главе 10

¹ Цит. по: *Миллер Л.* Святая мученица российская великая княгиня Елизавета Федоровна. М., 1994, с. 43.

² Цит. по: *Соловьев Д. Н.* 50-летие СПб 1-й гимназии. 1830–1880. СПб., 1880, с. 58.

³ Цит. по: *Соловьев Д. Н.* Указ. соч., с. 230.

⁴ Цит. по: *Соловьев Д. Н.* Указ. соч., с. 232.

⁵ *Лосский Б. Н.* Наша семья в пору лихолетия 1914–1922 годов // *Минувшее. Исторический альманах.* 12. М.; СПб., 1993, с. 81–82.

⁶ *Лосский Б. Н.* Указ. соч., с. 100–101.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 8379. Оп. 1. Д. 239.

⁸ Санкт-Петербургский мартиролог. СПб., 2002, с. 222.

⁹ ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 7. Д. 4, л. 42. Д. 44, л. 18. Ф. 8778. Оп. 1. Д. 57. Д. 72, л. 34.

¹⁰ *Попов А. Д.* Император Александр III. 2-е изд. Пг., 1916, с. 303.

¹¹ Цит. по: *Попов А. Д.* Указ. соч., с. 90.

¹² Цит. по: *Попов А. Д.* Указ. соч., с. 91.

¹³ Церковь СПб Коммерческого училища. СПб., 1891, с. 5.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 104. Оп. 2. Д. 1, л. 23, 83. Д. 43.

¹⁵ Там же. Ф. 1001. Оп. 7. Д. 1, л. 4. Д. 9, л. 2.

¹⁶ Цит. по: [*Ивановский Я. И.*] Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. Краткая история монастыря, с приложением важнейших документов. 3-е изд., испр. и знач. доп. СПб., 1901, с. 114.

¹⁷ *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга. Т. 3. СПб., 1996, с. 110.

¹⁸ Цит. по: [*Ивановский Я. И.*] Указ. соч., с. 122.

¹⁹ АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. Дел. Д. П-77283. Т. 2; Санкт-Петербургский мартиролог. СПб., 2002, с. 237.

²⁰ ЦГА СПб. Ф. 8778. Оп. 1. Д. 41, л. 1–15.

²¹ Там же, л. 16–17.

²² Там же, л. 26–74.

²³ Там же, л. 103.

²⁴ Там же, л. 104–105.

²⁵ Там же. Ф. 104. Оп. 2. Д. 22, л. 5.

²⁶ Там же, л. 18.

²⁷ Там же, л. 52. Д. 1, л. 19. Ф. 3201. Оп. 2. Д. 29, л. 1–2.

²⁸ Там же. Ф. 104. Оп. 2. Д. 22, л. 88–89.

²⁹ Санкт-Петербургский мартиролог. СПб., с. 280, 287.

³⁰ Историко-статистическое описание Рождественского Коневского монастыря. СПб., 1869, с. 76.

³¹ Благодатные действия и исцеления от Коневской иконы Божией Матери, находящейся в монастырской часовне в СПб на Загородном просп., № 7. СПб., 1909, с. 5.

³² ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 7. Д. 4, л. 135.

³³ АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-66773.

- ³⁴ ЦГА СПб. Ф. 3201. Оп. 2. Д. 29, л. 65–69.
- ³⁵ Там же. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 112, л. 14.
- ³⁶ АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-66773. Т. 5, л. 151.
- ³⁷ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 90. Д. 8, л. 178.
- ³⁸ Санкт-Петербургский мартиролог. СПб., 2002, с. 138.
- ³⁹ *Краснов-Левитин А.* Лихие годы. 1925–1941. Воспоминания. Париж, 1977, с. 123–124; Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Тверской области. Ф. арх.-след. дел. Д. 28304-с.
- ⁴⁰ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 315.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список настоятелей Собора Владимирской иконы Божией Матери

1746–?	иерей Григорий Матвеев
1763–1770	священник Иоанн Кириков
1770–1783	священник Иаков Иванович Граевский
1783–1789	протоиерей Иаков Илларионов
1798–?	священник Филипп Васильев
1790–1808	священник Иван Федоров Башилов
1808–1810	протоиерей Иоанн Никитич Голубев
1810–1825	протоиерей Павел Петрович Свизев
1826–1831	протоиерей Симеон Яковлевич Платонов
1831–1864	протоиерей Михаил Никитич Малейн
1864–1892	протоиерей Александр Николаевич Соколов
1892–1893	протоиерей Дмитрий Александрович Приселков
1895–1902	протоиерей Николай Михайлович Вирославский
1900; 1902–1903	протоиерей Дмитрий Александрович Приселков
1904–1917	протоиерей Александр Алексеевич Владимирский
1917–1922	протоиерей Павел Антонович Кедринский
1922–1923	протоиерей Иоанн Яковлевич Соколов (обновленец)
1923–1932	протоиерей Павел Антонович Кедринский
1986–1990	митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Ридигер)
1990–1996	митрополит Ленинградский и Ладужский Иоанн (Снычев)
с 1996 по наст. время	митрополит Санкт-Петербургский Владимир (Котляров)

Краткий словарь церковной лексики

- Архиерей** — высший чин церковной иерархии; епископ. Власти епископа подчинены все члены Церкви, находящиеся постоянно или временно в пределах его епархии, все учреждения православной Церкви, духовные учебные заведения и церковно-приходские школы, монастыри (за исключением подчиненных непосредственно Патриарху), братства и церковно-приходские попечительства.
- Благочинный** — священник, поставленный епархиальным архиереем для надзора за духовенством вверенной ему епархии. Благочинный имел в своем подчинении все духовенство и причетников своего округа и руководствовался особой инструкцией для благочинных.
- Братчик, братчица** — члены религиозного братства.
- Воздух** — покров, которым после совершения проскомидии до пения Символа веры на литургии покрывают святые дары, приготовленные к освящению на дискосе и в потире. Потир и дискос покрываются малыми покровами сначала по отдельности, потом оба священных сосуда покрываются воздухом вместе.
- Дарохранильница** — ящичек, в котором хранятся Святые Дары.
- Дары Святые** — хлеб и вино после освящения на Божественной литургии, таинственно ставшие Телом и Кровью Христовыми.
- Диакон** — священнослужитель первой (низшей) из трех степеней священства.
- Дискос** — небольшое священное блюдо на широкой ножке. На дискос во время литургии кладется Святой Агнец и частицы из просфор.
- Иерей** — священник, лицо второй степени священства (после диакона), посвящается в сан через таинство рукоположения. Имеет право священнослужения и совершения ряда основных церковных таинств, кроме рукоположения других священников.
- Иеромонах** — монах в сане священника.
- Митрофорный протоиерей** — протоиерей, которому пожаловано право носить митру как почетное личное отличие.
- Пострижение** — при вступлении в монашество священник постригает ножницами часть волос у вступающего как знак обета следовать за Христом.
- Потир** — богослужебный сосуд, в котором во время литургии возносятся Святые Дары и из которого причащаются верующие.

- Причетник** — член церковного причта, церковнослужитель.
- Причт** — состав лиц, служащих при одной церкви, как священнослужителей, так и церковнослужителей. При каждой церкви причт соответствует утвержденному штату и получает содержание согласно штатному расписанию.
- Протоиерей** — как правило, настоятель соборной церкви, первый в ряду ее священников. Звание протоиерея часто жалуется священникам как почетное личное отличие.
- Рукоположение** — посвящение в сан священника с сообщением определенной благодати.
- Солея** — возвышенное место перед иконостасом.
- Староста церковный** — поверенный прихода, избираемый в церкви для участия с причтом в распоряжении церковным имуществом, решении хозяйственных и финансовых вопросов.
- Тропарь** — краткая песнь, прославляющая Господа, Богородицу или святых.
- Хиротония** — посвящение в сан епископа с сообщением определенной сану благодати.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
--------------------------	---

Часть I

Собор Владимирской иконы Божией Матери

Глава 1. В Придворных слободах	9
Глава 2. Тщанием иерея Иоанна Кирикова	19
Глава 3. Один из старейших архитектурных ансамблей Санкт-Петербурга	32
Глава 4. Интерьеры и убранство Владимирской церкви	46
Глава 5. Приходская жизнь	70
Причт и настоятели храма	70
Приходское благотворительное общество ..	81
Храмовые праздники и крестные ходы	88
Глава 6. Деятели русской культуры в приходе храма	92
Глава 7. Послереволюционные годы	113
Ленинский декрет в действии	113
В условиях церковных нестроений	128
Глава 8. Новый атеистический поход	135
«Религиозный нэп»	135
Закрытие церкви	144
Глава 9. Судьба церковного здания в 1930–1980-е годы	151
Глава 10. Возрождение храма	166

Часть II

Приписные и близлежащие церкви

Глава 1. Приписные домовые церкви	179
Глава 2. Церкви учебных заведений	185
Церковь Преображения Господня при Первой гимназии	185

Церковь Святого князя Александра Невского в память Александра III в здании Училищного совета Святейшего Синода	196
Церковь во имя святых апостолов Петра и Пав- ла Императорского коммерческого училища	203
Глава 3. Монастырские и синодальное подворья . . .	212
Подворье Свято-Троицкого Александро-Свир- ского монастыря	212
Подворье Коневского Рождества Пресвятой Богородицы мужского монастыря	229
<i>Примечания</i>	243

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список настоятелей Собора Владимирской иконы Бо- жией Матери	250
Краткий словарь церковной лексики	251

ИСАКОВА Елена Валентиновна
ШКАРОВСКИЙ Михаил Витальевич,
доктор исторических наук

СОБОР НА ВЛАДИМИРСКОЙ И ХРАМЫ ПРИДВОРНОЙ СЛОБОДЫ

Редактор *Г. Б. Зеленская*
Корректор *И. Н. Стукалина*
Компьютерная верстка *О. Н. Алексеева*

Подписано в печать 03.02.2004. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага офсетная. Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,48. Уч.-изд. л. 9,45. Тираж 4000 экз. Заказ № 215.

Издательство «Паритет».
197183, Санкт-Петербург, Липовая аллея, д. 15а, оф. 18.
E-mail: book_paritet@mail.spbnit.ru

Отдел реализации издательства «Паритет».
Санкт-Петербург, ул. Михайлова, д. 8.
Тел. (812) 541-81-94, (812) 542-02-57.
E-mail: or_paritet@mail.spbnit.ru

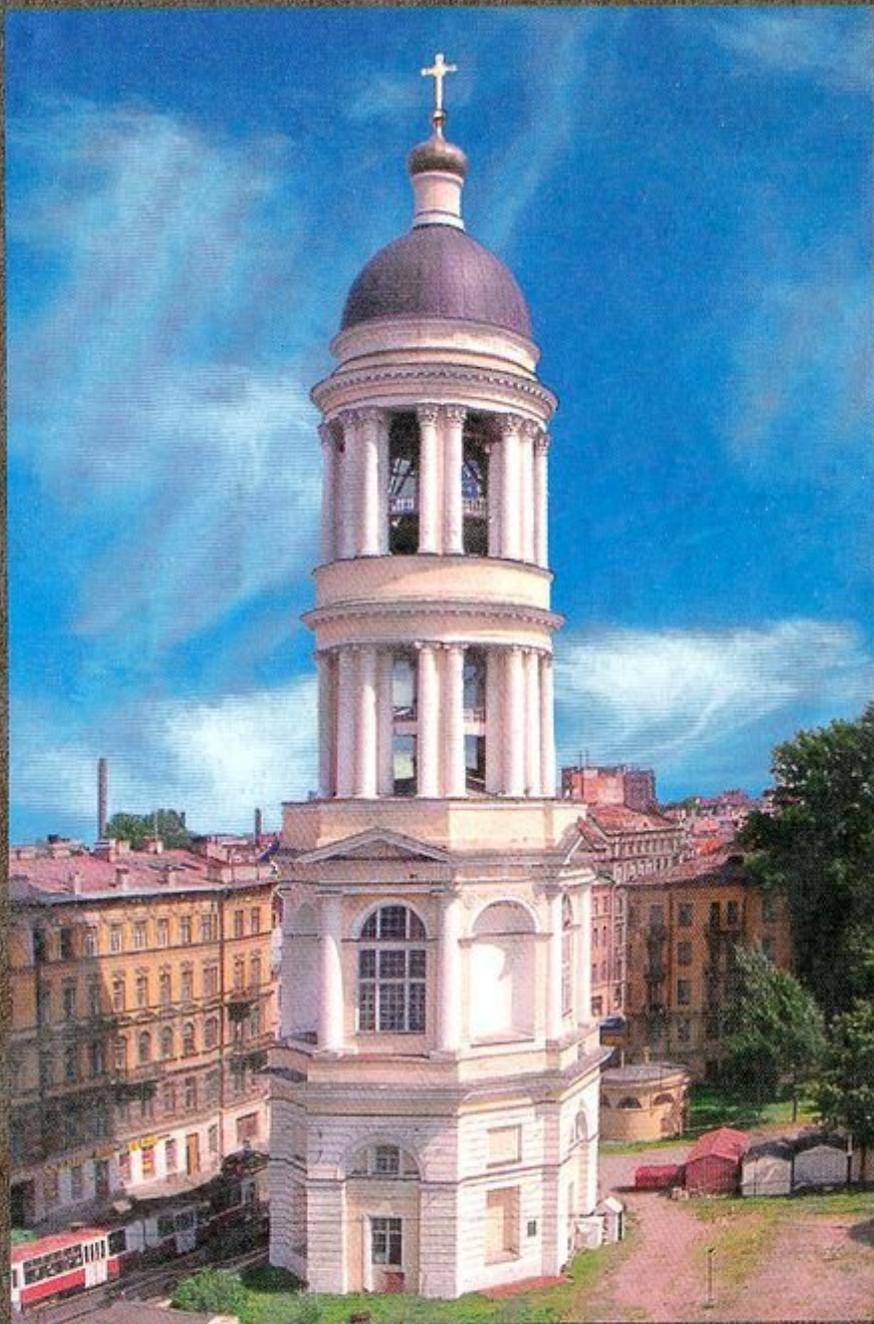
Представительство в Москве.
ООО «МиМ-М». Тел. (095) 953-05-07.
E-mail: larcheek@yandex.ru

ООО «Фоликом» («Книга — почтой»)
199053, Санкт-Петербург, В. О., 4-я линия, д. 13.
Тел. (812) 323-70-04. E-mail: folicom@mail.wplus.net

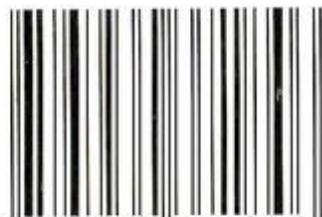
Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП ИПК «Лениздат»
(типография им. Володарского) Министерства РФ

по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 59.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Паритет

ISBN 5-93437-184-3

9 785934 371846